

А. Теннисонъ

КОРОЛЕВСКІЯ ИДИЛЛИ

ПОЛНЫЙ СТИХОТВОРНЫЙ ПЕРЕВОДЪ

О. Н. ЧЮМИНОЙ

съ иллюстраціями Г. Дорэ, Райда, Мэклизэ и др.

О король Артуръ

Изданіе А. А. Каспари

С. ПЕТЕРБУРГЪ

1903

ИЗДАНИЕ А. А. КАСПАРИ.

КОРОЛЕВСКІЯ ИДИЛЛІИ

Поэмы А. Теннисона

ВЪ ПЕРВОМЪ ПОЛНОМЪ СТИХОТВОРНОМЪ ПЕРЕВОДѢ

О. Н. Чюминой

съ иллюстраціями извѣстныхъ художниковъ Г. ДОРЭ, РАЙДА, МЭКЛИЗА, ЭДОВАРДИ и друг.

О король Артуръ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Книгоиздательство А. А. Каспери, Лиговская улица, собственный домъ, № 114.
1903.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 10-го сентября 1903 г.
Графическое заведение «Родина» (А. А. Каспари), Лиговская ул., соб. д., № 114.

Альфредъ Теннисонъ, творецъ „Королевскихъ идиллій“.

I.

Жизнь А. Теннисона.

Имя Теннисона не пользуется широкой известностью среди русских читателей. Рѣдко-рѣдко когда попадаются въ русскихъ изданіяхъ небольшія, чаще всего блѣдно переведенныя, стихотворенія съ подзаголовкомъ: „Изъ Теннисона“. Они даютъ самое отдаленное представленіе объ ихъ авторѣ, а, между тѣмъ, Альфредъ Теннисонъ, поэтъ-лауреатъ англійской королевы Викторіи, долженъ заслуживать вниманіе русскихъ читателей такъ-же, какъ Байронъ и Шелли.

Причины такой малораспространенности произведеній Теннисона среди русскихъ читателей, по нашему мнѣнію, кроются, во-первыхъ, въ его близости къ намъ — лордъ Теннисонъ скончался всего только въ 1892 г., — затѣмъ въ образѣ жизни этого человѣка. Теннисонъ никогда не вызывалъ шума. Жизнь его текла ровно, покойно, онъ не былъ боевымъ поэтомъ, не держалъ никакого знамени. Это былъ поэтъ-художникъ. Хлесткость стиха и фразы отсутствовали въ его стихотвореніяхъ, красота, кроткій миръ, полное довольство жизнью — вотъ отличительныя черты поэзіи Теннисона. Чтобы восхищаться имъ, нужно и чувствовать, и понимать красоту, а это доступно не каждому; поэтому-то Теннисонъ — поэтъ не народной массы, а пока небольшого круга избранныхъ натуръ. Однако, изъ года въ годъ увеличивается популярность этого гениальнаго поэта, и потому мы, желая познакомить съ его твореніями и русскаго читателя, рѣшили выпустить въ свѣтъ наиболѣе талантливыя его произведенія вслѣдъ за твореніями безсмертныхъ Мильтона и Данте.

Жизнь знаменитаго поэта, какъ это сказано выше, олицетворенные тишина и покой. Представьте себѣ ясный солнечный день безъ зноя, безъ вѣтра, безъ дождя. Утро его радостно, полдень безоблаченъ, вечеръ тихъ и отраденъ. Вотъ это и будетъ долгая жизнь Теннисона. Родился знаменитый поэтъ въ 1809 г. въ Линкольнширѣ въ Англійи. Отецъ его былъ священникомъ, и это уже говоритъ за то, что дѣтство ребенка должно было пройти въ невозмутимой тишинѣ. И, дѣйствительно, оно прошло вдали отъ шума большого города, въ непосредственной близости съ красавицей-природой, которая и развила въ ребенкѣ способность къ творчеству. Она, эта великая учительница, возбудила въ немъ чуткость и любовь къ прекрасному и пробудила въ душѣ Альфреда Теннисона порывы вдохновенія и стремленіе излагать словами свои чувства и впечатлѣнія. О началѣ поэтического творчества Теннисона известно немного. Можно сказать только, что развитію его много способствовали старшій его братъ Чарльсъ, также богато одаренная натура. Братья учились вмѣстѣ, низ-

шее и среднее образованіе Альфредъ получилъ превосходное, но съ университетскимъ ему не повезло. Девятнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ Кембриджъ, но вскорѣ оставилъ его безъ ученой степени. Сказалась, впрочемъ, ясно поэтическая его способность. Будучи въ университетѣ, онъ получилъ золотую медаль за написанную на заданную тему поэму „Тимбукту“. Тогда онъ былъ уже нѣсколько известенъ въ литературныхъ кругахъ. Еще до поступления въ университетъ онъ издалъ, правда, анонимно, первый сборникъ своихъ стихотвореній. Второй его сборникъ лирическихъ стихотвореній и поэмъ былъ встрѣченъ критикой не только неодобрительно, но даже непріязненно. Въ молодомъ поэтѣ строгіе судьи не находили и тѣни дарованія. Нападки критиковъ, смерть горячо любимаго отца такъ опечалили молодого Теннисона, что онъ уѣхалъ изъ Англійи и, пока не улеглось его горе, жилъ въ Испаніи. По возвращеніи на родину, Теннисонъ сдѣлалъ еще попытку добиться литературной известности и издалъ третій сборникъ своихъ поэтическихъ произведеній. Этотъ сборникъ былъ встрѣченъ съ большою благосклонностью. Критики отмѣтили, что стихъ Теннисона сталъ болѣе музыкальнымъ, рѣчь менѣе напыщенной, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ въ одинъ голосъ упрекали молодого поэта за односторонность его произведеній, за стремленіе изображать жизнь въ отвлеченныхъ образахъ, красота которыхъ казалась нехудожественною, искусственною. Теннисонъ замолчалъ, обиженный подобными отзывами. Десять лѣтъ ничего не слышно было о молодомъ поэтѣ, но вотъ въ 1842 г. появилось собраніе его стихотвореній, въ которое вошли не только ранѣе известныя, но и новыя произведенія. Перемѣнилось-ли время, а съ нимъ и вкусы и требованія читателей, сошли-ли со сцены строгіе критики и, что всего вѣрнѣе, выросъ и окрѣпъ талантъ поэта — только теперь произведенія Теннисона встрѣчены были всеобщимъ восторгомъ: и критика, и читатели возносили его до небесъ; Теннисонъ сразу выдвинулся и сталъ въ ряды первоклассныхъ поэтовъ Англійи. Онъ заслонилъ собою такихъ гигантовъ, какъ Свинборнъ, Байронъ, Шелли, и съ той самой поры успѣхъ поэта возрасталъ съ каждымъ новымъ его произведеніемъ. Появившаяся въ 1847 г., большая его поэма „Принцесса“ такъ пришлась по душѣ англійскимъ читательницамъ, съ молодою еще въ то время королевою Викторіей во главѣ, что тогда былъ возбужденъ вопросъ о назначеніи Теннисона „поэтомъ-лауреатомъ“, т. е., придворнымъ поэтомъ, на обязанности котораго лежало составленіе стихотвореній на разные случаи придворной жизни. Въ 1850 г. Теннисонъ издалъ сборникъ своихъ элегій „In memoriam“ („На память“), посвященныхъ памяти умершаго друга, поэта Галама, и представлявшихъ изъ себя, по отзывамъ критики,

„одинъ изъ самыхъ богатыхъ даровъ, принесенныхъ дружбаю на алтарь смерти“. Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ этого сборника, Теннисонъ былъ назначенъ лауреатомъ и немедленно послѣ этого женился. Женильба не внесла переменъ въ жизнь поэта. Онъ продолжалъ жить вдали отъ общества и во всю свою долгую жизнь никогда постоянно не жилъ въ Лондонѣ, являясь туда только въ случаяхъ крайней необходимости. Сперва онъ жилъ въ деревушкѣ по близости громадной столицы, затѣмъ, съ семьей, на западномъ берегу острова Уайта въ деревнѣ Фарринфордъ, около которой было у него помѣстье. Окруженный любимой семьей, друзьями, въ бесѣдѣ о красотѣ, поэзіи, литературѣ, вѣчно довольный жизнью, не мятущейся уравновѣшенной душой, глубоко религіозный жилъ этотъ человекъ „вдали отъ шума и дыма городоваго“, творя свои великолѣпныя произведенія. Онъ весь отдался поэзіи. Умеръ Теннисонъ въ 1892 г. Онъ погребенъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ.

II.

Поэзія А. Теннисона.

Поэзія Теннисона является важнѣйшимъ отраженіемъ его міровоззрѣнія, его души, его жизни. Въ ней нѣтъ ни возмущенія, ни драмы, въ ней все — покой, чистота и красота. Теннисонъ — истинный лирикъ въ небольшихъ своихъ произведеніяхъ, въ болѣе крупныхъ поражаетъ совершенствомъ отдѣлки и формы, обиліемъ граціозныхъ образовъ. Здѣсь вышность часто заслоняетъ сущность, идея произведенія тушется и становится незамѣтной. Выступаютъ на первый планъ именно совершенство формы, граціозная мелодичность, богатство гармоническихъ сочетаній. Подобно Шекспиру, поэтъ бралъ сюжеты всюду: древнѣйшія быліны, волшебныя сказки, народныя преданія, даже какой-нибудь поднятый газетами социальный вопросъ. Разъ тема была найдена, Теннисонъ тщательно начиналъ анализировать ее, и послѣ долгаго всесторонняго анализа принимался за тщательный подборъ мотивовъ, деталей, описаній, характеристикъ. Это — работа холоднаго, спокойнаго ума; вдохновенія, художественнаго творчества тутъ еще нѣтъ. Но вотъ подготовка кончена, все мельчайшія детали собраны, запечатлѣлись въ мозгу поэта, претворились въ немъ и создали картину. Лишь тогда приступалъ Теннисонъ къ поэтическому изображенію. Лились одна за другою звучныя строфы, одинъ за другимъ выдвигались полные художественной красоты образы и картины, прекрасныя и въ своей красотѣ правдивыя и дѣйствительно чистыя. Никогда поэтъ не затрогивалъ такъ называемыхъ „проклятыхъ вопросовъ“ на злобы дни, не звалъ ни къ отмщенію, ни къ борьбѣ. „Мерзость жизни“ не существовала для него. „Насъ возвышающій обманъ“ былъ ему всегда дороже тьмы низкихъ истинъ. Да и неприглядная дѣйствительность вовсе не по душѣ и не по плечу Теннисону. Онъ отворачивается отъ дѣйствительности и уходитъ весь въ область грезы.

Особенно удавалось Теннисону воссозданіе женскихъ образовъ. Онъ умѣлъ придавать имъ чистоту, граціозность, возвышать ихъ, подчеркивать высоту чувства, причемъ всегда изображалъ женщину только женщиной съ ея нѣжностью, сердечной теплотой, отзывчивостью, чуткостью. Это и создало Теннисону громадный успѣхъ среди англійскаго общества, гдѣ никто не задумывался давать стихи Теннисона для прочтенія юнымъ дѣвушкамъ, ибо каждый былъ увѣренъ, что никакихъ отрицательныхъ сторонъ поэтъ не изобразилъ. Поэтомъ-то Теннисонъ и заслонилъ

собою огненнаго Байрона, пылающаго всегда Шелли, Елизавету и Роберта Браунингъ, боевого поэта Свинборна и долженъ всегда остаться любимымъ поэтомъ англійскихъ женщинъ и любимцемъ женщинъ всего міра, ибо онъ — ихъ вѣрный рыцарь, ихъ поэтъ, и онѣ находятъ въ его твореніяхъ прекрасное изображеніе самихъ себя.

Да будетъ позволено здѣсь вкратцѣ рассказать содержаніе поэмы „The Princess“, которою А. Теннисонъ создалъ себѣ славу въ женскомъ кругу. Содержаніе поэмы феерическое. Молодая прекрасная Ида, дочь короля Гамы, возмущена подчиненіемъ женщинъ мужчинамъ. Она устраиваетъ женскій университетъ, гдѣ намѣревается воспитать духъ женщинъ такъ, чтобы онѣ могли стать на одномъ уровнѣ съ мужчинами. Ида еще въ младенчествѣ помолвлена на замужество съ сѣвернымъ принцемъ и, конечно, замужь за него выходить не желаетъ, но тотъ, во что-бы то ни стало, желаетъ приобрѣсть любовь принцессы и съ двумя товарищами пробирается въ убожище нареченной. Тамъ ихъ узнаютъ, и принцесса готова произнести смертный приговоръ, но потомъ просто прогоняетъ принца. Оскорбленный женихъ требуетъ поединка. Принцесса вызываетъ рыцарей отца; принцъ-женихъ побѣжденъ и тяжело раненъ. Ида теперь чувствуетъ состраданіе къ нему, ухаживаетъ за нимъ и, въ концѣ концовъ, влюбляется въ него.

Эта, именно, поэма создала славу Теннисону. Между тѣмъ, по своему содержанію и развитію дѣйствія она очень близко совпадаетъ съ комедіей Шекспира „Потерянные усилія любви“ („Loves labor lost“). Только у Шекспира на мѣстѣ принцессы Иды съ подругами — король Наварры, а на мѣстѣ сѣвернаго принца — французская принцесса. И такъ, канва произведенія заимствована Теннисономъ, между тѣмъ, его поэма „The Princess“ остается оригинальною, такъ какъ онъ, пользуясь готовой канвой, воссоздаетъ заново весь рисунокъ. Принцесса Ида у него граціозный, полный чистой прелести образъ. Теннисонъ нарисовалъ ее среди своей картины столь ярко, что даже „женскій университетъ“ не представляется чѣмъ-либо вычурнымъ, ибо Ида Теннисона искренна. Знаменательно и то, что Теннисонъ не отрѣшилъ своей героини отъ столь свойственнаго каждой женщинѣ чувства жалости къ страдающимъ; онъ даже положилъ это чувство въ основаніе любви Иды къ принцу, т. е., какъ-бы показалъ всю тщетность женскихъ усилій передѣлать на иной ладъ свою природу.

Не менѣе прелестный женскій образъ нарисованъ поэтомъ въ болѣе раннемъ его произведеніи: „Королева Мадъ“ („The Beggars Maid“). Это — трилогія съ содержаніемъ, которымъ вдохновлялось безъ числа поэтовъ: умираетъ молодая дѣвушка и передъ смертью прощается съ матерью; но Теннисонъ и тутъ сумѣлъ явиться оригинальнымъ. Онъ придалъ своей умирающей такую простоту и такое смиреніе передъ смертью, что эта „Королева Мадъ“ въ подобномъ изображеніи вышла совершенно новымъ поэтическимъ образомъ. Попытки Теннисона къ изображенію человѣческихъ страстей мы видимъ въ поэмѣ „Maud“. Въ ней Теннисонъ задумалъ было изобразить столь несвойственную его складу ума и души разочарованность и отчаяніе, и хотя произведеніе его красиво, полно наблюдательности и мягкости, но поэтической силы оно совсѣмъ не отражаетъ. До нѣкоторой степени то-же стремленіе къ изображенію отрицательныхъ сторонъ жизни замѣтно еще задолго до выхода въ свѣтъ „Maud“. Въ сборникѣ 1842 г. появилась поэма „Замокъ Локекли“ („Locksley-Hall“). По стиху, по образности поэма очень красива, но содержитъ она

ЛОРДЪ АЛЬФРЕДЪ ТЕННИСОНЪ (1809—1892 г.).

падо́вшія уже у Байрона и Колриджа порицанія женщины, вышедшей замужъ по расчету. Однако, и тутъ героиня Теннисона — жертва, угнетенное существо; поэтъ находить для нея всякаго рода оправданія, оставаясь вѣрнымъ своему рыцарскому взгляду на женщину.

Мы указали здѣсь крупнѣйшія произведенія Альфреда Теннисона, наиболѣе типично характеризующія его талантъ, какъ поэта-лирика, но ничего не сказали объ его эпическихъ произведеніяхъ, среди которыхъ первое мѣсто занимаютъ „*Idylls of The Kings*“ — „Королевскія идилліи“ — циклъ великолѣпныхъ былинъ, посвященныхъ древнѣйшему королю Артуру и рыцарямъ Круглаго Стола.

III.

Король Артуръ и рыцари Круглаго Стола.

Существованіе короля Артура въ наше время подвергается большому сомнѣнію, хотя въ древнѣйшія времена пользовался извѣстностью Артуръ, принцъ Силурійскій, или Домникійскій. Жилъ онъ въ Валлисѣ, въ Кермонѣ, и прославился, какъ неутомимый борецъ за свободу и вѣру своего народа. Въ ряду кельтскихъ королей Артуръ былъ послѣднимъ, сумѣвшимъ соединить около себя остатки кельтовъ и удержать припшельцевъ-язычниковъ — англо-саксовъ, — хотя и не на долгое время, отъ окончательнаго порабожденія страны. Вотъ и все, что сохранила намъ исторія объ этомъ прославленномъ былинами королѣ. Есть еще нѣкоторыя указанія на то, что Артуръ умеръ отъ смертельной раны, полученной имъ въ бою съ возмущившимся племянникомъ Модредомъ на островѣ Авилонѣ, и еще на то, что останки Артура были найдены при англійскомъ королѣ Генрихѣ II, т. е., въ двѣнадцатомъ вѣкѣ.

Память народная сохранила короля Артура для самыхъ отдаленныхъ отъ него вѣковъ. Король Артуръ — защитникъ народа, герой народный — не могъ пропасть безслѣдно. Уже въ VI и VII вѣкахъ по Р. Хр., т. е., очень скоро послѣ смерти Артура, валлійскіе барды пѣли пѣснь о королѣ Артурѣ, окружая его ореоломъ героя. Въ IX вѣкѣ въ хроникахъ записаны сказанія о королѣ Артурѣ, причемъ сообщаются подробности, исторіей не сохраненныя.

Согласно преданіямъ, отцомъ Артура былъ славный король кельтовъ — Утеръ, а матерью — супруга корнваллійскаго герцога Горлоиса — Игерна. Рожденіе Артура не обошлось безъ волшебства. Волшебникъ Мерлинъ превратилъ по внѣшности короля Утера въ супруга Игерны, и лишь такимъ обманнымъ путемъ король смогъ овладѣть герцогинею. Ребенкомъ, родившимся отъ этой любви, и былъ Артуръ. Въ дѣтствѣ онъ находился на попеченіи Мерлина и затѣмъ, когда Утеръ умеръ, занялъ его престолъ, послѣ междоусобной борьбы съ герцогами и баронами. Въ дальнѣйшемъ король Артуръ отличался ясно выраженными воинственными наклонностями. Онъ разгромилъ во многихъ большихъ сраженіяхъ саксовъ, пошелъ на Шотландію, Данію, Норвегію и даже во Францію. Здѣсь около Парижа Артуръ разбилъ наголову римскіе легіоны, но тутъ его постигла семейная неприя́тность. Пока король Артуръ воевалъ на континентѣ, его племянникъ Модредъ увлекъ сердце супруги Артура, Джиневры. Артуръ отправился для наказанія племянника, и былъ убитъ.

Таковы записи о королѣ Артурѣ въ древнѣйшихъ хроникахъ. Ничего невѣроятнаго въ нихъ нѣтъ, если, конечно, исключить волшебника Мерлина при рожденіи Артура; не находимъ также ничего невѣроят-

наго или сверхъестественнаго въ описаніи артурова царствованія въ мирное время. Артура древнѣйшія хроники выставляютъ идеальнымъ королемъ, старавшимся поддерживать въ Англійи добрыя начала во все свое царствованіе. Жилъ король Артуръ съ супругою Гвенвиварою въ Валлисѣ, въ Кермонѣ. Его окружали доблестнѣйшіе, непобѣдимые рыцари, готовые служить добру и правдѣ, несчастнымъ и угнетеннымъ. Изъ всѣхъ рыцарей король отдѣлилъ двѣнадцать наиболѣе доблестныхъ. Ихъ онъ поставилъ особенно близко къ себѣ, образовавъ вмѣстѣ съ ними особый рыцарскій орденъ и ставъ во главѣ его. Въ знакъ своего совершеннаго равенства между собой всѣ эти рыцари для бесѣдъ и пировъ собирались вокругъ Круглаго Стола, за которымъ, по самой его формѣ, не могло быть ни высшихъ, ни низшихъ мѣстъ; отсюда и названіе ордена — „рыцари Круглаго Стола“. Эти рыцари разѣзжались по странѣ, сражались съ разбойниками, защищали всѣхъ угнетенныхъ; они обязаны были оказывать рыцарское поклоненіе и защиту избранной ими дамѣ. Подвиги ихъ должны были быть безкорыстны, и понятно, что въ то время, когда слабѣйшіе ничѣмъ не были защищены отъ произвола сильнѣйшихъ, дѣятельность рыцарей Круглаго Стола вызвала восторгъ, а основатель ордена — всенародное обожаніе.

Такова первоначальная основа всѣхъ вообще сказаній о королѣ Артурѣ и его рыцаряхъ Круглаго Стола, но хроники не преминули отмѣтить также и легенды, созданныя фантазіей народа о королѣ Артурѣ. Мы уже видѣли, что рожденіе его не обошлось безъ участія волшебника. Смерть Артура также отмѣчена легендою. По народной легендѣ, Артуръ не умеръ послѣ битвы на Авилонѣ, но духъ его поселился въ воронѣ, и должно настать время, когда Артуръ вернется снова и совершитъ великіе подвиги на благо своего народа.

Мы уже указали, что это — записи въ хроникахъ, по времени ближайшихъ къ дѣйствительной жизни этого древняго короля. Поэтому-то въ сообщеніяхъ ихъ и не могло быть особенно фантастическихъ подробностей. Но вотъ промчалось время — вѣкъ, и не одинъ, а нѣсколько, и король Артуръ съ своими рыцарями сталъ полнымъ достояніемъ легенды. Исчезла прежняя простота, явились новыя наслоенія, и подвиги короля Артура и его рыцарей стали основою, лучше сказать, основнымъ сюжетомъ, для новыхъ разукрашенныхъ пышно-фантастическими подробностями не народныхъ, а искусственныхъ легендъ, сказаній, былинъ. Тогда какъ разъ наступило время величайшаго расцвѣта человѣческой мысли, выбивавшейся изъ-подъ гнета грубаго и невѣжественнаго средне-вѣковья. Рыцарство принимало подъ влияніемъ начинавшагося смягченія нравовъ новый оттѣнокъ; у него явились и отвлеченные идеалы. Артуровъ орденъ Круглаго Стола и самъ король Артуръ явились для новыхъ рыцарей XII—XIII вѣковъ образцомъ, достойнымъ подражанія. Вѣдь, у артуровыхъ рыцарей на первомъ планѣ было служеніе добру, и рыцари новой эпохи также увлеклись этой отвлеченной цѣлью и поставили своимъ идеаломъ Круглый Столъ. Но идеаль всегда долженъ быть неизмѣримо великъ и недосягаемо высокъ, иначе было-бы слишкомъ легко приблизиться къ нему. Тогда-то сказанія о королѣ Артурѣ приняли фантастическій характеръ и въ формѣ рыцарскаго романа уже разошлись по всему европейскому матеріку. Подвиги рыцарей Круглаго Стола теряютъ свою простоту. Рыцари короля Артура борются съ чудесными великанами, побѣждаютъ злыхъ чародѣевъ и чудовищъ;

является сказание о св. Грааль; по однимъ преданіямъ, св. Грааль—это чаша Тайной вечери, въ которую по распятіи Иисуса Христа Иосифъ Аримаеѣйскій собралъ кровь Богочеловѣка, по другимъ—св. Грааль—это драгоценный камень, у котораго молился Христосъ въ Геосиманскомъ саду. Братство особыхъ рыцарей необычайной чистоты и святости охраняетъ эту драгоценнѣйшую реликвию, которая яко-бы находится въ землѣ, и даже изъ идеальныхъ рыцарей Круглаго Стола только Гевейнъ, Персиваль и Галаадъ удостоились счастья найти Грааль и стать въ ряды его хранителей.

Но рыцарскіе романы сами объяснили, почему нашлось такъ мало избранныхъ среди идеальныхъ рыцарей короля Артура: они, несмотря на свои высочайшія достоинства, все-таки были люди, и ничто человеческое имъ не было чуждо. Нерѣдко они увлекались радостями жизни, хотя и не поступались требованиями рыцарской чести; будучи придворными, они не отказывались отъ веселыхъ пировъ—стало быть, не соблюдали абсолютнаго воздержанія, не прочь были и отъ утѣхъ любви—стало быть, цѣломудріе ихъ представлялось сомнительнымъ; на турнирахъ они искали для себя славы—стало быть, не могли смирить своихъ гордости и честолюбія. Между тѣмъ, хранителемъ Грааля могъ быть только вполне совершенный рыцарь. Такимъ, напримѣръ, является рыцарь Артура Персиваль, питавшій къ своей собственной супругѣ исключительно возвышенную любовь. Его товарищи не были способны на подобное. Другъ Артура—славнѣйшій рыцарь Ланселотъ—любovníкъ супруги короля Гвеневары, или Джиневры; другой артуровъ рыцарь, Тристанъ, сперва увлекаетъ королеву корнваллійскую Изольду, потомъ женится на королевѣ Изольдѣ бретонской, а затѣмъ возвращается къ своей первой Изольдѣ. Конечно, не всѣ были таковы. Большинство стремилось къ подвигамъ. Дворъ короля Артура былъ для нихъ лишь центромъ, гдѣ они встрѣчались другъ съ другомъ и съ рыцарями изъ другихъ странъ, привлеченными славою Круглаго Стола. Такимъ путемъ слава эта разносилась повсемѣстно, и такъ какъ рыцари Круглаго Стола одною изъ задачъ своихъ ставили защиту женщинъ и преклоненіе предъ прекраснымъ поломъ, то немудрено, что всюду они пользовались успѣхомъ у красавицъ.

Таковы были эти славные рыцари въ болѣе позднѣйшемъ изображеніи.

Рыцарскіе романы Круглаго Стола явились поэтическимъ созданіемъ только что нарождавшейся литературы. Въ нихъ, — говоритъ изслѣдователь „Романтики Круглаго Стола“ пр. Н. Дашкевичъ, — находили поэзію идеала, который стремилось осуществить все тогдашнее высшее общество Запада. Въ нихъ встрѣчались блестящіе описанія, поразительныя картины, нѣжность чувства, истинность страсти, пріятность и легкость стиха. Все это сообщало имъ чарующую силу и обаятельно дѣйствовало на слушателей поэта. Они, какъ говоритъ Christien de Troyes, во время чтенія эпика видѣли, какъ истинный рыцарь, типъ влюбленнаго, защитникъ слабыхъ и красоты, странствуетъ по свѣту для защиты утѣсненныхъ, состязается въ мужествѣ и благородствѣ съ самыми храбрыми и благородными, завоевываетъ лучшую изъ красавицъ своею вѣрностью и героизмомъ, и приходили въ умиленіе и волненіе.

Постепенно романы объ Артурѣ стали общеевропейскимъ достояніемъ. Сѣверныя саги начали вплетать въ исторію германскихъ героев имена Артура и британскихъ витязей. Сѣверная литература стала пополняться переводами романтическихъ произведе-

ній юго-запада. На отдаленномъ востокѣ, въ Иерусалимѣ, вспоминали Круглый Столъ среди рыцарскихъ увеселеній. Исторіями артуровыхъ героев увлекся даже греческій востокъ. Въ меньшей мѣрѣ проникли эти романтическія исторіи въ славянскій міръ, но все-таки и онъ не остался имъ чуждъ. Но наибольшую извѣстностью и болѣе продолжительнымъ авторитетомъ пользовалась рыцарско-романтическая эпоха все-таки въ романскихъ земляхъ юго-запада и въ Англій.

IV.

„Королевскія идилліи“ А. Теннисона.

Поэтъ съ такимъ складомъ дарованія, какъ Теннисонъ, не могъ не замѣтить богатѣйшаго матеріала, представляемаго для поэтической переработки сказаніями о королѣ Артурѣ и рыцаряхъ Круглаго Стола. И Теннисонъ воспользовался этими сказаніями, давъ мировой литературѣ превосходнѣйшее свое произведеніе — „Королевскія идилліи“. Эти поэмы были вполне оригинальны. Сказаніе объ Артурѣ явилось для нихъ фономъ и только; все остальное—форма, содержаніе—принадлежать Теннисону. Король Артуръ, какъ главное дѣйствующее лицо, отсутствовалъ въ первыхъ четырехъ поэмахъ, явившихся на свѣтъ Божій въ 1859 г. Эти первыя „Идилліи“ были: „Enid“, „Vivien“, „Elaine“ и „Guinevere“, т. е., „Энита“, „Вивіана“, „Элена“, „Джиневра“. По содержанію своему это были отдѣльные, лишенные всякой общей связи, эпизоды. Теннисонъ оставался вѣрнъ въ нихъ самому себѣ. Онъ, творецъ множества граціознѣйшихъ женскихъ типовъ, далъ восхителное изображеніе четырехъ красавицъ, жившихъ въ царствованіе короля Артура. Древнѣйшія преданія упоминають о нихъ. Энита — это прекраснѣйшая и добродѣтельнѣйшая изъ придворныхъ дамъ короля Артура, Вивіана — антиподъ ея. Воспользовавшись древнимъ преданіемъ о воспитателѣ короля — мудрецѣ-бардѣ Мерлинѣ-волшебникѣ, Теннисонъ замѣчательно изобразилъ сцены, когда хитрая и порочная Вивіана испытываетъ надъ старцемъ чары своей женской красоты и доводитъ Мерлина, наконецъ, до того, что онъ, несмотря на величайшую мудрость, становится послушнымъ рабомъ ея желаній. Въ „Эленѣ“ поэтъ съ рѣдкой душевностью изображаетъ мученія первой чистой любви, оставшейся нераздѣленною. Образъ красавицы-дѣвушки — „лилеи Астолата“, дѣвственно-чистой, простой, съ невиннымъ сердцемъ, полюбившей чистою непорочною любовью рыцаря Ланселота, вылился, какъ живой, изъ-подъ пера Теннисона. Элена умираетъ съ тоски, когда узнаетъ, что Ланселотъ не можетъ отвѣчать на ея любовь. „Джиневра“ — изображеніе тоже любви, но уже другого характера — преступной. Это — супруга короля Артура, находящаяся въ любовной связи съ другомъ своего мужа, Ланселотомъ. Ея любовь — мука; она причиняетъ горе всѣмъ, кто ни окружаетъ любовниковъ. Отъ любви Джиневры страдаетъ и ея избранникъ — Ланселотъ, и лучший изъ людей — король Артуръ, и все его рыцарство, наконецъ, страдаетъ само государство, ибо находится измѣнникъ, который пользуется враждой, внезапно вспыхнувшей, между Артуромъ и Ланселотомъ, и пытается завладѣть королевскимъ престоломъ. Таково вкратцѣ содержаніе четырехъ первыхъ поэмъ-идиллій о королѣ Артурѣ и рыцаряхъ Круглаго Стола. Черезъ десять лѣтъ, въ 1869 г., Теннисонъ выпустилъ еще шесть поэмъ подъ тѣмъ-же общимъ заголовкомъ „Королевскія идилліи“. Это были „The Coming of Arthur“ — „Вступленіе короля Артура“, „The Holy Grail“ — „Святой Грааль“,

„Pellea and Ettarre“ — „Пелеасъ и Этарра“, „The Passing of Arthur“ — „Удаленіе короля Артура“, „The Last Tournament“ — „Послѣдній турниръ“ и „Gareth and Lynette“ — „Гаретъ и Линетта“. Эти поэмы также не имѣютъ между собою эпизодической связи. Изъ нихъ только двѣ относятся непосредственно къ королю Артуру — это „Вступленіе Артура“ и „Удаленіе короля Артура“. Въ первой изъ нихъ описываются обстоятельства, сопровождавшія вступленіе на престолъ Артура послѣ смерти его отца, короля Утера. Тутъ Теннисонъ не проходитъ молчаніемъ о томъ, что король Утеръ навѣщалъ супругу герцога Горлоиса, превращенный Мерлиномъ въ этого рыцаря. Это чуть-ли не единственное мѣсто, гдѣ поэтъ вводитъ въ свое произведеніе древнѣйшую легенду. Зато рядомъ съ ней онъ приводитъ и свое, рассказывая о чудномъ видѣніи, бывшемъ по поводу Артура мудрецу Влѣйсу, учителю Мерлина. Основною же рассказа служить сватовство короля Артура къ Джиневрѣ, во время котораго происходитъ завязка основной любовной интриги. Поэма „Удаленіе короля Артура“ содержитъ описаніе смерти короля. Поэтъ не слѣдуетъ на этотъ разъ легендѣ и не переселяетъ духъ Артура въ ворона, но зато три таинственныхъ существа принимаютъ Артура на ладью и онъ живымъ скрывается съ глазъ единственнаго изъ всѣхъ своихъ рыцарей, удѣлѣвшаго послѣ битвы съ Модредомъ. Такимъ образомъ, поэтъ все-таки сохранилъ духъ легенды. И у него Артуръ не умеръ, а самъ говорить о предстоящемъ возвращеніи, что соответствуетъ преданію объ Артурѣ. Наконецъ, изъ второй серіи поэма „Послѣдній турниръ“ также относится до нѣкоторой степени къ Артуру. Въ ней выступаетъ знаменитый Тристанъ, возлюбленный Изольды корнваллійской, только что возвратившейся въ Англію. Эта поэма настолько стоитъ въ сторонѣ отъ всѣхъ остальныхъ, что представляется какъ-бы отрывкомъ изъ обширнаго цикла поэмъ о Тристанѣ-рыцарѣ, любовныя страданія котораго воспѣты на всѣхъ языкахъ. Остальныя поэмы — „Святой Грааль“, „Пелеасъ и Этарра“, „Гаретъ и Линетта“ — представляютъ собою описаніе подвиговъ рыцарей Круглаго Стола.

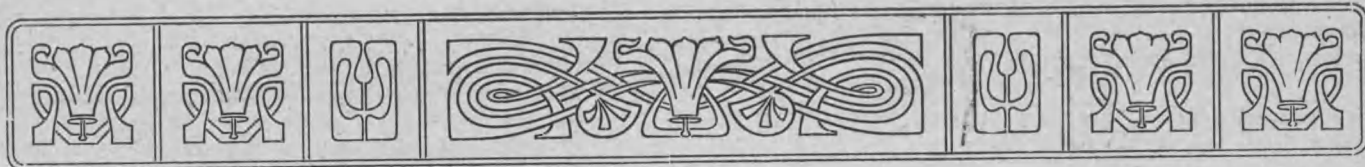
Несмотря на то, что содержаніе вышеперечисленныхъ поэмъ представляетъ собой каждое драму, никакой драмы нѣтъ въ произведеніяхъ Теннисона. Нѣтъ и тѣни драматичности даже тамъ, гдѣ, по ходу дѣйствія, долженъ былъ-бы быть взрывъ страстей негодующаго чувства, отчаянія. Предъ читателями полныя прелести вдохновенія былины, поражающія поэтичностью образовъ, прелестью архаическаго стиля. Развертывается картина, всѣ тоны и краски которой вполне гармоничны между собой. Тонъ этотъ выдержанъ во всѣхъ поэмахъ. Притомъ поэмы отличаются здоровою реальностью. Даже небольшое чудесное, вве-

денное Теннисономъ въ нѣкоторыя изъ нихъ, вовсе не разстраиваетъ общаго впечатлѣнія. Предъ читателемъ живые люди изъ плоти и крови, а такъ какъ тѣ времена, когда они жили, въ смыслѣ развитія общественной жизни и взаимоотношеній между людьми были младенческими, то и изображеніе ихъ должно быть просто, какъ просты были сами люди. Въ этомъ отношеніи передача настроенія удалась Теннисону какъ нельзя лучше и въ особенности въ его „Королевскихъ идилліяхъ“.

Выше мы сказали, что русскимъ читателямъ Теннисонъ мало знакомъ. Дѣйствительно, до сей поры не было перевода на русскій языкъ крупнѣйшихъ и наизамѣчательнѣйшихъ его произведеній, и настоящее изданіе „Королевскихъ идиллій“ въ превосходномъ переводѣ О. Н. Чюминой, иллюстрированное великолѣпными рисунками Г. Дорэ, Райда, Мэклизза, Эдоарди и др., является пока первымъ и единственнымъ въ Россіи, и, благодаря ему, русскіе читатели имѣютъ полную возможность познакомиться съ произведеніями лорда Теннисона такъ-же, какъ познакомились они уже ранѣе въ нашихъ изданіяхъ съ бессмертными твореніями гениальнѣйшихъ поэтовъ Мильтона и Данте. Нѣтъ надобности говорить здѣсь что-либо о прекрасномъ переводѣ О. Н. Чюминой; позволимъ себѣ только указать, что переводъ высокоталантливой поэтессы, при непосредственной близости къ подлиннику, всецѣло передаетъ прелесть его архаическаго стиля, оригинальную простоту картинъ и вызываемое ими въ читателѣ настроеніе. Что касается программы этого изданія „Королевскихъ идиллій“, то мы при выборѣ ея руководствовались мыслью о томъ, чтобы съ помощью распредѣленія поэмъ дать богѣе или менѣе послѣдовательную картину описываемыхъ въ нихъ событій, и раздѣлили всѣ поэмы на двѣ части. Въ первой части, имѣющей заголовокъ „О королѣ Артурѣ“, помѣщены шесть поэмъ, болѣе подробно рисующихъ личную жизнь и дворъ этого славнаго короля сѣдой древности. Вторая часть настоящаго изданія, подъ заголовкомъ „О рыцаряхъ Круглаго Стола“ заключаетъ въ себѣ остальныя четыре поэмы Теннисона: „Энита“, „Пелеасъ и Этарра“, „Гаретъ и Линетта“ и „Святой Грааль“, — поэмы, изображающія жизнь и подвиги рыцарей Круглаго Стола.

Таково новое наше капитальное изданіе. Неуклонно идя разъ намѣченнымъ путемъ, мы, не щадя никакихъ затратъ, продолжаемъ изъ года въ годъ знакомить своихъ читателей съ сокровищами міровой литературы и, выпуская въ свѣтъ это изданіе „Королевскихъ идиллій“ Альфреда Теннисона, питаемъ надежду, что оно встрѣтитъ должную справедливую оцѣнку со стороны всѣхъ, кому дорога литература и кто любитъ поэзію.

Вступленіе Артура.

Королевство Камеліардъ римлянами и расплодившимися звѣрями обращено въ пустыню. Король Камеліарда Леодогранъ, отецъ красавицы Джиневры, когда на него напалъ его братъ, король Ріенсъ, обращается за помощью къ только что вѣнчавшемуся на царство королю Артуру, учредителю рыцарскаго ордена «Круглаго Стола». Происхожденіе короля Артура полно тайнъ. Многие рыцари и бароны не признавали его сыномъ царствовавшего надъ ними короля Утера. Король Артуръ приходитъ съ своей свитой въ Камеліардъ, освобождаетъ страну отъ враговъ и очищаетъ отъ звѣрей. Онъ плѣняется красавицей-королевой Джиневрой, которая, однако, не видала его, такъ какъ онъ былъ не во главѣ рыцарей, а скрывался среди нихъ. Въ награду за помощь молодой побѣдитель требуетъ ея руки у Леодограана. Король Камеліарда, смущенный слухами о некорольскомъ происхожденіи Артура, не знаетъ, какъ поступить. Его канцлеръ рассказываетъ ему, что тайна рожденія Артура извѣстна волшебникамъ Мерлину и Блэйсу. Одинъ изъ сватовъ, рыцарь Бедиверъ, открываетъ Леодограну, почему Артуръ долгое время не считался сыномъ короля Утера, слышъ за сына то Горлоиса, то Антона. Леодогранъ колеблется, но тутъ появляется съ сыновьями — Гевейномъ. Учивымъ и Модредомъ Коварнымъ (о первомъ см. поэму «Элена», о второмъ — «Джиневра»), сводная сестра короля Артура, оркадская принцесса Беллисанда, супруга Лота, дочь Горлоиса и Игерны. Она признаетъ Артура своимъ братомъ и рассказываетъ о предсмертномъ видѣніи Блэйса. Леодогранъ, почти убѣжденный словами Беллисанды, засыпаетъ и видитъ сонъ, подтверждающій королевское происхожденіе Артура. Тогда онъ рѣшается отдать ему въ супруги Джиневру и сообщаетъ объ этомъ артуровымъ посланцамъ. За невѣстою прѣзжаетъ любимый рыцарь и другъ Артура Ланселотъ (о немъ см. всѣ послѣдующія пѣсни). Во время свадебныхъ торжествъ приходитъ съ требованіемъ дани послы Рима, но король Артуръ прогоняетъ ихъ и затѣмъ сражается съ римскими легіонами. Послѣ этого онъ въ двѣнадцать боѣхъ покоряетъ язычниковъ и всѣхъ своихъ враговъ и соединяетъ подъ своею властью въ одно королевство всѣ ихъ области. Начинается царствованіе короля Артура.

I.

ЛЕОДОГРАНЪ, король Камеліарда,
Былъ дочери единственной отцомъ.
Всѣхъ на землѣ была Джиневра ¹⁾ краше,
И въ ней — ея единая ограда.

На островѣ ²⁾ царили до Артура
Немало мелкихъ королей, они
Вели войну и разорали землю;
Порой орда язычниковъ ³⁾, нахлынувъ
Изъ-за морей, остатки расхищала.
Такъ создалися пустынные пространства
Громадныя, и становилось въ нихъ
Все болѣе звѣрей, людей-же — меньше,
Пока Артуръ не появился. Раньше
Аврелій ⁴⁾ жилъ, сражался онъ и умеръ,
А послѣ Утеръ ⁵⁾ бился и скончался, —
Но не могли объединить страну.
За ними-же король Артуръ ⁶⁾, посредствомъ
Великой силы Круглаго Стола ⁷⁾,
Завоевалъ всѣ мелкія владѣнья,
Какъ государь, глава ихъ; королевство
Онъ основалъ и воцарился въ немъ.

Такъ дѣлался Камеліардъ пустыней,
И густо лѣсъ бологистый разросся,
Наполненный звѣрями, гдѣ ловцовъ,
Межъ тѣмъ, на нихъ почти не находилось.
И дикій песь, кабанъ, медвѣдь и волкъ —
Являлись днемъ и ночью, рылись въ полѣ,
У короля въ садахъ они лежали.
Порою волкъ выкрадывалъ дѣтей
И пожиралъ; порою-же волчица,
Лишась волчатъ пропавшихъ, допускала
Къ сосцамъ своимъ потомство человѣка,
И жившія въ ея берлогѣ дѣти,

Ворча, ее сосали и боролись
Съ кормилицей своей четвероногой.
Они людьми-волками выросали
И худшими, чѣмъ волки.

Застоналъ

Леодогранъ, въ странѣ своей увидѣвъ
Вновь римскаго орла и легіоны.
Затѣмъ и братъ его, король Ріенсъ,
Вступилъ съ нимъ въ боѣ. Язычниковъ орда
Напала на него; краснѣло солнце
Отъ зарева огней, земля — отъ крови.
Прозивъ дитя, копы пронзало сердце
И матери младенца. Пораженный,
Не зналъ король, гдѣ помощи искать.
Услышавъ о вѣнчаніи Артура,
Свершившемся, на смуты не взирая
Тѣхъ, кто кричалъ: «Онъ Утеру не сынъ!» —
Король послалъ сказать ему: — «Приди!
Мы отъ людей и звѣря погибамъ!»

Хотя Артуръ еще въ сраженьяхъ не былъ,
Онъ поспѣшилъ на помощь, и Джиневра
На вѣздѣ его глядѣла у стѣны.
Но безъ щита и шлема золотого —
Эмблемы власти королевской — ѣхалъ
Межъ рыцарей онъ рыцаремъ простымъ,
И на другихъ была броня богаче.
Его въ толпѣ не видѣла Джиневра,
Иль не былъ онъ замѣченъ, не взирая
На то, что онъ съ лицомъ открытымъ ѣхалъ.
А на нее упалъ Артура взоръ,
И жизнь его мгновенно озарилась
Сіяніемъ очей ея, — но дальше
Проѣхалъ онъ и у лѣсовъ раскинулъ
Шатры свои. Язычниковъ прогнавъ,
Онъ истребилъ звѣрей, лѣса расчистилъ,

¹⁾ Собственно: Ghwenhwyuar — Гвенивара, по позднѣйшему начертанію Гиневра, Женевра и, наконецъ, Джиневра (позднѣйшее).
²⁾ Островъ Альбіонъ, или въ обычномъ наименованіи Британія.
³⁾ Англы, готы, саксы, поклонявшіеся богинѣ земли Нертѣ. Они жили въ нынѣшнемъ Шлезвигѣ и въ V вѣкѣ по Р. Хр. начали переселяться въ массахъ на островъ Британію, въ сѣверныхъ частяхъ которой и укрѣпились послѣ кровавой борьбы съ кельтами.

Чтобъ солнце въ нихъ проникло, и устроилъ
Для рыцарей и для ловцовъ дороги.
Затѣмъ къ себѣ вернулся онъ.

Покуда

Онъ медлил здѣсь, всегдашнее сомнѣнье,
Среди бароновъ глѣбшее и лордовъ
Его страны, войною разгорѣлось.

Ихъ большинство возстало съ крикомъ: — «Кто
онъ,

Пріявшій власть надъ нами? Кто докажетъ,
Что Утеру онъ сынъ? Глядите всѣ:
Лицомъ, осанкой, голосомъ и станомъ —
На Утера ничѣмъ онъ не походить.
Не короля, сынъ Горлоиса⁸⁾ онъ,
Антонъ сынъ, не отпрыскъ королевскій!»

Вступая въ бой, почувствовалъ Артуръ,
Что онъ въ трудахъ, въ борьбѣ житейской, въ
мукахъ

Съ Джиневрою соединиться жаждетъ,
И думалъ онъ: — «Отецъ ея сказалъ:
«Мы отъ людей и звѣря погибаемъ».
Возьму ее изъ стороны звѣриной
На мой престолъ возсѣсть со мною рядомъ.
Мерцающія надо мной свѣтила,
Ты, подо мной дрожащая земля —
Нѣтъ счастья одному и рить, терзаясь
Безплодными мечтами! Если въ бракъ
Я не вступлю съ прекраснѣйшей подъ небомъ,
Въ могущественномъ мѣрѣ я — ничто,
И собственной я воли не исполню,
Своихъ трудовъ не довершу, не буду
Въ землѣ моей король и побѣдитель.
Но, если-бъ я соединился съ ней,
Мы жили-бы тогда одною жизнью,
И, волею одною управляя,
Мы въ темную страну внесли-бы свѣтъ
И мертвый мѣръ призвать могли-бы къ жизни!»

II.

Тутъ Брастїаса, Ульфа съ Бедиверомъ,
Въ санъ рыцарей произведенныхъ имъ,
Король Артуръ отправилъ съ поля брани
Сказать Леолограну: — «Если вѣрно
Служилъ тебѣ — дай въ жены мнѣ Джиневру!»

Ихъ выслушавъ, Леологранъ въ умѣ
Такъ разсудилъ: «Могу-ли я, король,
Какую мнѣ онъ ни явилъ-бы помощь,
Отдать свою единственную дочь
Тому, кто самъ не королевскій сынъ
И не король?» Тогда, возвысивъ голосъ,
Онъ канцлера маститаго позвалъ,
Довѣремъ облеченнаго: — «Насчетъ
Артурова рожденья что ты знаешь?»

И отвѣчалъ старикъ ему: — «Король,
Двумъ старпамъ лишь о томъ и вѣстно. Каждый
Меня старѣе вдвое, и одинъ —
Мудрецъ Мерлинъ, служившій королю
Покойному искусствомъ чародѣйнымъ.
Другой-же — Блїйсъ зовутъ его — наставникъ

4) Кельтскій король V-го вѣка по Р. Хр. Аврелій, бор-
рившійся за самостоятельность своего королевства съ рим-
лянами, былъ отравленъ послѣдними. Въ собраніи древ-
нѣйшихъ англо-британскихъ сагъ Готфрида Монмута,
относимомъ къ XII вѣку, находимъ такое извѣстіе: «Когда
Аврелій, король бриттовъ, во время нашествія Парценція,
сына Вортигера, умеръ отъ яда, въ Винчестерѣ появи-
лась необычной величины и яркости звѣзда».

Мерлина самого, но ученикъ
Такъ перегналъ учителя, что Блїйсъ
Оставилъ чародѣйство и засѣлъ
За лѣтопись мерлиновыхъ дѣяній.
Лишь изъ нея чрезъ много лѣтъ узнаемъ
О тайнѣ мы Артурова рожденья».

И отвѣчалъ король Леологранъ:
— «Когда-бы такъ помогъ мнѣ вполнѣ
Король Артуръ, какъ ты, о, другъ, сегодня —
Меня-бы звѣрь и люди растерзали.
Однако, пусть еще разъ предо мной
Ульфъ, Брастїасъ и Бедиверъ предстанутъ!»

Когда-жъ они явились, онъ сказалъ:
— «Я видѣлъ самъ: кукушку изгоняли
Слабѣйшія пичуги — въ силу правъ.
Но почему воюютъ ваши лорды?
Тѣ говорятъ: «Артуръ — отъ Горлоиса»,
Другіе: «отъ Антона». Отвѣчайте,
Сынъ Утера, повашему, Артуръ?»
И Брастїасъ, и Ульфъ сказали: — «Да!» —
А Бедиверъ, что первымъ посвященъ
Былъ въ рыцари, когда Артуръ вѣнчался,
Заговорилъ, въ рѣчахъ и дѣлахъ смѣлъ,
Когда извѣтъ касался короля:
— «О немъ, король, не мало ходитъ слуховъ.
Кому онъ ненавистенъ — тѣ оуютъ
Его низкорожденнымъ. Кротокъ онъ,
Они-звѣроподобны, потому,
По мнѣнію ихъ, онъ — ниже человѣка.
А для другихъ онъ — выше человѣка.
И мнятъ они, что онъ сошелъ съ небесъ.
И вотъ что я объ этомъ дѣлалъ мыслю:
Когда въ землѣ былъ Утеръ королемъ,
У моря принцъ и воинъ Горлоисъ
Жилъ въ замкѣ Тинтагиль, своемъ владѣннѣ.
Онъ мужемъ былъ красавицы Игерны
И дочерей имѣлъ. Одна изъ нихъ,
Оркадская принцесса Беллисанда,
Супруга Лота, нѣжно, какъ сестра,
Была всегда привязана къ Артуру.
Но сыновей Игерны не имѣла.
И Утеръ къ ней любовью воспылялъ,
Но такъ женою чистой былъ отвергнутъ
Любви его блистательный позоръ,
Что воевать сталъ Утеръ съ Горлоисомъ.
И Горлоисъ палъ побѣжденный. Утеръ,
Пылая страстью, въ замкѣ Тинтагиль
Игерну осадилъ, ея-же люди,
Увидѣвъ рать могучую у стѣнъ,
Бѣжали всѣ, и Утеръ занялъ замокъ,
Гдѣ онъ одинъ явиться могъ на зовъ.
Такъ, повинувъся власти короля,
Принуждена въ слезахъ была Игерна
Въ поспѣшности постыдной съ нимъ вѣнчаться.
Чрезъ нѣсколько-же мѣсяцевъ скончался⁹⁾
И самъ король, крушась и призывая
Наслѣдника, чтобъ царство не распалось.
И въ ту-же ночь, подъ Новый годъ, чему
Причиною скорбь матери была —
Артуръ на свѣтъ явился раньше срока.

5) Король бриттовъ Утеръ умеръ приблизительно около
516 г. по Р. Хр.

6) Артуръ, иначе Артусъ.

7) О задачахъ и цѣляхъ учрежденнаго рыцарскаго со-
общества «Круглаго Стола» въ томъ видѣ, въ какомъ
предполагалъ ихъ король Артуръ, основатель этого сооб-
щества, см. поэму «Джиневра».

8) Горлоисъ, герцогъ Корнваллійскій.

И тотчас былъ чрезъ потайную дверь
 Мерлину онъ переданъ, для того,
 Чтобъ тотъ вдали держалъ его, пока
 Часъ не придетъ: затѣмъ тѣ лорды были
 Въ тѣ времена такими-жѣ, какъ теперь,
 Свирѣпыми звѣрями и младенца
 Въ куски-бы растерзали. Каждый самъ
 Желалъ своею властью управлять,
 Притомъ король за гибель Горлоиса
 Былъ ненавистенъ многимъ. И Мерлинъ
 У пожилого рыцаря Антона
 И друга короля дитя оставилъ.
 Женою сэръ Антона юный принцъ
 Воспитанъ былъ съ ея дѣтьми, и правды
 Никто не зналъ. Какъ звѣри, межъ собой
 Съ тѣхъ поръ воюютъ лорды, и въ упадокъ
 Пришла страна. А въ нынѣшнемъ году,
 Когда Мерлинъ — затѣмъ что часъ насталъ —
 Артура во дворецъ привелъ съ собою
 И объявилъ: «Вотъ Утера наслѣдникъ
 И вашъ король!» — то сотни голосовъ
 Воскликнули: «Онъ не король. Долой!
 Сынъ Горлоиса онъ иль сынъ Антона,
 Низкорожденный онъ, а не король!»
 И все-жѣ Мерлина хитрость и желанье
 Народное, чтобъ избранъ былъ король —
 Доставили вѣнецъ Артуру. Лорды,
 Межъ тѣмъ, войной открытою возстали».

III.

Пока въ умѣ рѣшалъ Леодогранъ,
 Явился-ли Артуръ плодомъ позора,
 Обязанъ-ли онъ жизнью Горлоису,
 Отъ короля рожденъ-ли раньше срока,
 И рыцарей троихъ правдива-ль рѣчь? —
 Въ Камеліардъ явилась съ сыновьями
 (Они звались: Модредъ и Гевейнъ)
 Оркадская принцесса Беллисанда.
 Король ее привѣтствовалъ, какъ могъ,
 Не такъ, какъ-бы желалъ, сказавъ за пиромъ:
 — «Сомнительный престолъ — что вешній ледъ!
 Артура дворъ ты видѣла. Немного
 Есть рыцарей при немъ, и, какъ отважны
 Ни будь они, онъ побѣдитъ-ли съ ними?»

— «Король, — она сказала, — мало ихъ,
 Но храбры всѣ и заодно съ нимъ мыслятъ.
 Я близъ него была, когда затихло
 Рычанье перовъ Утера. Артуръ
 Сидѣлъ въ вѣнцѣ на тронѣ, и кричали
 Бойцы его: — «Будь королемъ, и мы,
 Въ любви къ тебѣ, твою исполнимъ волю!»
 Тогда король глубокимъ тихимъ теномъ
 Заговорилъ. Въ простой, но властной рѣчи
 Онъ клятвами такими ихъ связалъ,
 Что, вставъ съ колѣнъ и въ рыцарское званье
 Посвящены — одни блѣдны казались,
 Какъ призраки, другіе-же зардѣлись,
 И многіе имѣли видъ людей,
 Проснувшихся и свѣтломъ ослѣпленныхъ.
 Когда-же онъ свой Круглый Столъ ободрилъ
 Божественнымъ, отрады полнымъ словомъ
 (Не мнѣ его здѣсь повторить!), — во взорахъ
 Ихъ ордена всего, передаваясь
 Отъ одного къ другому, промелькнуло
 Тайственное сходство съ королемъ.

9) По древнѣйшимъ сагамъ, волшебникъ Мерлинъ превратилъ короля Утера въ Горлоиса, и, лишь благодаря этому превращенію, Утеръ добился взаимности Игерны.

И прежде, чѣмъ изгладилось оно,
 Черезъ окно надъ головой Артура,
 Крестъ озаривъ, Распятого и всѣхъ,
 Кто предстоялъ, упали три луча:
 Лучъ огненный, лазурный и зеленый
 На трехъ прекрасныхъ королевъ¹⁰⁾, у трона
 Лвившихся: Артуровыхъ друзей,
 Высокихъ, свѣтлыхъ ликомъ, на него
 Въ безмолвіи взиравшихъ и готовыхъ
 Ему въ часы опасностей помочь.
 Тамъ видѣла я вѣщаго Мерлина;
 Сто зимъ его и умъ обширный служатъ,
 Какъ и рука вассаловъ, королю.
 Съ нимъ рядомъ фея Озера была,
 Которая его сильнѣе въ чарахъ,
 Тайственная, дивная, вся въ бѣломъ.
 Съ крестообразной рукоятью мечъ
 Она дала Артуру для изгнанья
 Язычниковъ. Вокругъ нея клубился
 Туманъ отъ ѳиміама, и почти
 Скрывался ликъ ея во тѣмѣ собора,
 Но съ пѣніемъ молитвъ сливался голосъ,
 На шумъ воды похожий: въ глубинѣ
 Живетъ она спокойной, и, какая бъ
 Здѣсь на морѣ ни бушевала буря,
 Дозволено ходить ей по водамъ.
 Эскалибуръ увидѣла я также,
 Предъ королемъ несомый — дивный мечъ
 Изъ озера, изъ лона водъ явленный.
 Доплывъ къ нему, Артуръ досталъ горѣвшій
 Камнями мечъ, смущавшій взоръ и сердце.
 На дивной рукояти эльфъ Уримъ
 Былъ вырѣзанъ, а сталь слѣпила взоры.
 Со стороны одной виднѣлась надпись
 На языкѣ древнѣйшемъ въ мірѣ цѣломъ:
 «Возьми меня», съ другой-же стороны
 На языкѣ дней нашихъ: «Брось меня!».
 И взялъ его Артуръ съ печальнымъ взоромъ,
 Но такъ Мерлинъ сказалъ ему: — «Возьми
 И бейся имъ. Когда его ты бросишь —
 Тотъ часъ далеку». Король оружье взялъ,
 И съ нимъ враговъ своихъ онъ одолѣетъ».

Леодогранъ былъ радъ, но, полагая
 Вконецъ рѣшить сомнѣніе, сказалъ
 Поднявъ пытливый взоръ на королеву:
 — «Касатка близко ласточкѣ сродни,
 Но, будучи родной его сестрою,
 Приходишься ты ближе королю».
 — «Какъ дочери Игерны съ Горлоисомъ —
 Артуръ мнѣ братъ! — ея отвѣтомъ было. —
 Но тайна тутъ скрывается». — Она
 Знакъ подала, чтобъ вышли сыновья.

Тутъ выбѣжалъ Гевейнъ, запѣлъ онъ пѣсню
 И волосы его вились за нимъ,
 И прыгалъ онъ, рѣзвясь, какъ жеребеночъ.
 Но Модредъ ухо приложилъ къ двери
 И кое-что услышалъ. Онъ позднеѣ
 Къ вѣнцу стремился и, стремясь, погибъ.

Она, межъ тѣмъ, сказала: — «Что я знаю?
 Мать и отецъ темноволосы были
 И съ темными глазами. Такова
 И я сама. Темноволосъ былъ Утеръ
 До черноты; Артуръ же — бѣлокурѣй

10) Эти три королевы, по древнѣйшимъ сагамъ, были волшебницы, олицетворявшія душевные свойства короля Артура и не покидавшія его до кончины.

Британцевъ всѣхъ и смертныхъ вообще.
Мнѣ памятенъ съ разсвѣта дней моихъ
Плачь матери: «Прелестная малютка,
Когда-бъ тебѣ послалъ Всевышній брата,
Хранителя въ путяхъ суровыхъ жизни!»

— «Такъ мать твоя печалилась? — промолвилъ
Король Леодогранъ, — когда-жъ впервые
Артура ты увидѣла?»

— «Король, —

Отвѣтила она, — скажу я правду:
Ко мнѣ пришелъ впервые онъ, когда
Я дѣвочкой была и за проступокъ,
Не совершенный мной, меня прибили.
И, выбѣжавъ, я внизъ лицомъ упала
Межъ вереска, возненавидѣвъ Божій
Прекрасный міръ и всѣхъ живущихъ въ немъ,
И плакала, и смерть звала. Но онъ,
Являсь одинъ, а, можетъ быть, съ Мерлиномъ,
Кто, по словамъ людей, незримъ бываетъ,
Сталъ близъ меня и ласковою рѣчью
Онъ сердце усмирилъ во мнѣ и слезы
Мнѣ осушилъ: со мной онъ былъ ребенкомъ.
И часто онъ являлся, и со мною
Онъ постепенно росъ. Порою грустенъ
Казался онъ, и я грустила съ нимъ.
Порой — суровъ, и мною не любимъ,
И снова — добръ, и дорогъ мнѣ, какъ прежде.
Теперь его все рѣже вижу я,
Но въ ранніе года мнѣ выпадали
Мгновенья золотыя: я тогда
Увѣрилась, что королемъ онъ будетъ.
Еще другой рассказъ я передамъ.
Недавно лишь скончался Блѣйсъ. Мерлина
Учителемъ онъ былъ, и передъ смертью
Послалъ за мной, чтобъ нѣчто мнѣ открыть.
Исохшій весь и съ оборотнемъ схожій,
Поконился кудесникъ и, когда я
Вошла къ нему, сказалъ, что онъ съ Мерлиномъ
При Утерѣ все время находился
Передъ его кончиною. И въ ночь,
Когда король скончался въ Тинтагилѣ,
Наслѣдника съ тоскою призывая,
Они вдвоемъ, усоншаго оставивъ,
Изъ замковыхъ воротъ спустились къ морю.
Была такая ночь, когда земля
И небеса всѣ грани разверзають.
И тутъ они надъ сумрачною бездною
На высотѣ такой корабль узрѣли,
Что въ небѣ онъ несущимся казался.
Онъ видъ имѣлъ крылатаго дракона
И свѣтлыми людьми весь былъ покрытъ
Отъ носа до кормы. Но такъ-же быстро
Исчезъ корабль, какъ появился. Оба
Изъ бухты наблюдали, какъ катился
За валомъ валъ, одинъ грознѣй другого.
И, наконецъ, девятый, разверзая
Полбездны, съ ревомъ сотенъ голосовъ,
Сталъ подниматься медленно. Шумя,
Нахлынулъ онъ, весь пламенемъ объятый,
И пламенемъ блестящимъ окруженный,
Плылъ на гребнѣ младенецъ обнаженный
Къ мерлиновымъ ногамъ. Нагнулся тотъ,
И, взявъ дитя, воскликнулъ онъ: — «Король!
Онъ Утеру наслѣдуетъ!» — и ибна
Разбившагося вала обдала
Кудесника при тѣхъ словахъ; огнемъ
Все вспыхнуло вокругъ, и показалось,
Что пламенемъ съ младенцемъ онъ объять.
А вслѣдъ затѣмъ утихло море, небо

Очистилось, и звѣзды заблестали.
«Младенецъ тотъ, — закончилъ прорицатель, —
Теперь король. Не могъ почитать я съ миромъ
Покуда не сказалъ всего». И тутъ-же
Отъ жизни къ смерти въ грозный переходъ
Вступилъ онъ съ тѣмъ, чтобы отвѣтъ держать
По сторону другую. И Мерлина
При встрѣчѣ я спросила: правда-ль это:
Корабль-драконъ и голое дитя,
Что на морѣ въ сіяніи явилось?
Но, какъ всегда, смѣясь, отвѣтилъ онъ
Загадочною присказкою старинной:

* * *
«Дождь и ведро! Отблескъ радуги огней.
Юноша съ годами можетъ стать умнѣй,
Старца умъ — затмится на закатѣ дней.»

* * *
Дождь и ведро! Блещетъ радуга ясна,
Мнѣ и вамъ сіяетъ истина одна,
Будь она въ одеждѣ иль обнажена.

* * *
Дождикъ, ведро, дождикъ! Пышный цвѣтъ рас-
цвѣлъ.

* * *
Ведро, дождикъ, ведро! Правду кто нашелъ?
Изъ великой бездны въ бездну онъ ушелъ.»

* * *
Такъ разсердилъ Мерлинъ меня загадкой.
Но королю не бойся ты отдать
Единственную дочь твою Джиневру.
Великими пѣвцами будетъ онъ
Впоследствии воспѣтъ. Въ преданьяхъ темныхъ
И памятью хранимыхъ — повторяють
Ихъ у огня въ часы досуга старцы —
Въ нихъ рѣчь идетъ о королѣ. И такъ-же
Сказалъ Мерлинъ однажды и поклялся,
Что раненый мечомъ онъ не умретъ,
Но, удалясь на время, возвратится,
И рано или поздно покоритъ онъ
Язычниковъ, и съ ними цѣлый міръ
Его своимъ признаетъ королемъ».

Леодогранъ былъ радъ ея отвѣту,
Но думалъ онъ: «Скажу я да иль нѣтъ?».

IV.

Онъ задремалъ въ сомнѣнѣи и заснулъ.
Привидѣлся во снѣ ему откъсь,
Который выросалъ — за полемъ поле,
И сдѣлался горою. На вершинѣ
Стоялъ въ туманѣ призрачный король,
То видимъ, то невидимъ. На откосѣ
Явился мечъ, и стадо разбѣжалось.
Блеснулъ огонь, и въ дымныхъ облакахъ
Земля, отъ крышъ до житницъ, поднялась
Къ вершинѣ вся; она слилась съ туманомъ
Стутивъ его, а призрачный король
Повременамъ свой голосъ возвышалъ.
И тутъ, и тамъ указывали люди
По направленью голоса. Другіе
Рубили, жгли, крича: — «Онъ не король!
Не Утера наслѣдникъ, не король!»
Тутъ сонъ переѣнился. Мгла тумана
Разсѣялась, земля воздушной стала,
И въ небесахъ въ вѣнцѣ стоялъ король.

Леодогранъ проснулся и послалъ
Онъ Брastiаса, Ульфа съ Бедиверомъ
Къ Артурову двору съ отвѣтомъ: — «Да!»

И рыцаря, котораго любилъ

Через окно надъ головою Артура,
Крестъ озаривъ, Распятаго и всѣхъ,
Кто предстоялъ, упали три луча:

Лучъ огненный, лазурный и зеленый
На трехъ прекрасныхъ королевъ, у трона
Явившихся: артуровыхъ друзей...

(Стр. 3.)

И чтить онъ больше всѣхъ — сэръ Ланселота —
Послалъ тогда Артуръ за королевой
И провожалъ глазами изъ воротъ.
Среди цвѣтовъ уѣхалъ Ланселотъ,
(То былъ конецъ апрѣля) и вернулся
Среди цвѣтовъ съ Дягиневою онъ въ маѣ.
И прибылъ тутъ благочестивый Дубрикъ,
Глава британской церкви¹¹⁾. Поутру
Передъ ея пынѣйшимъ алтаремъ
Обвѣчанъ былъ король; въ одеждахъ бѣлыхъ —
Создатели ныхъ временъ желанныхъ,
Всѣ рыцари стояли вокругъ него,
Гордяся имъ, обѣтомъ ими даннымъ,
И радовались радости его.
И, руки простирая, молвилъ Дубрикъ:
— «Цари, король, живи, люби! Инымъ
Ты сдѣлай мѣръ. Да будетъ королева —
Одно съ тобой, и Круглаго Стола
Весь орденъ твой да выполнитъ задачи
Великя монарха своего!»

11) Христианство начало распространяться на островъ Британіи съ IV вѣка. На сосѣднемъ островѣ Эрнъ, т. е. Ирландія, распространителемъ его явился св. Патрикъ; въ

На брачный пиръ вселенной властелинъ
Дряхлѣюшій — прислалъ великій Римъ
Своихъ пословъ за данью, какъ въ прошедшемъ.
Сказалъ Артуръ: — «Вотъ рыцари мои;
Они клялись сражаться за меня
И признавать меня ихъ государемъ.
Смѣняется порядокъ старый новымъ:
Мы бьемся здѣсь за Господа Христа,
И, такъ какъ вы, состарѣвшись, не въ силахъ
Язычниковъ прогнать отъ римскихъ стѣнъ —
Мы дани не дадимъ».

Вельможи въ гнѣвѣ
Уѣхали. Артуръ сразился съ Римомъ.

Артуръ, а съ нимъ-же рыцарство пока
Одною волей жили, и король
Завоевалъ всѣ мелкія владѣнья.
Въ двѣнадцати бояхъ онъ побѣдилъ
Языческія орды, королевство
Устронлъ онъ и воцарился въ немъ.

У и началъ VI вѣка въ Британіи были уже свои епископы. Первымъ архіепископомъ здѣсь былъ св. Августинъ, присланный сюда папой Григоріемъ I.

Вивіана.

При дворѣ короля Артура начинают ходить неслестные слухи объ его рыцаряхъ Круглаго Стола и даже объ его супругѣ Джиневрѣ. Король огорченъ. Одна изъ его придворныхъ дамъ, Вивіана, пользуясь огорченіемъ короля, пытается обратить на себя его вниманіе. Это не удается ей и лишь возбуждаетъ насмѣшки среди придворныхъ. Вивіана тогда рѣшается увлечь собою славнаго мудреца Мерлина, воспитателя короля Артура. Она тайно слѣдуетъ за нимъ въ Броселандскій лѣсъ, ухаживаетъ за нимъ съ нѣжными ласками и добивается того, что Мерлинъ предлагаетъ ей въ награду испросить у него то, чего она болѣе всего желаетъ. Вивіана требуетъ, чтобы Мерлинъ научилъ ее чарамъ, которыми самъ владѣетъ. Мерлинъ проникаетъ въ ея замыслы и отказываетъ ей. Вивіана требуетъ съ большей настойчивостью и начинаетъ порочить рыцарей Круглаго Стола. Мерлинъ доказываетъ ихъ невинность; тогда Вивіана называетъ славнѣйшаго рыцаря Ланселота (см. поэму «Вступленіе короля Артура»), друга короля, обвиняя его въ преступной любви къ королевѣ Джиневрѣ. Мерлинъ соглашается, что подобное обвиненіе правдиво, и говоритъ, что любовь королевы и Ланселота явилась слѣдствіемъ того, что Джиневра увидавъ присланнаго за ней въ Камеліардъ къ отцу ея Леодограну Ланселота, приняла его за короля Артура и полюбила его. Самъ-же король Артуръ попрежнему остается безукоризненнымъ. Вивіана продолжаетъ порочить короля. У Мерлина вырывается грубое бранное слово. Вивіана приходитъ въ страшный гнѣвъ, упрекаетъ Мерлина, затѣмъ пытается опять увлечь его, грозитъ разлукой, и Мерлинъ, наконецъ, начинаетъ колебаться. Вивіана говоритъ, что пусть ее разразитъ молнія, если она желаетъ получить отъ Мерлина его искусство, не какъ знакъ его любви къ ней. Страшный ударъ грома и молнія разбиваютъ дубъ, подъ которымъ были Мерлинъ и Вивіана, она, испуганная, хочетъ уйти, но сейчасъ-же возвращается къ Мерлину и страстными ласками заставляеть его повѣдать о чарахъ. Узнавъ тайну, Вивіана прежде всего испытываетъ чары надъ Мерлиномъ и потомъ немедленно уходитъ.

I.
НАДВИНУЛАСЬ гроза, но вѣтеръ стихъ.
Въ лѣсу Броселандскомъ, передъ дубомъ
Такимъ большимъ, дуплистымъ, что казался
Онъ старой башнею—у ногъ Мерлина
Коварная лежала Вивіана.

Коварной Вивіаной втайнѣ былъ
Оставленъ дворъ. Ей были ненавистны
Всѣ рыцари, и слышались ихъ толки,
Едва о ней лишь заходила рѣчь.
Когда король, о королевѣ слухомъ
Разстроенный, однажды Вивіану
Привѣтствовалъ при встрѣчѣ съ добротой—
Ей вздумалось печаль его разсѣять
При помощи благоговѣйныхъ взглядовъ,
Гдѣ преданность притворная свѣтилась,
И голоса дрожащаго, и словъ
Восторженныхъ, а, наконецъ, намекъ,
Что кѣмъ-то здѣсь онъ болѣе цѣнимъ,
Чѣмъ тою, кѣмъ цѣниться долженъ больше.
Взглянулъ король и, подивясь, прошелъ.
Но не смолчалъ свидѣтель, и смѣялся
Весь дворъ тому, что короля святого
Вести въ соблазнъ пыталась Вивіана.
Затѣмъ она рѣшила покорить
Того, кто былъ славнѣйшимъ въ это время:
Великаго Мерлина, что построилъ
Дворцы, суда и гавань королю,
Онъ бардомъ ¹⁾ былъ, умѣлъ читать по звѣздамъ,
И мудрецомъ прозвалъ его народъ.

Сперва она съ нимъ повела игру
Улыбками, задорно легкой рѣчью,
Своихъ клеветъ пускала тонкій ядъ,

1) Барды, или народные пѣвцы у древнихъ бриттовъ, кимвровъ, ирландцевъ и скотовъ составляли наследственные цехи съ правильной организаціей. Они на пиряхъ и на торжественныхъ собраніяхъ воспѣвали въ сагахъ (былинахъ) дѣянія богатырей и государей, а въ битвахъ обык-

Задѣвъ того и уколловъ другого.
Провидецъ-же, на выходки ея
Взирая благодушно, забавлялся,
Какъ мы—котенка рѣзвостью, хотя
Онъ порой бывали неприяты.
Такъ снисходить онъ привыкалъ къ тому,
Что презиралъ наполовину. Видя
Презрѣніе къ себѣ лишь вполвину—
Она игру серьезнѣй повела.
При встрѣчахъ съ нимъ краснѣла и блѣднѣла,
Въ безмолвіи вздыхала, не сводя
Съ него очей, столь полныхъ обожанья.
Что былъ польщенъ среди сомнѣній старецъ.
И льстилъ порой себя любви надеждой
Онъ въ старости, то вѣря вполвину,
То сомнѣваясь вновь. Не оставляла
Она его, межъ тѣмъ, и время шло.

Однажды онъ, объять великой грустью,
Покинулъ дворъ Найдя челнокъ у бухты,
Онъ сѣлъ въ него, за нимъ—и Вивіана,
Но онъ ея не видѣлъ. Стала править
Она рулемъ, онъ—парусомъ, и вѣтеръ
Помчалъ челнокъ къ британскимъ берегамъ.
Тамъ вышелъ онъ, и за Мерлиномъ слѣдомъ
Она вошла въ Броселандскій лѣсъ.
Онъ говорилъ однажды ей о чарахъ
Простертыхъ рукъ, шаговъ переплетенныхъ.
Съ ихъ помощью возможно человѣка
Опутать такъ, околдовавъ его,
Что будетъ онъ, какъ въ башнѣ заключенъ,
Откуда самъ не убѣжитъ во-вѣки
И гдѣ его во-вѣки не найдутъ.
И лишь того, кѣмъ заколдованъ былъ,
Увидитъ онъ при входѣ и уходѣ.
Такъ будетъ онъ, какъ мертвый, тамъ лежать:
Для жизни, славы и трудовъ потерявъ.

новенно шли впереди дружинъ, возбуждая воиновъ къ подвигамъ. Они пользовались большимъ влияніемъ не только на народъ, но также и на королей и рыцарей, тѣмъ болѣе, что являлись въ тѣ времена образованнѣйшимъ классомъ населенія.

И чарамъ тѣмъ стремилась Вивіана
Великаго подвергнуть чародѣя.
Казалось ей: тѣмъ выше слава будетъ,
Чѣмъ выше тотъ, кого она погубить.

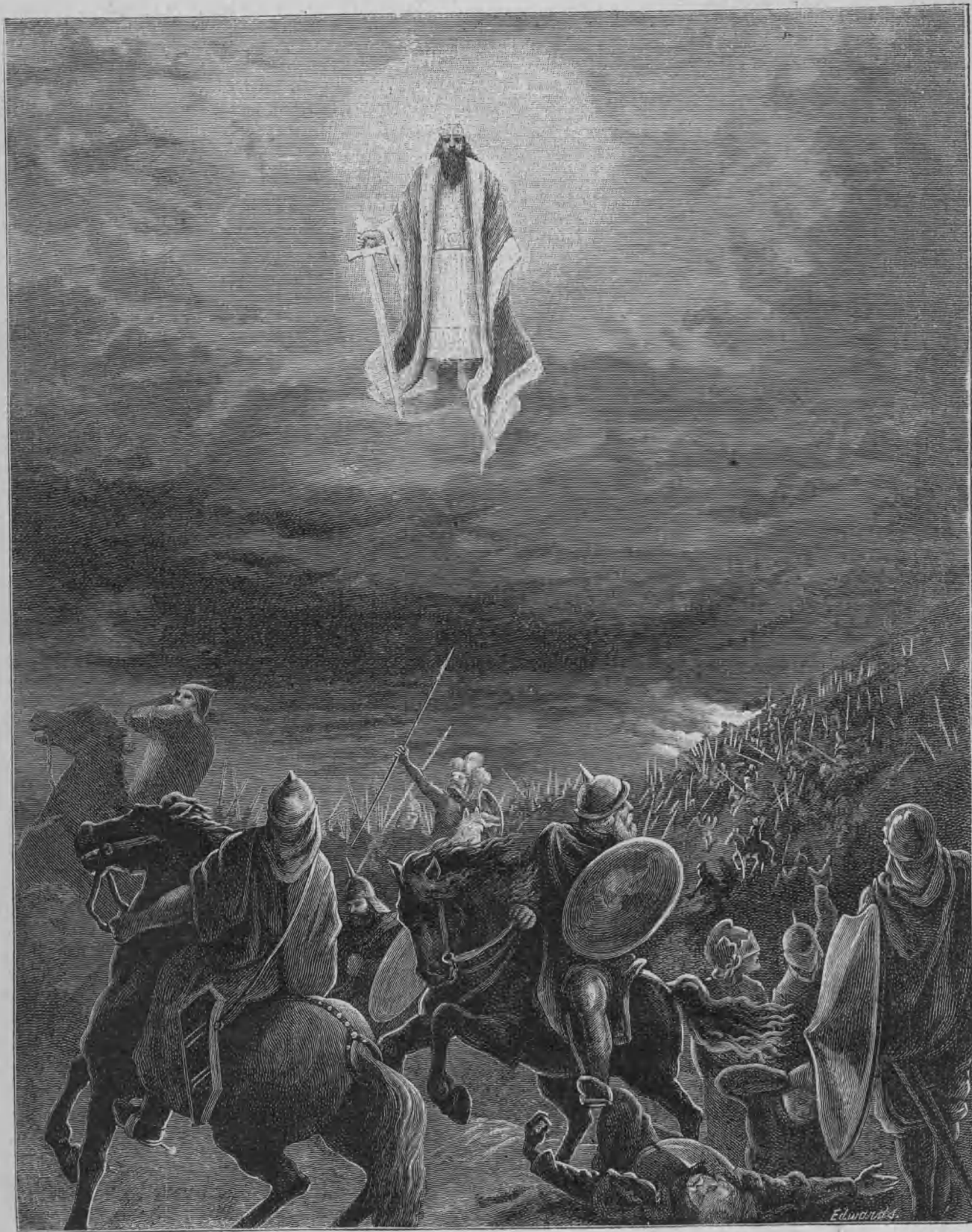
II.

Во весь свой ростъ простершись, съ напускною
Глубокою любовью и восторгомъ,
Устами ногъ его она касалась.
Въ ея кудряхъ былъ обручъ золотой,
Безцѣнный-же нарядъ изъ аксамита
Выказывалъ скорѣе гибкость членовъ,
Чѣмъ имъ служилъ прикрытіемъ. Онъ цвѣтомъ
Напоминалъ атласистую пальму,
Въ весенній день колеблемую вѣтромъ.
И молвила она: — «Топчите въ прахъ
Меня, о, ноги милыя! За вами
Я шла сюда, вамъ буду поклоняться;
Топчите-же меня, за это стану
Васъ цѣловать!» Но онъ не отвѣчалъ;
И мрачное предчувствіе вставало
Въ мозгу его: въ пещерѣ океана
Такъ въ сумракѣ волна слѣпая бьется,
И потому, когда съ мольбою грустной
Взоръ подняла она, проговорить:
— «Меня, Мерлинъ, вы любите-ль? — и тутъ-же: —
Мерлинъ, меня вы любите-ль? Великій
Учитель мой, вы любите-ль меня?» —
То онъ молчалъ. Тогда движеніемъ гибкимъ
Она къ нему взобралась на колѣни,
Подъ стибомъ ихъ скрестила ноги;
Прильнувъ къ нему, какъ змѣйка — обвила
Одной рукою шею; на могучемъ
Его плечѣ, какъ листъ, она лежала,
Другою-же, какъ-бы жемчужнымъ гребнемъ,
Перебирала бороду, съ годами
Принявшую цвѣтъ пепла. И, не глядя,
Онъ произнесъ: — «Лишь тотъ мудрецъ въ любви,
Кто мало говоритъ и много любитъ!»
Отвѣтила поспѣшно Вивіана:
— «Я видѣла божка любви слѣпота
Въ артуровыхъ палатахъ въ Камелотѣ,
Онъ зрѣнья былъ и языка лишень». —
«Ребенокъ неразумный!» — «Это слово —
Отъ мудреца, пускай молчанье — мудрость,
И я молчу — безъ просьбъ о поцѣлуѣ...
И видите, я въ мудрость облеклась!» —
И съ этими словами, какъ плашомъ,
Она его пушистой бородою
Окуталась отъ шеи до колѣнъ,
Зовя себя той мушкою золотою,
Что къ старому тирану-пауку
Попалась въ сѣть, и онъ пожретъ безмолвно
Ее въ лѣсу. Но больше на звѣзду —
Предвѣстницу бѣды во мглѣ туманной,
Она была похожа. И съ улыбкой
Печальною спросилъ онъ: — «Эти игры
И милыя дурачества — вступленье
Къ какому дару дивному иль просьбѣ?
Но все-жъ за нихъ тебя благодарю,
Печаль мою ты ими разогнала».
Отвѣтила она, смѣясь задорно:
— «Учитель мой, вамъ голосъ возвращенья?
Привѣтъ ему! Я слышу благодарности!
Вчера уста, чтобъ жажду утолить
Раскрыли вы, мы чаши не имѣли,
И подъ струю, что каплями сочилась
Изъ трещины, я нѣжныя ладони
Подставила, какъ чашу, и дала
Вамъ изъ нея напитокъ на колѣняхъ.

И шипи вы, словечка не сказавъ.
Когда ручья другого мы достигли,
И, утомясь, теряла я сознанье,
А вы легли, и были ваши ноги
Въ пыли цвѣтучной отъ ходьбы въ лугахъ —
Вы знаете-ль, что ранѣ своихъ
Омыла ваши ноги Вивіана?
Но и тогда вы не благодарили.
Теперь въ лѣсу все время къ вамъ ласкаюсь.
Даръ? Знаю даръ и не такой ужъ странный...
Въ чемъ я грѣшна? Вы — мудры, но въ такомъ
Молчаніи — лишь мудрость, не сердечность».

Взявъ за руку ее, сказалъ Мерлинъ:
— «Ты съ берега ужели не слѣдила,
Какъ пѣною въ песокѣ сверкаетъ влажномъ
Волна предъ тѣмъ, какъ хлынуть на него?
И вотъ три дня, какъ въ зеркалѣ предчувствій,
Волну я также вижу (не такую
Лишь свѣтлую), готовую разлиться.
Чтобъ грусть мою разсѣять, я покинулъ
Артура дворъ. Непрошенной ты
Пошла за мной: оглядываясь, видѣлъ
Тебя я постоянно и въ умѣ
Отожествлялъ съ предчувствіемъ неяснымъ.
Сказать-ли все? Ты мнѣ волной казалась,
Готовую ударить и унести
Меня изъ міра, отъ трудовъ и славы.
Дитя, прости! Ты разогнала мракъ
Веселою игрой. Проси-же дара.
Я — трижды твой должникъ: сперва за то,
Что былъ неправъ, потомъ за то, что медлилъ
Тебя благодарить, и, наконецъ,
За милыя дурачества. Итакъ,
Бери свой даръ — и странный, и не странный!»

Отвѣтила она съ улыбкой грустной:
— «Онъ не странный, чѣмъ долгія моленья
Мои о немъ, и не странные васъ.
Наполовину менѣе онъ странный,
Чѣмъ мрачное расположенье ваше.
Страшилась я, что мой вы не полноѣ,
И вы въ своей неправотѣ сознались.
Народъ зоветъ провидцемъ васъ, — пусть такъ,
Но не изъ тѣхъ, что для себя провидятъ.
Провидецъ — я. Трехдневный мракъ предчувствій,
По-моему, — тотъ недоверья духъ,
Что каждый разъ какъ-будто умаляетъ
Присущее Мерлину благородство,
Едва лишь я спрашиваю пытаюсь —
Какъ дѣлаю и нынѣ — цѣнный даръ.
Возлюбленный, ужель тебѣ не ясно,
Что мрачный духъ, тобою овладѣвшій,
Когда меня ты позади замѣтилъ,
Еще сильнѣй въ меня вселяетъ страхъ,
Что не былъ ты моимъ, и заставляетъ
Сильнѣй желать, чтобъ ты открылъ мнѣ чары
Простертыхъ рукъ, шаговъ переплетенныхъ —
Довѣрія залогомъ. О, Мерлинъ,
Открой мнѣ ихъ, спокойствіемъ обоихъ
Насъ очаруй! Вручи мнѣ надъ собою
Отчасти власть, и я, сознавъ, что ты
Повѣрилъ мнѣ, сейчасъ-же успокоюсь
И дамъ тебѣ, увѣрившись, покой.
Будь истинно великъ, не замыкайся
Въ молчаніи своемъ себялюбиво.
Въ очахъ твоихъ — безжалостный отказъ!
Что ты меня злодѣйкою считаешь,
Способною посредствомъ этихъ чаръ
Отнять тебя у славы, жизни, міра —

..... Другіе
Рубили, жгли, крича: — «Онъ не король!
Не Утера наслѣдникъ, не король!»

Тутъ сонъ перемѣнился. Мгла тумана
Разсѣялась, земля воздушной стала,
И въ небесахъ въ вѣнцѣ стоялъ король. (Стр. 4.)

Вотъ что меня сильнѣе оскорбляетъ,
И лучше мы союзъ нашъ разорвемъ.
Но, вѣрь или не вѣрь, клянусь я Небомъ,
Что правду я скажу: какъ кровь младенца,
Она чиста, какъ молоко — бѣла.
Коль скоро мозгъ мой, вѣтранный и слабый,
Въ извилинахъ нелѣпыхъ сновидѣній,
Когда-либо злоумышлялъ коварство
Подобное — пусть подо мной земля
Разступится до адскихъ безднъ Надира,
И надо мной, измѣнницей, сомкнется!
Молю тебя о дарѣ: безъ него
Тебѣ вполне отдаться не могу я.
Завѣтнаго желанья исполненіе
Да будетъ мнѣ любви великимъ знакомъ.
Какъ ты ни мудръ — не знаешь ты меня».

Мерлинъ сказалъ, освобождая руку:
— «Хотя мудрецъ, но не былъ никогда я
Имъ менѣе, чѣмъ въ этотъ день, когда
Не въ мѣру любопытной Вивіанѣ
Я въ первый разъ о чарѣхъ рассказалъ.
Ты говоришь: довѣрье? Слишкомъ я
Довѣрчивъ былъ, тебѣ сказавъ о чарѣхъ
И возбудивъ порокъ, черезъ посредство
Котораго жена сгубила мужа ²⁾.
На благо дѣтямъ — любопытства пылъ,
Имъ предстоитъ познать себя, міръ цѣлый.
Ты — не дитя, я опытность открылъ
По линиямъ лица, въ тебѣ я это
Назвалъ-бы... нѣтъ, не назову порокомъ.
Но мухой назвалась ты, паутинна
Была-бъ нужна для мухи: чуть успѣешь
Прогнать ее — она садится вновь,
Покуда, утомясь, ей не уступишь.
Но если власти не даю тебѣ,
Надъ славою моею, трудомъ и жизнью —
Зачѣмъ иного ты не просишь? Божьимъ
Жезломъ клянусь: я слишкомъ былъ довѣрчивъ!»
Подобная нѣжливѣйшей изъ влюбленныхъ,
Когда-либо въ деревнѣ у плетня
Любовное свиданье назначавшихъ —
Ему въ слезахъ отвѣтила она:
— «Не гнѣвайся ты на свою служанку,
Но приласкай, наставникъ, ей простишь,
Что у нея нѣтъ мужества просить
Иныхъ даровъ. Едва-ль ты знаешь пѣсно:
«Повѣрь вполне или не вѣрь совсѣмъ».
Ее пѣвалъ серъ Ланселотъ великій.
Пусть за меня она отвѣтитъ. Слушай!

* * *
«Гдѣ есть любовь, любовь безъ лицемѣрья,
Не можетъ быть съ довѣрьемъ — недовѣрьемъ:
Не вѣря въ чѣмъ-нибудь, не вѣришь ты совсѣмъ.»

* * *
«Гдѣ трещина есть въ лютнѣ небольшая —
Расширится она и, звуки заглушая,
Современемъ убьетъ мелодію совсѣмъ.»

* * *
«Такъ трещина въ любви, хотя ничтожна,
Такъ на плодѣ пятно, что еле видѣть можно —
Съ теченьемъ времени разрушать ихъ совсѣмъ.»

* * *
«Не дорога любовь — пусть погибаетъ,
Но молви: — нѣтъ! Въ любви не такъ бываетъ.
Повѣрь вполне, или не вѣрь совсѣмъ.»

* * *
По сердцу-ли тебѣ, учитель, пѣсня?»

2) Т. е., любопытство; здѣсь намекъ на грѣхопадѣніе
первыхъ людей.

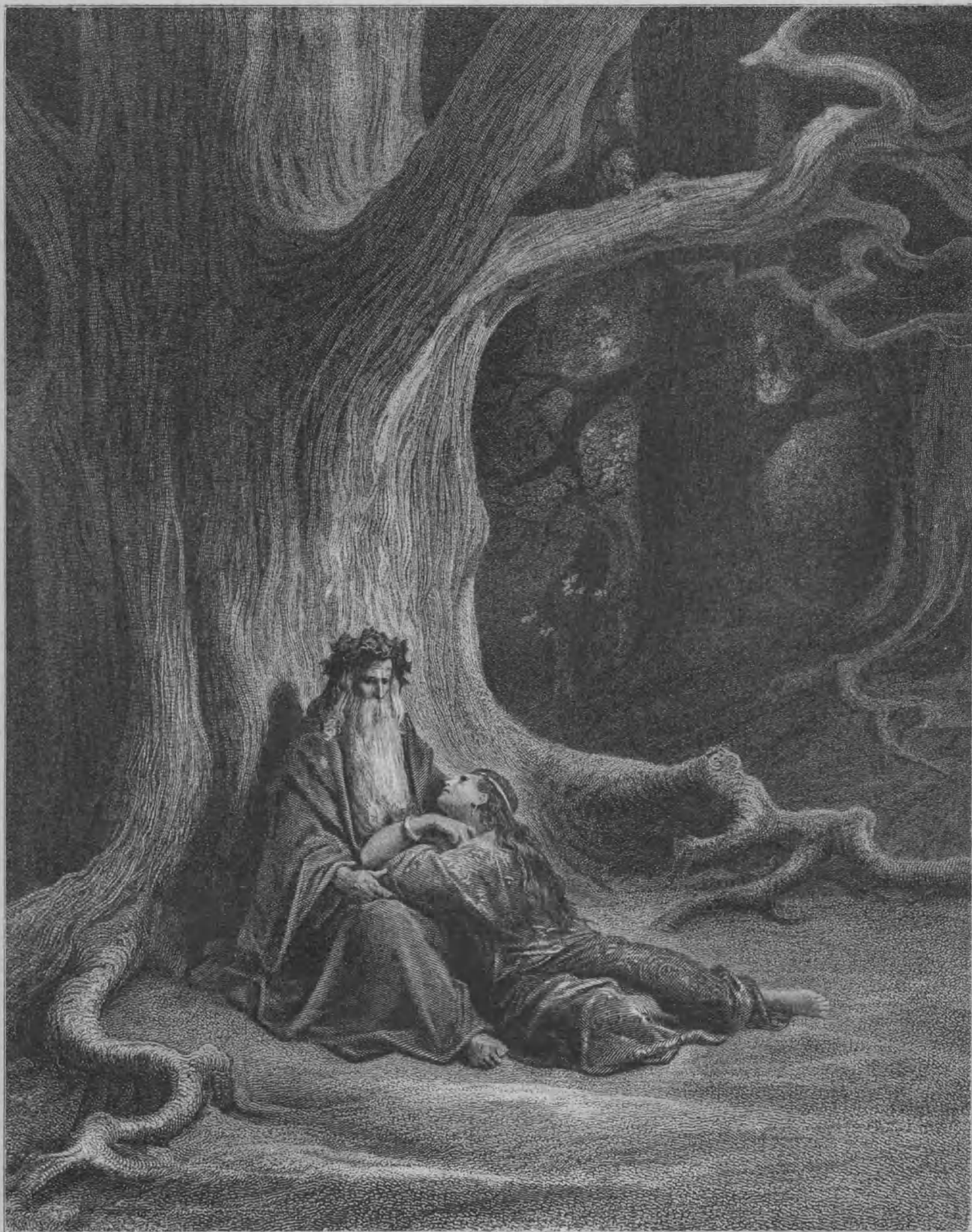
III.

Мерлинъ глядѣлъ и вполонину вѣрпль.
Такъ искрененъ былъ голосъ, такъ прекрасно
Ея лицо, и взоръ сіялъ сквозь слезы,
Какъ вслѣдъ дождю — надъ полемъ солнца лучъ.
И все-же онъ отвѣтилъ полугнѣвно:
— «Совсѣмъ иную пѣсню я слыхалъ
У этого-же дуба. Здѣсь однажды —
Двѣнадцать всѣхъ насъ было или десять —
Охотились на звѣря мы въ лѣсу:
То былъ олень съ рогами золотыми.
Въ тѣ времена зашла впервые рѣчь,
Чтобъ основать намъ Круглый Столъ, который
Черезъ любовь къ Всевышнему и людямъ,
Черезъ подвиги земли-бы цвѣтомъ сталъ.
Мы къ подвигамъ другъ друга подстрекали.
Покуда здѣсь мы ждали — самый младшій
Не могъ молчать, онъ пѣсню затянулъ,
Звучавшую столь пылкой жаждой славы,
Что слышались въ ней трубы, а въ концѣ —
И грозный звонъ мечей. Когда онъ кончилъ —
Мы ринуться впередъ готовы были,
Но спугнутый олень — красавецъ прынулъ
Внезапно изъ-подъ ногъ, и полетѣлъ
Онъ въ темный лѣсъ серебряной стрѣлою
Черезъ темный лѣсъ день цѣлый противъ вѣтра
Мы ѣхали, шумѣвшаго о славѣ
Въ ушахъ у насъ, и золотыхъ роговъ
Мы видѣли мельканіе, покуда
Ихъ не укрылъ отъ насъ ручей волшебный.
Онъ, какъ бойцы, смѣется надъ желѣзомъ,
Когда въ него дитя бросаетъ гвоздь
И говоритъ ему: — «Волна, засмѣйся!»
Но лезвіе меча въ ручей опустишь —
И зашумитъ онъ дико! Здѣсь олень
Пропалъ у насъ: столь дивной пѣсней была.
Когда-жъ теперь такъ сладостно ты пѣла —
Казалось мнѣ, что чары знаешь ты:
Я здѣсь лежу, тобою околдованъ;
А слава, имя — тихо уплывають».

Отвѣтила она съ улыбкой грустной:
— «Мои навѣкъ погибли съ той поры,
Какъ я пошла за вами въ лѣсъ дремучій.
Скорбѣли вы, утѣшить я хотѣла.
Вотъ каковы сердца мужчинъ! Не могутъ
Они достигъ высотъ самозабвенья,
Какъ женскія! По поводу-же славы —
Послушайте, что женщина поетъ
Въ той пѣсенкѣ, не оцѣненной вами.»

* * *
«Имя — прежде мое — стало вмѣстѣ мое и твое.
Будь и слава моею — я съ тобой раздѣлила-бъ ее,
Будь безславіе твоимъ — и безславіе стало-бъ мое.
Вѣрь во всемъ, или не вѣрь мнѣ ни въ чѣмъ».

* * *
«Не хорошо-ли сказано? Но — больше:
Похожа пѣснь на жемчугъ королевы;
Оборвалась во время танцевъ нить,
Разсыпалась жемчужины и были
Раскрасны, другія закатились,
Немногія — сохранены на память,
Но двумъ роднымъ жемчужинамъ съ тѣхъ поръ
Не довелось, на шелковомъ шнурѣ
Встрѣчаясь, другъ съ другомъ цѣловаться
На шеѣ лебединой. Такъ и пѣсня,
На новый ладъ она поется каждымъ,
Но стихъ одинъ — изъ перловъ перлъ гласитъ:
«Мужъ бредитъ славою, женщина — любовью».

Въ лѣсу Броселіандскомъ, передъ дубомъ
Такимъ большимъ, дуслистымъ, что казался

Онъ старой башнею, у ногъ Мерлина
Коварная лежала Вивіана.

(Стр. 7.)

Тутъ — истина Любовь, какъ велика
Ни будь она, живетъ лишь настоящимъ,
Не думая о будущемъ, и слава
Посмертная — ничто для насъ. При жизни
Она и то — едва-ли не безславе,
И тьмою блескъ смѣняется. Такъ зависть
Отродьемъ сатанинскимъ васъ зоветъ,
А такъ какъ вы — во всѣхъ искусствахъ мастеръ,
Слывете вы и мастеромъ пороковъ».

Взявъ за руку ее, Мерлинъ сказалъ:
— «Искалъ я разъ волшебнаго растенья,
И юношу увидѣлъ, одиноко
Сидѣвшаго. Изъ дерева себѣ
Щитъ вырѣзавъ, онъ выдуманной гербъ
Расписывалъ: орелъ, среди лазури
Вознесшійся; на правомъ планѣ — солнце,
Внизу девизъ: — «Я славы добиваюсь».
Нагнулся я, взявъ кисть его, и молча
Я вымаралъ орла, изобразивъ
Садовника въ работѣ надъ прививкой,
Девизъ-же былъ: «Важнѣе славы трудъ».
Какъ вспыхнулъ онъ! Но рыцаремъ достойнымъ
Впослѣдствіи онъ сталъ. О, Вивіана,
По-твоему, тобой любимъ я сильно,
Отчасти я люблю тебя: итакъ,
Спокойна будь. Отраду и покой
Въ самой себѣ любви искать пристало,
И черезчуръ не добиваться дара,
Котораго просить въ залогъ любви —
Казалось-бы чрезмѣрно щекожливо.
Но слава — средство для служенья людямъ
Могучее, ей отдыхать нельзя,
Ища въ себѣ отрады: быть вассаломъ
Должна она у той любви великой,
Передъ которой одного къ одной
Такъ мелочна любовь. Моею славой
Обязанъ я служенью: возрастая,
Она даетъ возможность мнѣ служить.
И вотъ — мой даръ. Какой еще? Поносятъ
Меня за то, что просвѣщалъ умы я,
Зоветь отродьемъ сатанинскимъ зависть
(Такъ, думая помочь себѣ, больной
И слабый звѣрь нанесетъ ударъ стремится
Сильнѣйшему, но, промахнувшись, ранитъ
Когтями онъ лишь собственное сердце):
О, сладкая безвѣстности пора!
Едва лишь имя вознеслось мое —
Какъ на вершинѣ буря разразилась,
Но я о ней не думалъ. Знаю самъ,
Что въ славѣ есть — безславыя вполовину,
Но долженъ я задачу выполнять.
Иной-же — смутной славы (такова
Она для всѣхъ бездѣтныхъ) я не жаждать.
Единая туманная звѣзда,
Что, будучи въ ряду свѣтилъ второю,
Блеститъ, какъ мечъ, надъ перевязью трехъ³⁾ —
Я не искалъ ея, но мнѣ казалось,
Что чары въ ней могучія таятся,
Которыя губительны для славы.
И я боюсь: когда посредствомъ чаръ
Тебѣ я власть дарю надъ собою —
Имѣя власть, обманешь ты меня,
Хотя теперь и думаешь, что любишь.
(Такъ любятъ дѣти королей, покуда
Тиранами не сдѣлаютъ ихъ власть.)
Меня страшитъ не столько гибель славы,

3) Подразумѣвается созвѣздіе Юпитера. Вообще, это мѣсто съ умысломъ затемнено.

Какъ гибель дѣла моего. Что если
Ты не изъ злобы, нѣтъ, но въ раздраженьѣ
Иль нѣжности чрезмѣрной, пожелавъ
Мной овладѣть всецѣло, подъ влияньемъ
Уколовъ жгучей ревности — захочешь
Испробовать тѣ чары надо мной?»

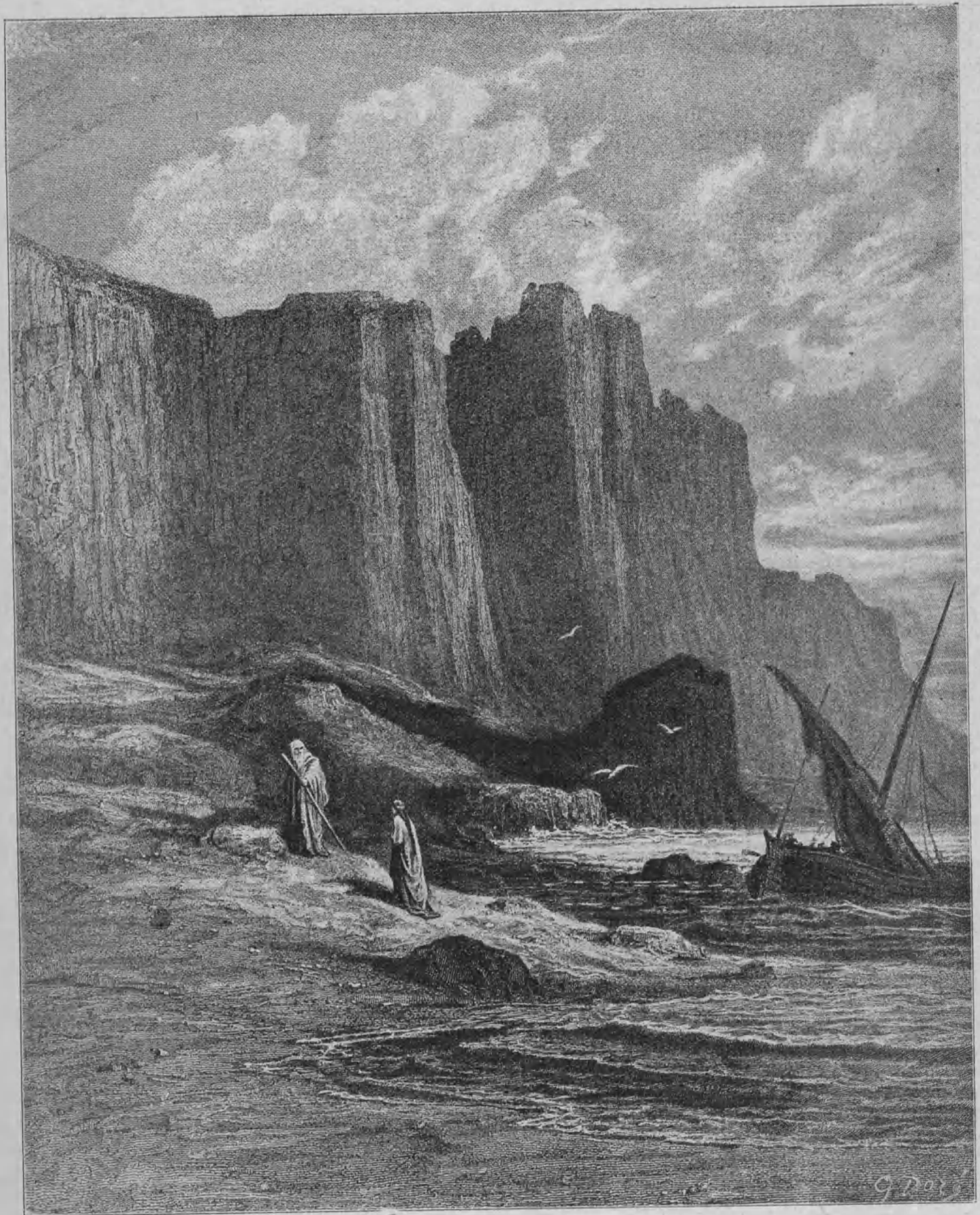
Отвѣтила она съ улыбкой злобой:
— «Вѣдь, я клялась! Не вѣрите? Пускай!
Скрывайте ихъ! Я все-же ихъ открою,
И вы меня тогда остерегайтесь;
У той, кому не вѣрятъ, у меня —
Явиться вдругъ и раздраженье можетъ.
Вы правы, ту любовь зовя чрезмѣрной,
Которою полна я, не встрѣчая
Въ отвѣтъ любви такой-же полноту.
Дивлюсь тому, что все еще люблю я!
А почему не ревновать-бы мнѣ?
Не для того-ль, чтобъ ревность возбудить,
Придумали вы сами эти чары?
Сдается мнѣ, что здѣсь и тамъ въ краю
Вы держите въ плѣну красотокъ бойкихъ,
Что спрятаны въ стѣнахъ старинной башни,
Откуда нѣтъ исхода имъ во-вѣкъ».

IV.

И весело сказалъ мудрецъ великій:
— «Въ дни юные любви любилъ я многихъ,
Но ихъ добылъ лишь юностью, любовью,
Не чарами. Та полнота любви,
Которой ты хвалилась — обезпечить
Тебѣ мою. Итакъ, живи безъ чаръ.
У первыхъ-же людей, прибѣгшихъ къ нимъ
Въ прошедшіе вѣка, давно отпала
Кисть отъ руки, простертой для заклатья,
И отъ ноги — ступня, шаги которой
Для совершенья чаръ переплетались.
Не хочешь-ли? За пѣсенку въ награду,
Преданіе тебѣ я расскажу.

* * *

Жилъ-былъ король средь дальняго Востока,
Моложе былъ меня онъ и старѣй:
Въ моей крови — зародышъ многихъ весель.
Тамъ къ гавани присталъ корабль пирата,
Пиратъ ограбилъ двадцать острововъ,
И на зарѣ два города увидѣлъ
На лодкахъ онъ (до тысячи ихъ было),
Сражавшихся на морѣ изъ-за дѣвы.
На черномъ кораблѣ своемъ въ средину
Онъ врѣзался, съ потерей многихъ силъ
Разсѣялъ ихъ и дѣвушку похитилъ
Столь дивную и бѣлую, что мнилось:
Отъ всѣхъ ея движеній лететь свѣтъ.
Такъ какъ пиратъ съ ней не хотѣлъ разстаться,
То заключилъ король его въ тюрьму,
А дѣвушку онъ королевой сдѣлалъ.
Но чудные глаза островитянки
Вели войну такую противъ воли
Со всею молодежью, что слабѣла
Она въ краю, ряды людей рѣдѣли
Въ совѣтъ и дружинѣ. Какъ магнитъ,
Влекла она желѣзные сердца
Старѣйшихъ изъ бойцовъ. Боготворили
Ее и сами звѣри, добровольно
Предъ ней верблюдъ колѣна преклонялъ.
Съ горъ дикари, что носятъ паланкины
Властителей, склоняя передъ ней
Свои колѣна черныя, звенѣли
Въ бубенчики змѣиными руками,
Чтобъ у нея одну улыбку вызвать.

..... Стала править
Она рулемъ, онъ — парусомъ, и вѣтеръ
Помчалъ челнокъ къ британскимъ берегамъ.

(Стр. 7.)

И нечего дивиться, что, ревнуя,
Въ подвластныхъ ему сто государствъ
Послалъ король герольдовъ, повелѣвъ
Найти въ нихъ мудреца, который чары
Такія-бы открылъ ему, чтобъ могъ
Посредствомъ ихъ всецѣло королевою
Владѣть лишь онъ. И мудрецу сулилъ
Награду онъ превыше королевской:
И золотыя россыпи, и область
На сотню миль въ окружности, и замокъ
Съ принцессою — все мудрецу въ награду.
А для того, чтобъ уменьшить число
Обманщиксъвъ и чтобъ шутить не смѣли —
Онъ объявилъ: того, кто безуспѣшно
Испробуетъ надъ королевою чары,
Постигнетъ смерть, и голова его
Тамъ будетъ гнить на городскихъ воротахъ.
И многіе пытались безуспѣшно:
Природное ея очарованье
Не поддавалось чарамъ, и бѣдѣли
Ихъ черепа на городской стѣнѣ,
И коршуны въ теченье многихъ ней
Надъ башнею висѣли, словно туча».

Прервавъ его, сказала Вивіана:
— «Сбираю медь, но думается мнѣ:
Ошибся вашъ языкъ. Судите сами.
Огнемъ очей вела не противъ воли
Она войну, но въ ней нашла утѣху,
И къ ревности давала мужу поводъ.
Но не нашлось ужелъ въ тѣ времена
Ни женщины, ни дѣвушки, утратой
Любовника разгнѣванной, и были
Всѣ такъ же кротки (скажемъ: благородны),
Какъ хороша была она сама?
И ни одна ея не ослабила,
Отравы ей не всыпала въ питье,
Иль розою отравленной румянецъ
Съ ея лица согнать не попыталась?
Не нашими тѣ были времена!
Но все-жъ они сыскали чародѣя?
Онъ на тебя похожъ былъ? Говори!»

И, смолкнувъ, крѣпче обвила рукою
Она Мерлина шею и, началъ
Откинувшись, лишь взоромъ говорила.

Такъ юная жена глядитъ на мужа,
Который — первый въ мѣрѣ для нея.

Онъ отвѣчалъ со смѣхомъ: — «На меня
Не походилъ мудрецъ, найденный ими:
Малъ ростомъ, худъ и съ голой головой —
Кореньями питался онъ въ пустынѣ,
Читалъ одну лишь книгу и отъ чтенья
Подъ гнетомъ думъ такъ сгорбился и высохъ,
Что сдѣлались глаза его огромны,
А на костяхъ едва держалась кожа.
И такъ какъ онъ къ единой цѣли духъ
Направилъ свой, не прикасался къ мясу
И крѣпкому вину, не зналъ желаній,
То для него стѣна, что разделяетъ
Живыхъ людей отъ призраковъ, была
Хрустальною, и сквозь нее онъ видѣлъ
И слышалъ голоса ихъ, изучалъ
Ихъ силу, власть, ихъ тайны основныя.
По временамъ надъ свѣтлымъ окомъ солнца
Онъ вѣки тучъ тяжелыхъ опускалъ,
И окаймлялъ ихъ бурей косою.
А иногда средь ливней и тумана,

Когда бѣлѣло озеро отъ пѣны
И боръ стоналъ, а выси горъ дымились —
Вновь засіяты онъ солнцу позволялъ.
Таковъ онъ былъ и, силой приведенный,
Открылъ онъ чары, съ помощью которыхъ
Заколдовать король могъ королеву
Такъ, чтобъ она незримой стала всѣмъ,
И лишь король, при входѣ и уходѣ,
Былъ видимъ для нея. И такъ лежала,
Какъ мертвая она, мертва для міра.
Когда-жъ король хотѣлъ отлатъ ему
И золотыя россыпи, и область
На сотню миль въ окружности, и замокъ
Съ принцессою — старикъ вернулся въ лѣсъ;
Кореньями питался онъ и умеръ,
А мнѣ досталась книга мудреца».

И молвила она съ улыбкой дерзкой:
— «У васъ она, изложены въ ней чары,
И мой совѣтъ: сейчасъ откройте ихъ.
Вѣдь, если-бъ вы за тридцать замками,
Въ двойномъ ларцѣ хранили ихъ, какъ тайну,
И холмъ такой-же сверху возвели,
Какой тѣла въ сраженіи убитыхъ
Въ глуши, у моря дикаго скрываетъ,
Я способы найду туда проникнуть,
Отрыть, достать и прочитать о чтрахъ.
Прибѣгну къ нимъ — на мнѣ-ль вина за это?»

Онъ отвѣчалъ съ улыбкой, какъ учитель
Ученику, но школы не своей,
Иль развѣ той, гдѣ голое, слѣпое
Невѣжество безстыдно изрекаетъ
По цѣлымъ днямъ сужденья обо всемъ:
— Тебѣ прочесть ту книгу, Вивіана?
О, да, всего лишь двадцать въ ней страницъ,
Зато у нихъ — широкія поля,
А на поляхъ — квадратной формы записи,
Столь мелкая, что кажется пятномъ,
И съ буквами — не больше ногъ блохи.
Въ тѣхъ записяхъ, всѣ тайны чаръ ужасныхъ
Изложены на языкѣ давно
Исчезнувшемъ, и такъ давно, что горы
И города на нихъ съ тѣхъ поръ возникли.
И множествомъ глубокихъ толкованій,
Съ трудомъ доступныхъ для ума и взора,
Необычайно сжатыхъ, всѣ страницы
Испещрены и вдоль, и поперекъ,
И если въ нихъ легко я разбираюсь,
То потому, что ночи проводилъ
Надъ ними я въ теченье долгой жизни.
Но записей — никто, я самъ не знаю,
А толкованья знаю я одинъ.
Въ нихъ чары я нашелъ: во вредъ другому
Ихъ примѣнить возможно и ребенку,
Но дѣйствія никто не уничтожить.
Не спрашивай-же болѣе: хотя
Ты поклялась ихъ силу надо мною
Не пробовать, но можешь имъ подвергнуть
Кого-либо изъ Круглаго Стола.
Недаромъ ты всегда воображаешь,
Что о тебѣ — всѣ пересуды ихъ».

И, раздражась, отвѣтила она:
— «Что обо мнѣ лжецы сказать посмѣютъ?
Какъ? Странствуютъ они, борясь за правду?
Они сидятъ за мясомъ и виномъ!
Какъ? Чистоты хранятъ они обѣты?
Я многое повѣдала-бъ, не будь
Я женщиной, но, будучи мужчиной,

Тамъ вышелъ онъ, и за Мерлиномъ слѣдомъ
Она вошла въ Броселандскій лѣсъ.

(Стр. 7.)

Поймете вы, что о дѣлахъ зазорныхъ
И говорить зазорно. Ихъ орава
Меня коснуться пальцемъ не дерзнетъ!»

Отвѣтилъ онъ небрежно: — «Мнѣ сдается,
Что смутныхъ обвиненій — желчи плодь —
Ты доказать не можешь. Если знаешь —
Ихъ докажи, иль пусть они падутъ».

Отвѣтила она, нахмурясь гнѣвно:
— «Какъ поступилъ, по-вашему, сэръ Валенсъ,
Чей родственникъ, его оставивъ стражемъ
Жены своей съ двумя дѣтьми, уѣхалъ?
Рожденъ за часъ, лежалъ младенецъ въ люлькѣ.
Что могъ сказать на радостяхъ отецъ?
Сынъ мѣсяцевъ семи надежнѣй былъ-бы,
Двѣнадцать-же — права отца смущали».

Отвѣтилъ онъ: — «Я этого случай знаю.
Сэръ Валенсъ былъ обвинчанъ съ иноземкой,
Но почему-то съ ней въ разлукѣ жилъ.
Они дитя имѣли, но скончалась
Жена его, а родственникъ его,
По собственнымъ дѣламъ туда поѣхавъ,
Сэръ Валенсу привезъ дитя. Привезъ,
Но не нашелъ. Вотъ истинная правда!»

— «Сверхъ-истина! — отвѣтила она. —
Но что сказать о пылкомъ Сограморѣ?
«Грѣхъ не великъ, — такъ въ пѣсенкѣ одной
У насъ поютъ: — сорвать цвѣтокъ весной».
Онъ не былъ-ли, учитель, слишкомъ скоръ,
Безвременно сорвавъ свою-же розу?»

Мерлинъ сказалъ: — «Ты черезчуръ скоро,
И на лету перо той хищной птицы
Стараясь поймать, что раздражаетъ
На части славу добрую людей.
Серъ Сограморъ не оскорбилъ невѣсты.
Вотъ истина. Пока по лабиринту
Покоевъ и садовъ дворца Артура,
Онъ проходилъ, порывомъ сильнымъ вѣтра
Задудло факель, а рѣзба дверей
Была наощупь сходжею съ рѣзбою
Его дверей; усталый, онъ вошелъ,
И, ложе отыскавъ, заснулъ на немъ,
Какъ дѣвственникъ, съ невинной дѣвой рядомъ.
И, этого не зная, оба спали,
Пока заря сквозь украшенья оконъ
Не вспыхнула стыдливо и они
Не вспыхнули румянцемъ. И въ молчанѣ,
Немедля вставъ, ее покинулъ онъ.
Когда-жъ о томъ узнали при дворѣ,
Вступить въ союзъ пришлось имъ изъ-за толковъ,
Но съ чистотой и счастье имъ далось».

— «Да, — молвила она, — на то похоже.
Но что сказать о чистомъ Персивалѣ
И томъ дѣяньѣ гнусномъ, что свершилъ
Онъ, юноша святой, невинный агнецъ,
Иль козлище изъ стада сатаны?
Возможно-ли! Въ оградѣ храма Божья,
Средь рыцарскихъ гробницъ, обитыхъ мѣдью,
И надписей холодныхъ гробовыхъ?»

Мерлинъ сказалъ, цѣны не придавая
Словамъ ея: — «Воздерженъ онъ и чистъ,
Разъ въ жизни онъ, виномъ разгоряченный,
Пошелъ на дворъ капеллы освѣжиться,
И тамъ одной пастушкой сатанинской

Онъ пойманъ былъ, которая хотѣла
Его отмѣтить сатаны клеймомъ.
Но въ грѣхъ его съ трудомъ могу повѣрить
При взглядѣ на лицо его. А если
Онъ согрѣшилъ — не мимодежный грѣхъ,
Раскаянье съ собою приносящій,
А старый грѣхъ, входящій въ плоть и кровь —
Приводитъ насъ къ погибели. Иначе
И царь святой, котораго псалмы
Въ церквахъ поютъ, онъ злѣйшій былъ бы грѣш-
никъ!»

Отвѣтила она, какъ прежде, съ гнѣвомъ:
— «Что скажете о Ланселотѣ, другъ?
Предатель онъ, иль нѣтъ? Болтаютъ дѣти
Насчетъ его сношеній съ королевой,
И по угламъ всѣ шепчутся о нихъ
Промежъ себя. Извѣстно-ль это вамъ?»

И съ грустью онъ отвѣтилъ: — «Да, извѣстно.
Сэръ Ланселотъ былъ короля посломъ,
За короля принявъ его при встрѣчѣ,
Она къ нему почувствовала страсть.
Но неужели слова похвалы
Ты не найдешь Артуру? Безупреченъ
Онъ, какъ король, и чистъ, какъ человѣкъ».

Насмѣшливо смѣясь, она сказала:
— «Возможно-ли считать за человѣка
Того, кто, зная истину, киваетъ?
Прекрасную супругу знаетъ онъ,
И головой киваетъ въ знакъ согласья!
Себя король желаетъ ослѣпить
И дѣлаетъ слѣпымъ свой Круглый Столъ
Къ ихъ низостямъ. И, если-бъ не мѣшала
Мнѣ женственность, я назвала-бъ его
Тѣмъ именемъ, какимъ зовутъ въ народѣ
Мужей ему подобныхъ, назвала-бы
Его причиной главною всѣхъ золъ
И, будь онъ не король — глушомъ и трусомъ!»

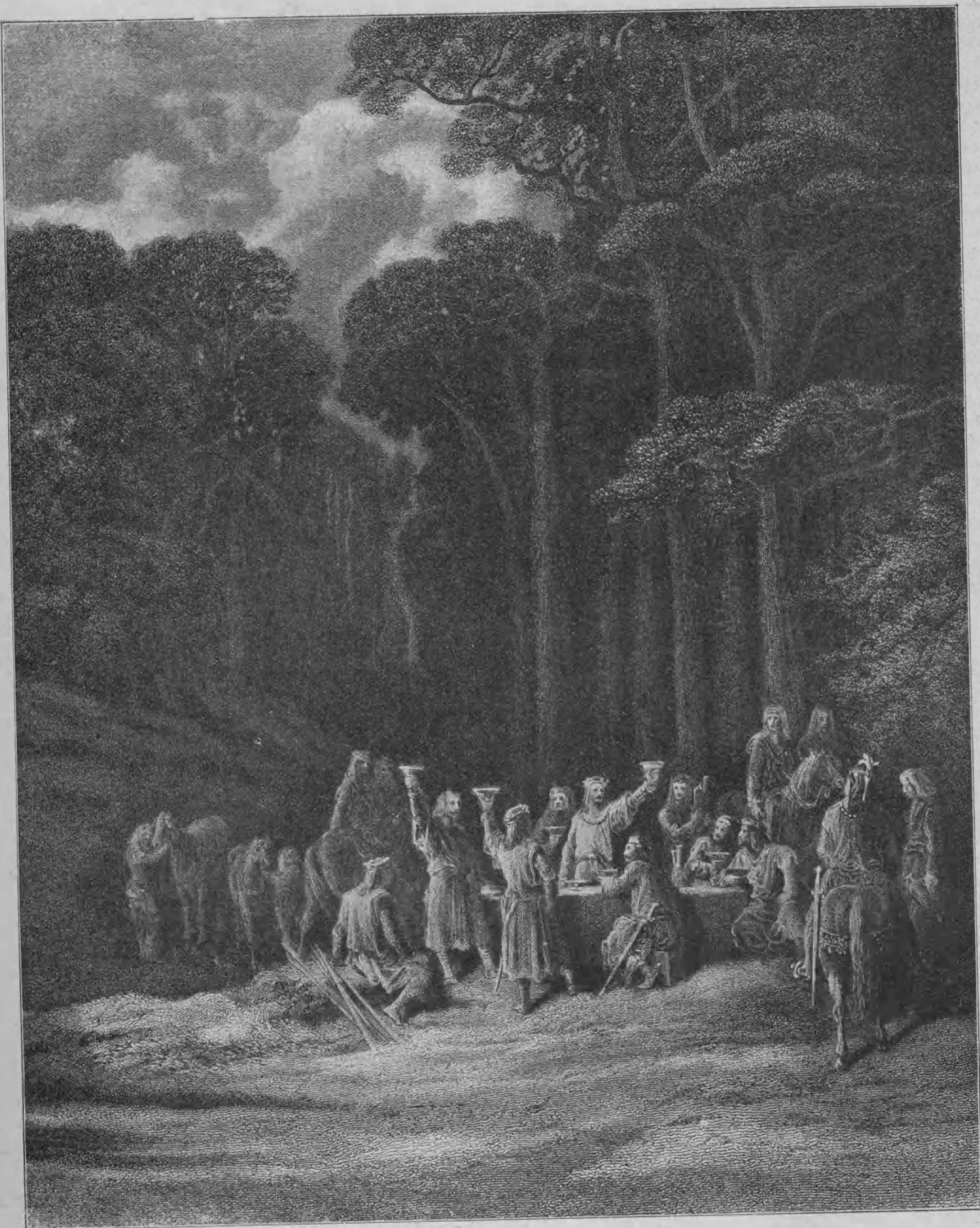
И тутъ Мерлинъ подумалъ, возмущенный:
«О, благородный, добрый мой король
И властелинъ! О, рыцарь безупречный
И себялюбья чуждый! Вопреки
Свидѣтельству очей твоихъ, ты видишь
Въ мужчинахъ вѣрность, въ женахъ — чистоту.
О, какъ въ устахъ людей, которымъ чуждо
Все высшее, толкующихъ его
Въ дурномъ и низкомъ смыслѣ (на подобье
Струящейся вдоль улицъ жидкой грязи) —
Тебѣ въ упрекъ вмѣняють безупречность!»

Но, думая, что удалось его
Ей убѣдить, вновь стала Вивіана
Порочить всѣхъ: языкъ ея, какъ пламя,
Свирѣпствовалъ среди именъ славнѣйшихъ,
И на позоръ самой-же ей — позорилъ,
Пятналъ другихъ: такъ не остался храбрымъ
Самъ Ланселотъ, и чистымъ — Галаадъ⁴⁾.

V.

Но дѣйствіе иное, чѣмъ желала,
Слова ея имѣли. Сдвинулъ онъ,
Какъ снѣговой навѣсъ, густыя брови,
Надъ впалями глазами, бормоча:
— «Ей чары я открою? Для того,
Чтобъ надо мной она глумиться стала
И въ сѣть свою другого завлекла?»

4) О Галаадѣ и Персивалѣ см. поэму «Св. Грааль».

— «Совсѣмъ иную пѣсню я слыхалъ
У этого-же дуба. Здѣсь однажды —

Двѣнадцатъ всѣхъ насъ было или десять —
Охотились на звѣря мы въ лѣсу...

(Стр. 10.)

Она теперь глумится! Не сказала-ль
Она сейчас: «Не возносите слишком!»
Но все-же мы столь низко не падём.
Такъ разнятся мужчины межъ собою,
Какъ небо и земля, но адъ и небо —
Вотъ разница межъ худшею изъ женщинъ
И лучшею. Я знаю Круглый Столъ,
Друзей моихъ старинныхъ, всѣ отважны,
Великодушны многіе и чисты.
Сдается мнѣ, что ложью прикрываетъ
Она утраты рану: соблазнить
Пыталась ихъ она, но безуспѣшно,
И потому такъ зла. Не удастся
Порой и ловкій умыселъ, хотя
Такъ на словахъ расписываютъ твари,
Чего совѣмъ не ощущаютъ въ сердцѣ,
Какъ и лицо расписывать умѣютъ.
Но этого я не скажу ей: льстецъ
И клеветникъ — порой одно и то-же.
Они, вина другого въ преступленъ,
Себя винятъ, а низкое стремленье
Не чувствовать себя безмѣрно ниже
Внушаетъ имъ желанье все сравнять.
Съ равниною они сравняли-бъ гору!
Еще въ одномъ съ толпою схожи твари:
Пятно на славномъ имени не служитъ
Имъ поводомъ скорбѣть объ умаленъ
Великаго, но распалаетъ ихъ
Лишь радостью безумной. Грязь подножья —
Вотъ что они во всей природѣ видятъ,
Не поднимая глазъ къ той высотѣ,
Увѣнчанной сіяньемъ лучезарнымъ,
Которая близка къ мірамъ инымъ.
Достаточно. Она мнѣ надоѣла».

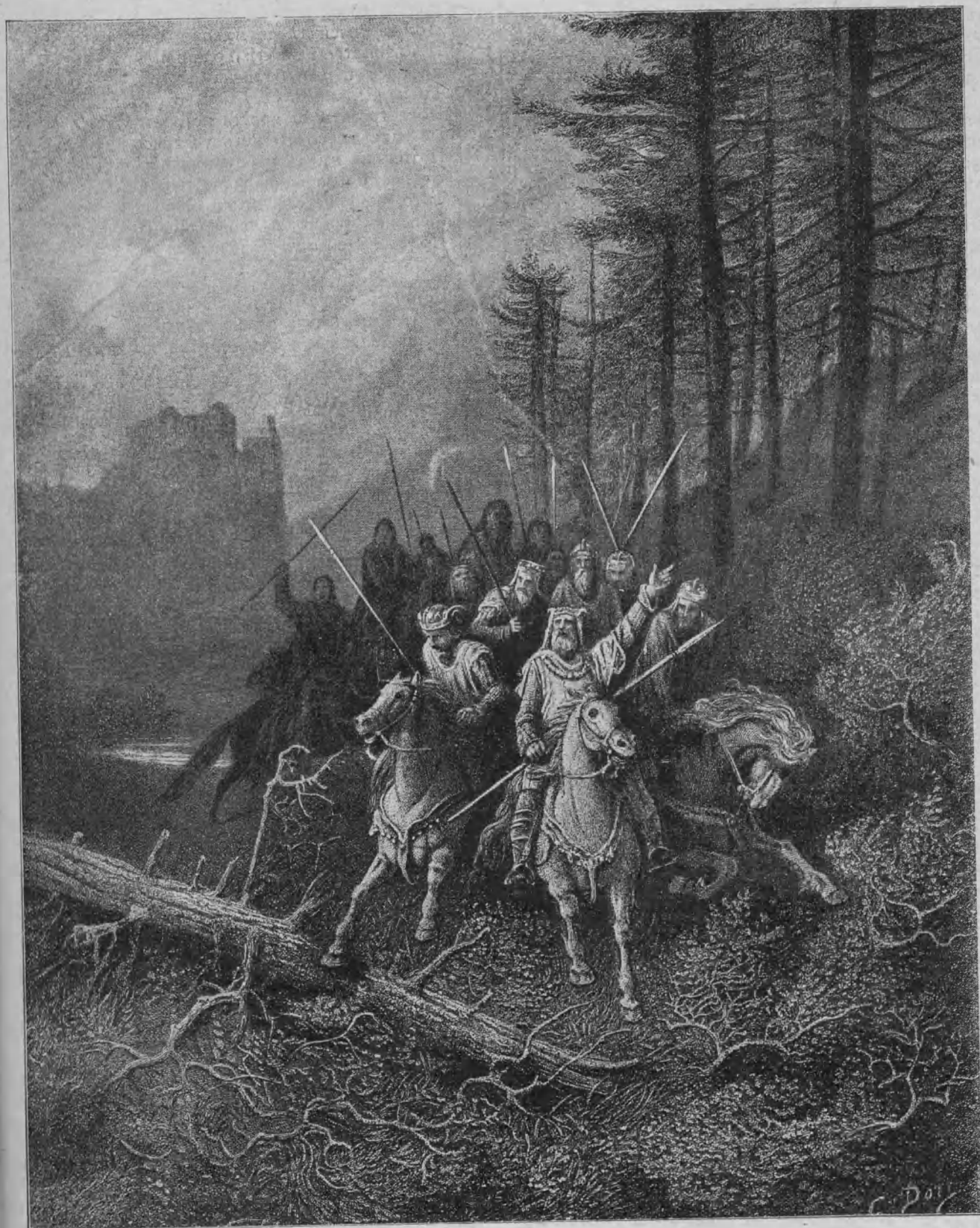
Онъ говорилъ наполовину внятно,
И часть рѣчей терялась въ многозвоньемъ
Рунѣ пушистомъ бѣлой бороды.
Но, угадавъ, что думалъ онъ, и дважды
Въ его рѣчахъ услышавъ слово: «тварь!» —
Съ его колѣнъ вскочила Вивіана.
Съ ехидной окованной схожа,
Она предъ нимъ стояла. Страшный видъ!
Исчезъ любви и жизни алый цвѣтъ,
Уста ея казались ртомъ скелета,
Ликъ поблѣднѣлъ, дыханье прерывалось,
Раздулись ноздри, шарила рука
У пояса. Найди она кинжалъ
(Страсть лживую вражда смѣняетъ скоро) —
Онъ былъ-бы мертвъ, но не нашлось кинжала.
Мерлина взоръ спокоенъ былъ, и вдругъ
Заплакала она такъ неутѣшно
И долгимъ, долгимъ плачемъ, какъ дитя,
Которое прибили. Голосъ лживый
Послышался, рыданьемъ прерываемъ:
— «Изъ всѣхъ, о комъ преданія гласятъ,
О комъ поется въ пѣсняхъ, жесточайшій!
Напрасно мной любовь расточена!
Въ любви ничто не странно, не безумно,
Не кажется постыднымъ — будь любовь
Лишь истинна, не такова, какъ ваша.
Чего-бъ, увы, бѣдняжка Вивіана
Не сдѣлала, чтобъ заслужить довѣрье
Назвавшаго ее... какое слово!
Не въ томъ-ли весь, весь грѣхъ ея, что имъ
Она владѣть желала нераздѣльно?»

Затѣмъ она, всплеснувъ руками, съ воплемъ
Воскликнула: — «Поражена я въ сердце
Моимъ сердечнымъ чувствомъ! Агнецъ малый

Такъ въ молокъ варится материнскомъ.
И лучше-бъ мнѣ сносить всю жизнь побли,
Чѣмъ выслушать одно такое слово!
Великій — добръ, я думала о немъ.
О, лучше-бъ я ничтожество любила,
Въ немъ больше сердца вѣрно-бъ я нашла!
Мнѣ — истинной любовью ослѣпленной —
Король и дворъ, лишь по сравненью съ вами,
Являлись въ темномъ цвѣтѣ. Для меня
Высокимъ счастьемъ было: возвести
Васъ одного на педесталъ кумира.
И вотъ — отвѣтъ. Отнынѣ жизни путь,
Казавшійся усѣяннымъ цвѣтами,
Покуда васъ имѣла я вождемъ,
Становится крутой межъ скаль тропою,
Которая къ погибели ведетъ.
Осталось мнѣ одно — въ пещерѣ скрыться
И, если тамъ волкъ пощадитъ меня,
Оплакивать разбитую навѣки
Жестокостью невыразимой жизнь!»

VI.

Замолкнувъ, отвернулась и поникла
Она челомъ, и волосы, съ которыхъ
Упалъ змѣю обручъ, распустились.
Она опять заплакала; безмолвный,
Предъ бурею лѣсъ темный потемнѣлъ,
А гнѣвъ стихалъ въ Мерлинѣ постепенно;
Наперекоръ уму, онъ съ облегченьемъ
Ей былъ готовъ повѣрить. И въ дупло
Сталъ звать ее — укрыться отъ ненастья,
Но не было отвѣта. Видѣлъ онъ
Лишь трепеть плечъ, а скрытое какъ-будто
Отъ горя или стыда ея лицо,
И трижды онъ нѣжнѣйшими словами
Пытался миръ, но тщетно, водворить
Въ душѣ ея. Въ концѣ лишь уступивъ,
Она, подобно птицѣ упорхнувшей
(Оскорблена безвинно, простодушна),
Вернулась въ клѣтку, къ мѣсту своему.
Тамъ, на его колѣняхъ полулежа
И полуприслонясь къ его груди,
Покоилась она, и, видя слезы,
Блеставшія изъ-подъ закрытыхъ вѣкъ,
Изъ жалости скорѣй, чѣмъ изъ любви,
Ее мудрецъ одной рукою обнялъ.
Освободясь, она вскочила, руки
Скрестила на груди и, ставъ предъ нимъ,
Какъ женщина, оскорблена глубоко
Въ достоинствѣ и чистотѣ, сказала:
— «Здѣсь о любви быть рѣчи не должно:
Разлучены отнынѣ мы навѣки.
Коль скоро я — такая, какъ меня
Назвали вы — въ жестокосердѣйшемъ —
Что-жъ можете цѣнить во мнѣ? Прощайте!
Нѣтъ, лишь одно (но лучше трижды смерть,
Чѣмъ этого просить!) меня могло-бы
Здѣсь удержатъ: довѣрья знакъ, просимый
Такъ часто и напрасно. Справедливо
Обиды боль загладить могъ-бы онъ,
И я опять повѣрила-бъ, какъ прежде.
Что прежде было прихотью — въ потребность
Души и тѣла нынче разрослось.
Прощайте-же, не поминайте зломъ.
Боюсь, за то, что юности я старость,
Ошибкой-ли, виной-ли, предпочла —
Я васъ любить обречена судьбою.
Но, прежде чѣмъ уйду я, вновь клянусь,
Что, если я на васъ злоумышляла,
Пусть надо мной темнѣющее небо

Но спугнутый олень-красавец прынул
Внезапно из-под ногъ, и полетѣлъ
Онъ въ темный лѣсъ серебряной стрѣлой.

Черезъ темный лѣсъ день цѣлый противъ вѣтра
Мы ѣхали, шумѣвшаго о славѣ
Въ ухахъ у насъ...

(Стр. 10.)

Въ меня стрѣлой ударить и, коль скоро
Я солгала, мой мозгъ испепелить!»

Едва она замолкла, какъ блеснула
Вдругъ молнія (вблизи была гроза)
И въ мощный дубъ ударила, усыявъ
Обломками вѣтвей и сучьевъ землю.
Поднявъ глаза, онъ дерево увидѣлъ,
Что въ сумракѣ огнемъ свѣтилось бѣлымъ.
Но, думая, что небо услышало
Обѣтъ ея, въ испугѣ Вивіана,
Ослѣплена пылающимъ стволомъ,
Оглушена и грохотомъ, и трескомъ,
Вдругъ бросилась назадъ, и съ громкимъ крикомъ:
— «Спаси, Мерлинъ, спаси, хотя не любишь!» —
Его обнявъ, къ нему прильнула крѣпко,
Звала его хранителемъ своимъ,
И, несмотря на страхъ, не забывала
Его ласкать, къ нему прижавшись крѣпко.

И блѣдная кровь чародѣя, словно
Согрѣвшійся опаль, отгнѣнкомъ теплымъ
Окрасилась отъ близости ея.
За пересказъ недостоверныхъ слуховъ
Себя коря, отъ страха трепеща,
Она свою оплакивала дерзость,
Звала его царемъ и господиномъ,

Своимъ пѣвцомъ, пророкомъ и своєю
Серебряной вечернею звѣздой,
Своимъ Мерлиномъ, богомъ, жизни всей
Единственной любовью.. А надъ ними
Ревѣла буря, и сухіе сучья
Дождь увлекалъ, шумѣвшій, какъ потокъ.
И въ быстрой смѣнѣ молніи и мрака,
Ея глаза и шеи бѣлизна
То передъ нимъ сверкали, то скрывались.
Пока гроза, всю ярость истощивъ,
Не замерла, со стономъ удаляясь,
И тишина въ лѣсу опустошенномъ
Не наступила вновь, и не случилось
Того, чему не слѣдовало быть:
Мерлинъ, уставъ и просьбами измученъ,
Повѣдалъ ей о чарахъ и заснулъ.

И вмигъ тогда она прибѣгла къ чарамъ
Простертыхъ рукъ, шаговъ переплетенныхъ:
И онъ лежалъ, какъ мертвый, въ старомъ дубѣ:
Для жизни, славы и трудовъ погибшій.

Воскликнувъ: — «Мнѣ онъ славу уступилъ! —
И выкрикнувъ: — Глупецъ!» — она изъ лѣсу
Вдругъ кинулась бѣжать; сомкнулись вѣтви,
И эхо ей откликнулось: — «Глупецъ!»

Элена.

Красавица Элена, дочь владѣльца Астолата, тайно влюблена въ рыцаря Ланселота, оставившаго ей свой боевой щитъ. Последнее случилось такъ. Король Артуръ однажды добылъ въ чудесной долинѣ девять алмазовъ. Онъ учредилъ послѣ этого «алмазные турниры», на которыхъ побѣдителю вручался въ награду одинъ изъ чудесныхъ алмазовъ. На восьми турнирахъ постоянно побѣждалъ рыцарь Ланселотъ, каждый разъ подносившій свой трофей королевы Джиневры, супруги короля Артура. Джиневра не любитъ своего супруга. Рыцарь Ланселотъ провожалъ ее къ королю Артуру (см. поэму «Вступленіе Артура»), когда она была еще невѣстой, и между ними тогда еще началась преступная любовь (см. поэму «Джиневра»), которой, однако, король не замѣчаетъ. Такъ какъ среди придворныхъ уже идутъ слухи о любви королевы и Ланселота, то Джиневра удерживаетъ рыцаря отъ явнаго выхода на турниръ и предлагаетъ ему выступить тайно. Ланселотъ, влюбленный въ королеву, не рѣшается отказать ей и убѣждаетъ на турниръ окольными путями. Заблудившись по дорогѣ, онъ попадаетъ въ замокъ Астолата, гдѣ въ него и влюбляется красавица Элена, хотя Ланселотъ и не открылся, кто онъ такой. Когда рыцарь вмѣстѣ съ братомъ Элены, Лавейномъ, отправляется на турниръ, онъ оставляетъ въ замкѣ Астолата свой щитъ, замѣнивъ его гладкимъ щитомъ старшаго брата Элены, Торре. Элена предъ отъѣздомъ проситъ, чтобы онъ на турнирѣ, по рыцарскому обычаю, надѣлъ ея дѣвичьи цвѣта. Ланселотъ обѣщаетъ и исполняетъ это. На турнирѣ онъ одерживаетъ полную побѣду, но, тяжело раненный, слѣшитъ скрыться, не взявъ алмаза. Его провожаетъ Лавейнъ, братъ Элены. Между тѣмъ, король Артуръ поручаетъ рыцарю Гевейну Учтивому, сыну Беллисанды (см. поэму «Вступленіе Артура»), отыскать побѣдителя и вручить ему награду. Гевейнъ не находитъ Ланселота, зато попадаетъ въ замокъ Астолата. Тамъ по щиту онъ узнаетъ, кто былъ побѣдителемъ на алмазномъ турнирѣ, и отдаетъ алмазъ Эленѣ, цвѣта которой носилъ Ланселотъ. При этомъ Гевейнъ дѣлаетъ прозрачные намеки на преступную любовь Ланселота и королевы Джиневры. Когда Гевейнъ убѣждаетъ Элену отправляться разыскивать Ланселота и, найдя его, своимъ нѣжнымъ уходомъ спасаетъ отъ смерти. Между тѣмъ, Гевейнъ сообщаетъ королю Артуру, что побѣдитель на алмазномъ турнирѣ — Ланселотъ. Король очень недоволенъ тѣмъ, что Гевейнъ отдалъ рыцарскую награду не Ланселоту, а Эленѣ, и сообщаетъ королевы Джиневры, что его славнѣйшій рыцарь сражался на турнирѣ подъ цвѣтами невѣстной дѣвицы. Джиневру мучаетъ ревность, тѣмъ болѣе, что на пирѣхъ рыцари возглашаютъ уже вмѣстѣ съ именемъ Ланселота не ея имя, а имя Элены. Ланселотъ въ замкѣ Астолата поправляется. Элена объясняется ему въ любви, но рыцарь отвергаетъ ее и по просьбѣ отца Элены убѣждаетъ, даже не простившись съ нею. Элена умираетъ отъ тоски, узнавъ о преступной любви Ланселота и королевы Джиневры. Передъ смертью она диктуетъ письмо, въ которомъ говоритъ о своей любви къ Ланселоту и проситъ королеву, всѣхъ дамъ и рыцарей молиться за нее. Затѣмъ она завѣщаетъ, чтобы ея тѣло, убранный въ королевскій погребальный уборъ, было положено на ладью и доставлено ко дворцу короля Артура, причѣмъ ея письмо должно быть вложено ей въ руку. Тѣло Элены появляется передъ дворцомъ какъ разъ въ то время, когда ревнивая Джиневра упрекаетъ Ланселота въ невѣрности и выбрасываетъ все поднесенные ей въ даръ рыцаремъ алмазы. Король Артуръ, рыцари Круглаго Стола и дамы, прочитавъ письмо Элены, плачутъ отъ состраданія къ бѣдной дѣвицѣ, которую Артуръ приказываетъ похоронить съ королевскими почестями. Королева Джиневра проситъ прощенья у Ланселота, тотъ прощаетъ ее, но его нестерпимо мучатъ угрызенія совѣсти.

I.

КРАСА - Элена, нѣжная Элена,
Лилея - дѣва замка Астолата
Въ своей восточной башнѣ наверху
Хранила щитъ священный Ланселота.
Вначалѣ такъ онъ ею былъ поставленъ,
Чтобъ могъ его коснуться первый лучъ
И пробудить ее, блеснувъ съ зарею.

По, ржавчины и пятенъ опасаясь,
Она чехоль изъ шелка смастерила
И вышила на немъ девизы тѣ-же,
Что были на щитѣ, и отъ себя
Прибавила кайму цвѣтовъ и листьевъ,
И желтогрудыхъ птенчиковъ въ гнѣздѣхъ.
И, этимъ не довольствуясь, день каждый,
Оставивъ домоводство и отца,
Наверхъ она всходила, затворялась,
И, снявъ чехоль, разсматривала щитъ,
То силясь угадать герба значенье,
То про себя рассказы сочиняя
По поводу зазубринъ отъ мечей
И сдѣланныхъ копьемъ врага царапинъ.
Когда и гдѣ онъ получилъ ихъ? Свѣжій
Вотъ здѣсь разрѣзъ, тому уже лѣтъ десять,
А этотъ онъ въ Кэрляйлѣ получилъ,
Тотъ — въ Кэрлеонѣ, этотъ въ Камелотѣ.
Какой ударъ! Онъ былъ-бы смертоноснымъ,
Но самъ Господь сломилъ копьѣ врага,
Низвергъ его, и рыцарь былъ спасенъ.
Такъ съ той поры жила она въ мечтаньяхъ.

Но къ дѣвѣ Астолата, не слыхавшей
Объ имени его, щитъ Ланселота
Какъ могъ попасть? Ей Ланселотъ оставилъ
Свой щитъ въ тотъ день, какъ добывать алмазъ
Отправился онъ на турниръ алмазный.
Установилъ Артуръ ихъ и присвоилъ
Имъ потому подобное названье,
Что былъ на нихъ наградою алмазъ.

Артуръ въ тѣ дни, когда никто не зналъ,
Откуда онъ, и раньше, чѣмъ народомъ
Онъ избранъ былъ, блуждая въ Лайонессѣ,
Гдѣ не было дорогъ, открылъ долину:
Рядъ сѣрыхъ скалъ и черное болото.
Тамъ ужасъ обиталъ, и надъ горами
Туманомъ онъ висѣлъ. На смертный бой
Два брата здѣсь — олинъ былъ королемъ —
Сошлись въ быломъ (ихъ имена забылись),
И брата братъ сразилъ однимъ ударомъ,
И оба вмѣстѣ пали, обрекая
Проклятью долъ. И здѣсь они лежали
До той поры, какъ высохшіе кости
Не проросли, какъ и утесы, мхомъ.
На королѣ вѣнецъ былъ: посрединѣ
Алмазъ блисталъ, четыре — по бокамъ.
Войдя въ проходъ, при блѣдномъ лунномъ свѣтѣ,
Артуръ ступилъ на тотъ скелетъ вѣнчанный
Нечаянно ногой, и голова
Отъ шеи отдѣлилась, а корона
Въ сіяніи луны, какъ ручеекъ

Сверкающій, къ болоту покатилаcь.
Сбѣжавъ со скалъ, Артуръ схватилъ корону,
Надѣлъ ее, и въ сердцѣ тихій голосъ
Услышалъ онъ: — «Ты будешь королемъ!»

Ставъ королемъ, велѣлъ онъ вынуть камни
И, показавъ ихъ рыцарямъ, сказалъ:
— «Алмазы, мной найденные чудесно,
Не короля, но царства достоянье,
И потому да будетъ ежегодно
Одинъ изъ нихъ наградой на турнирѣ.
Девятилѣтній опытъ намъ покажетъ
Сильнѣйшаго изъ насъ, мы въ дѣлѣ ратномъ
И въ доблести настолько преуспѣемъ,
Что выгонимъ язычниковъ изъ края,
Гдѣ, говорятъ, имъ править суждено.
Отъ этого спаси Господь!»

Артуръ

Такъ говорилъ, и восемь лѣтъ прошло
И восемь состязаній, и на каждомъ
Овладевалъ алмазомъ Ланселотъ
Съ тѣмъ, чтобы всѣ поднести ихъ королевѣ.
Но, милость королевы заслужить
Готовясь дивнымъ даромъ, что цѣною
Полцарства быть, онъ умолчалъ о томъ.

Насталъ чередъ послѣдняго алмаза,
Онъ средній былъ и большой. Королемъ,
Чей дворъ близъ той рѣки расположился,
Гдѣ зданіе громаднѣйшее въ мірѣ
Находится теперь, былъ въ Камелотѣ
Назначенъ день турнира, и тогда
Сказалъ король болѣющей Джиневрѣ:
— «Ужели такъ больны вы, королева,
Что на турнир не можете прибыть?»
— «Да, государь, — отвѣтила она, —
Вы знаете!» — И онъ сказалъ: — «Такъ, значитъ,
И подвиговъ великихъ Ланселота
Вамъ не видать. Ихъ видѣть вы любили». —
Своей томный взоръ она на Ланселота
Перевела, что рядомъ съ королемъ
Стоялъ предъ ней; взоръ этотъ, говорившій:
— «Останься здѣсь, любовь моя дороже
Алмазовъ всѣхъ!» — былъ понять Ланселотомъ,
И, какъ ему пополнить ни хотѣлось
Алмазовъ цѣпь, онъ — вѣренъ королевы
Малѣйшему желанью — уступилъ,
И отвѣчалъ неправдой: — «Государь,
Старинная не дозволяетъ рана
Держаться мнѣ въ сѣдлѣ!» Поочередно
Взглянувъ на нихъ, прошелъ король, и только
Успѣлъ онъ выйти, молвила она:
— Сэръ Ланселотъ, какъ я васъ порицаю!
Зачѣмъ-бы вамъ не ѣхать на турнирѣ?
Намъ половина рыцарей — враги,
Безстыдная толпа подниметъ ропотъ,
Едва король до вѣрчивый уфдетъ».

На ложь свою напрасную сердясь,
Отвѣтилъ онъ: — «Вы стали мудрой нынѣ;
Столь мудрой, королева, въ ту весну
Вы не были, когда меня любили,
И васъ толпа не больше волновала,
Чѣмъ насѣкомыхъ рой: за каждой травкой —
По голосу, и всѣ они — ничто.
Что рыцарей касается — къ молчанью
Принудить ихъ легко мнѣ, но теперь
Ни у кого не встрѣтитъ осужденья
Здѣсь поклоненье вѣрное мое.
Безъ умысла пѣвцы порою въ пѣсняхъ

Соединяли наши имена:

Сэръ Ланселотъ — цвѣтъ рыцарства, Джиневра —
Жемчужина красы. И имъ съ улыбкой
Внималъ король. Но что-жъ произошло?
Артуръ-ли измѣнился, иль, быть можетъ,
Утомлены моею вѣрной службой,
Вы королю, который безупреченъ,
Намѣрены вѣрнѣй отнынѣ быть?»

И съ устъ ея сорвался гнѣбный смѣхъ:
— «Король Артуръ, супругъ мой безупречный!
Живое совершенство — мой супругъ!
Но кто глядѣть на солнце въ небѣ можетъ?
Онъ никогда не упрекалъ меня,
Онъ никогда во мнѣ не сомнѣвался,
Онъ обо мнѣ не думалъ. Лишь сегодня
Сомнѣнья тѣнь въ глазахъ его мелькнула
(Какой-нибудь презрѣнный нашенталь) —
Иначе Круглый Столъ одинъ бываетъ
Его мечтой, — и клятвъ неисполнимыхъ
Онъ требуетъ, чтобы сдѣлать всѣхъ людей
Подобіемъ своимъ. Но для меня
Достоинъ всѣхъ упрековъ безупречный.
Кого люблю — въ томъ быть должно земное,
Съ закатомъ солнце краше: я твоя
И связана съ Артуромъ лишь обрядомъ.
Такъ слушай-же: отправься на турнирѣ!
И комариный пискъ прервать способенъ
Сладчайшій сонъ, шипѣнье гадовъ — громко.
Мы презираемъ ихъ, но жалить гадъ».

И Ланселотъ, цвѣтъ рыцарей, отвѣтилъ:
— «Съ какимъ лицомъ, о, королева, послѣ
Отказа моего я въ Камелотѣ
Предъ королемъ явлюсь, который чтитъ
Свои слова, какъ слово Божье?» — «Да, —
Отвѣтила Джиневра, — онъ — ребенокъ,
И мощи нѣтъ духовной у него,
Чтобы царствовать, не то-бы онъ не утратилъ
Моей любви. Но выслушай меня,
Придумала я выходъ. Ходятъ толки:
Всѣ падаютъ передъ копьемъ твоимъ
Лишь потому, что видятъ Ланселота.
Ты именемъ великимъ побѣждаешь,
Такъ скрой его. Невѣдомымъ явись
И побѣди. Мой поцѣлуй — залогомъ,
А нашъ король, какъ все во имя славы —
О, рыцарь мой — прости тебѣ обманъ.
Поистинѣ, какъ онъ ни добръ — ты знаешь:
Сильнѣй его никто не жаждетъ славы —
Она въ другихъ ему еще милѣй.
Потѣшь его и возвратись съ побѣдой».

II.

Собою недовольный, Ланселотъ
Сѣлъ на коня. Онъ, избѣгая встрѣчъ,
Свернулъ съ большой дороги на тропинку
Зеленую, гдѣ рѣже слѣдъ виднѣлся,
И тамъ въ глуши, затерянный въ мечтахъ,
Онъ потерялъ дорогу. Наконецъ,
Онъ путь едва протоптанный увидѣлъ,
Черезъ долину къ замку Астолатъ
Тянувшійся, какъ звенья; на востокѣ
Въ сіяніи съ холма виднѣлись башни.
Онъ поспѣшилъ туда и затрубилъ
Въ рогъ у воротъ. Навстрѣчу вышелъ старецъ
Въ безчисленныхъ морщинахъ и нѣмой.
Онъ рыцаря пустилъ, оружье принялъ,
И Ланселотъ дивился старику.
А во дворѣ къ нему навстрѣчу шедшихъ

Увидѣлъ онъ владѣльца Астолата
И двухъ его могучихъ сыновей —
Сэръ Торре съ сэръ Лавейномъ. Позади
Элена шла, лилея Астолата
(Хозяйки въ домѣ не было). Они
Шутили межъ собой, но замеръ смѣхъ,
Когда великій рыцарь подошелъ.
И молвилъ такъ владѣлецъ Астолата:
— «Откуда ты, мой гость? И подь какимъ
Ты именемъ живешь въ устахъ народныхъ?
Когда судить по виду и осянцѣ —
Вслѣдъ королю изъ рыцарей ты — первый,
Пирующихъ въ артуровыхъ палатахъ.
Его я видѣлъ. Рыцарей Стола,
Повсюду столь извѣстныхъ, я не знаю».

И отвѣчалъ изъ рыцарей первѣйшій:
— «Извѣстенъ я. Я изъ дворца Артура,
Извѣстенъ щитъ мой, взятый мной случайно,
Но въ Камелотъ явлюсь, какъ неизвѣстный,
Я на турниръ и потому прошу,
Не спрашивайте, кто я (вы позднѣе
Узнаете), и одолжите нынѣ
Мнѣ гладкій щитъ иль щитъ съ другимъ девизомъ».

И отвѣчалъ баронъ: — «Сэръ Торре щитъ
Вы можете имѣть. Въ турниръ первомъ
Сынъ раненъ былъ, и — волей Божьей — глад-
кимъ
Остался щитъ его». И въ простотѣ
Сказалъ сэръ Торре: — «Такъ какъ не нуждаюсь
Я самъ въ щитѣ — его берите вы!»
— «Стыдись, — сказалъ отецъ со смѣхомъ, —
неучъ!»

Отвѣтъ такой-ли рыцарю даютъ?
Простите, лордъ! А вотъ Лавейнъ, мой младшій,
Настолько храбръ, что ѣдетъ за алмазомъ
И, въ часъ одинъ добывъ его, украситъ
Имъ золото кудрей вотъ этой дѣвы,
Ее въ три раза самовольнѣе сдѣлавъ».

— «При рыцарѣ достойномъ понапрасну,
Отецъ мой добрый, не стыди меня, —
Лавейнъ сказалъ, — поддразнивалъ я Торре,
Сердился онъ, что ѣхать онъ не можетъ.
Сестра во снѣ видала нынче, рыцарь,
Что кто-то въ руку ей вложилъ алмазь,
Но слишкомъ былъ онъ скользкимъ: изъ руки
Онъ выскользнулъ и въ прудъ упалъ иль въ рѣку,
Вѣрнѣй — въ колодезь нашъ. И я сказалъ,
Что, если-бъ я поѣхалъ и добылъ
Въ бою алмазь (шутили мы, конечно!) —
Держать его совѣтую ей крѣпче.
Но разрѣши, отецъ, когда согласишь
На это рыцарь благородный, съ нимъ
Мнѣ въ Камелотъ поѣхать. Я побѣды
Не одержу, но стану добиваться.
Какъ я ни юнъ — всѣ силы приложу».

И Ланселотъ съ улыбкою отвѣтилъ:
— «Коль скоро вамъ почтить меня угодно
Сообществомъ своимъ въ пустынныхъ дебряхъ,
Гдѣ сбился я съ дороги — буду радъ
Проводнику и другу. Если въ силахъ —
То вы алмазь добудете (какъ слышно,
Великъ онъ и красивъ), и, если это
Угодно вамъ, сестрѣ его дадите».

— «Такой алмазь красивый, — молвилъ Торре, —
Для королевъ, не для простыхъ дѣвицъ!»

Тутъ вспыхнула Элена, имя чье
Изъ устъ въ уста переходило, слышна
При рыцарѣ чужомъ неодобренье, —
Взоръ опустивъ, она вблизи стояла.
Но, поглядѣвъ на дѣвушку, съ придворной
Учтивостью, но искренно, онъ молвилъ:
— «Прекрасное прекрасному пристало,
И, будь оно лишь королевъ удѣлъ —
Неправильно судилъ-бы я, считая,
Что эта дѣва юная достойна
Носить алмазь цѣннѣйшій въ мѣрѣ цѣломъ,
Правъ красоты не нарушая тѣмъ».

Онъ смолкъ; она, еще его не видя,
Но голосомъ глубокимъ плѣнена,
Взоръ подняла, въ чертахъ его читая.
Великая преступная любовь,
Которую питалъ онъ къ королевѣ
Въ борьбѣ съ его любовью къ королю —
Безвременно ихъ сильно изменила.
Другой, грѣша на высотѣ подобной
Съ ней — запада всего цвѣткомъ прекраснымъ —
Не потерялъ-бы ясности, но въ немъ
Весь духъ его порою возмущался
И гналъ его въ пустынные мѣста:
Въ агоніи душа живая билась.
Но, несмотря на это, онъ казался
Красивѣйшимъ изъ тѣхъ, что пировали
Когда-либо въ кругу придворныхъ дамъ.
Всѣхъ въ мѣрѣ онъ казался благороднѣй,
Когда она взглянула на него,
Хотя ея онъ вдвое старше былъ,
Съ усталыми чертами, загорѣлымъ,
И на щекѣ имѣлъ рубецъ отъ раны.
Но, взоръ поднявъ, любовью полюбила
Его она, принесшей ей погибель».

И славный рыцарь, баловень двора,
Избранникъ женъ прекраснѣйшихъ, любезно
Вступилъ подь кровъ смиренный: не съ наружной
Учтивостью, гдѣ есть полупрезрѣнье,
Но съ истинной учтивостью, какъ равный,
Котораго виномъ, дичиной лучшей,
Бесѣдою и пѣньемъ угощаютъ.
На многіе вопросы о дворѣ,
О рыцаряхъ Стола вполне охотно
Онъ отвѣчалъ. Когда-же королевы
Коснулась рѣчь, — спросилъ насчетъ нѣмого.
И сообщилъ баронъ: — «Тому лѣтъ десять
Язычники отрѣзали языкъ
У старика за то, что онъ провѣдалъ
Ихъ умыселъ на замокъ мой напасть.
Захваченный, онъ изувѣченъ былъ;
Я, сыновья, малютка-дочь бѣжали
Отъ рабства или смерти, и въ лѣсахъ
Мы у рѣки спаслись въ рыбацкой хатѣ.
Да, плохо намъ жилось, пока безбожныхъ
Артуръ въ бою Бадонскомъ не разбилъ».

— «Тамъ, славный лордъ, вы, безъ сомнѣнья,
бились? —
Вскричалъ Лавейнъ, что съ юношескимъ пыломъ
Благоговѣлъ передъ величьемъ старшихъ. —
Повѣдайте-же намъ, въ глуши живущимъ,
О войнахъ короля!»

И Ланселотъ
Все рассказалъ подробно. Близъ Артура
День цѣлый тамъ онъ бился, гдѣ беретъ
Изъ бѣлыхъ устьевъ бурный Глемъ начало,
И въ четырехъ отчаянныхъ бояхъ

У береговъ Дугласа и при Басфѣ;
 Въ сраженіи, гремящемъ, словно громъ,
 Среди лѣсовъ тѣнистыхъ Келидона,
 Еще въ бою близъ замка Гурниона,
 Когда король прославленный носилъ
 Поверхъ брони Пречистой Дѣвы Ликъ,
 Что вырѣзанъ на цѣльномъ изумрудѣ
 И окруженъ лучами золотыми,
 Сверкалъ при каждомъ вздохѣ короля.
 Онъ поддержалъ Артура въ Карлеонѣ,
 Гдѣ Благо коня могучій натискъ
 Поколебалъ всѣхъ рыцарей блестящихъ.
 Въ Аньедѣ Катрегонанъ также,
 Среди пустынь песчаныхъ Тратъ-Треройта,
 Гдѣ множество язычниковъ легло.
 — «Я при Бадонѣ видѣлъ, какъ король
 Самъ, во главѣ всѣхъ рыцарей Стола
 И воиновъ, «Богъ и король!» кричавшихъ,
 Ударилъ на врага и смялъ его.
 Затѣмъ его на грудѣ мертвыхъ тѣлъ
 Увидѣлъ я стоящимъ. Слово солище
 Въ восхода часть, отъ шпоръ и до пера,
 Онъ весь алѣлъ въ языческой крови.
 И голосомъ могучимъ онъ воскликнулъ,
 Когда меня увидѣлъ онъ: — «Разбиты!»
 Какъ нашъ король ни крогокъ у себя,
 Гдѣ славы онъ не ищетъ на турнирахъ,
 И, выбитъ изъ сѣдла, смѣется только
 И говоритъ, что рыцари его
 Сильнѣй, чѣмъ онъ, — съ безбожными воюя,
 Онъ, какъ огонь Господень, пламенѣетъ,
 И въ мірѣ нѣтъ славнѣйшаго вождя!»

При тѣхъ словахъ подумала Елена:
 «За исключеньемъ васъ, прекрасный лордъ!»

Тутъ онъ повелъ въ шутивомъ духѣ рѣчь, —
 Веселость въ немъ съ величьемъ сочеталась,
 Но видѣла она: едва улыбка
 Скрывалась съ устъ, какъ облакомъ печали
 Суровой омрачался онъ, и если
 Услуживать старавшейся ему
 Лилеѣ Астолата удавалось
 Ее разсѣять — нѣжность проявлялъ онъ
 Внезапную всѣмъ существомъ своимъ
 И обращеньемъ, и казалась ей,
 Что свойственна ему такая нѣжность
 И вызвана она, быть можетъ, ею.
 Всю ночь предъ ней стоялъ онъ, какъ живой.
 Такъ, видя ликъ, подъ нимъ духовный образъ
 Божественно художникъ прозрѣваетъ,
 И съ живостью такой лицо онъ пишетъ,
 Чьи линии и краски жизнь и духъ
 Собою воплощаютъ, что въ грядущемъ
 Оно и для потомковъ будетъ жить
 Полнѣйшею и совершенною жизнью.
 Такъ оживалъ предъ нею чудно строгій
 И благородный ликъ, краснорѣчивый
 Въ молчаніи, — и не давалъ заснуть.

Съ зарей себя увѣривъ, что съ Лавейномъ
 Проститься надо, поднялась она,
 Сперва колеблясь, шагъ за шагомъ, въ страхѣ
 По лѣстницѣ она спускалась съ башни,
 Но Ланселотъ воскликнулъ со двора:
 — «Мой другъ, а гдѣ-же щитъ?» — Тогда Лавейнъ
 Вернулся въ домъ, она-же внизъ спустилась,
 Гдѣ, напѣвая тихо, Ланселотъ
 Могучаго коня трепалъ по шеѣ.
 Завидуя на половину ласкѣ,

Приблизилась она, и удивился
 Онъ болѣе, чѣмъ если-бъ на него
 Семь человѣкъ нападо, увидавъ
 Стоящую въ лучахъ зари Элену.
 Не думалъ онъ, что такъ она прекрасна,
 И охватилъ его священный ужасъ:
 Она, хоть онъ привѣтствовалъ ее,
 Стояла молча, не сводя очей
 Съ лица его, какъ съ лица божества.
 Въ ней вспыхнуло безумное желанье,
 Чтобъ онъ надѣлъ ея цвѣта въ бою.
 Вошненье побѣдивъ, она сказала:
 — «Прекрасный лордъ, какъ васъ зовутъ — не
 знаю,

Но думаю — нѣтъ имени славнѣй,
 Мои цвѣта надѣньте на турниръ!»
 — «Прекрасная дѣвица, — онъ отвѣтилъ, —
 Я не ношу ничьихъ цвѣтовъ; кто знаетъ
 Меня давно, тотъ знаетъ мой обычай».
 — «Да, сла ный лордъ, — ея отвѣтомъ было, —
 Но если вы надѣнете мои —
 Тѣмъ менѣе возможности, чтобъ васъ
 Узнали тѣ, кто знаетъ васъ». Въ умѣ
 Совѣтъ ея онъ взвѣсилъ и отвѣтилъ:
 — «Дитя мое, вы правы, я согласенъ.
 Какіе-же они?» — Она сказала:
 — «Пурпуровый рукавъ съ шитьемъ жемчуж-
 нымъ!» —

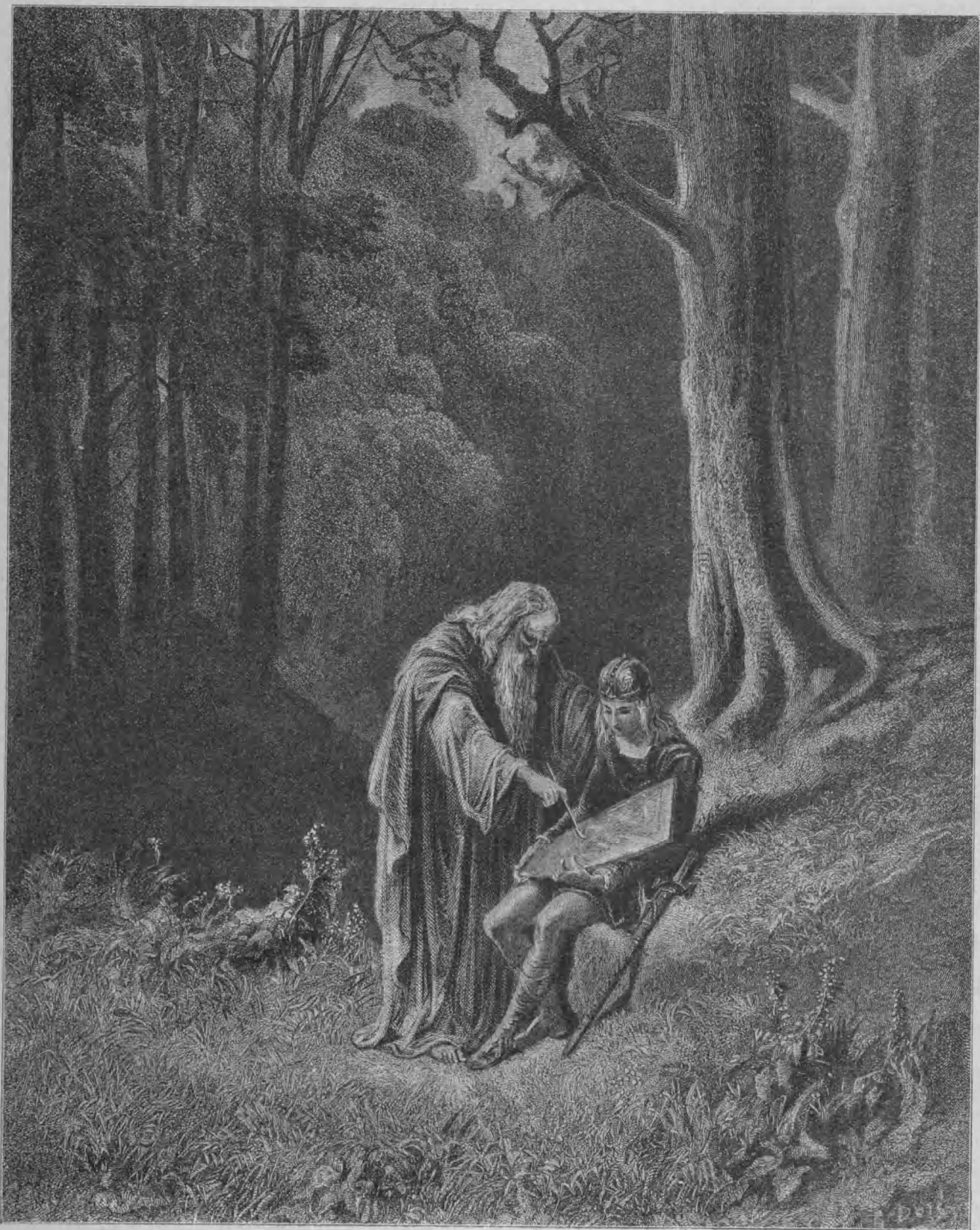
И принесла его. Ея залогъ
 Онъ привязалъ на племѣ, сказавъ съ улыбкой:
 — «Ни для одной дѣвицы въ мірѣ цѣломъ
 Я этого не дѣлалъ». Отъ восторга
 Вся вспыхнула она, но тутъ-же стала
 Еще блѣднѣй, когда Лавейнъ вернулся,
 И брата щитъ, девиза не имѣвший,
 Онъ рыцарю принесъ, а Ланселотъ
 Свой щитъ вручилъ красавицѣ Эленѣ:
 — «Дитя мое, мнѣ окажите милость
 Сбереечь его, покуда я вернусь».
 — «Двѣ милости вы оказали мнѣ, —
 Отвѣтила она, — и вамъ служить
 Готова я». — «Лилея Астолата, —
 Сказалъ Лавейнъ со смѣхомъ, — для того,
 Чтобъ не прослыть воистину лилеей,
 Верни себѣ румянецъ. Разъ! Два! Три!
 Теперь ложись!» — Ее поцѣловалъ онъ,
 И поцѣлуй рукою ей послалъ
 Сэръ Ланселотъ.

Такъ тронулись они.

И, сдѣлавъ шагъ, она остановилась
 Въ воротахъ. Пряди свѣтлыя волосъ
 Вились вокругъ печальнаго лица,
 Алѣвшаго отъ поцѣлуевъ брата.
 Придерживая щитъ, она слѣдила
 Какъ вдалекѣ сверкало ихъ оружье,
 Пока они не скрылись за оврагомъ.
 Затѣмъ, взявъ щитъ, она вернулась въ башню.
 Такъ съ той поры жила она въ мечтахъ.

III.

А новые товарищи, межъ тѣмъ,
 Проѣхали долиною безплодной
 Туда, гдѣ жила знакомый Ланселоту
 Изъ Камелота рыцарь. Сорокъ лѣтъ
 Отшельникомъ онъ жилъ и, неустанно
 Молясь, трудясь, онъ вырубилъ въ скалѣ
 Съ колоннами часовню и жилище,
 Подобныя береговымъ пещерамъ.
 И въ чистыя, сухія эти кельи
 Зеленый свѣтъ съ лужаекъ проникалъ

— «Искалъ я разъ волшебнаго растенья
И юношу увидѣлъ, одиноко
Сидѣвшаго. Изъ дерева себѣ
Щитъ вырѣзавъ, онъ выдуманный гербъ

Расписывалъ
.
Нагнулся я, взялъ кисть его и молча
Я вымаралъ орла.....

Подъ бѣлый сводъ; дрожащія осины
И тополи шумѣли, словно воды.
Тамъ въ эту ночь пріютъ они нашли.

Когда-жъ въ пещерѣ вспыхнулъ новый день
Сіянемъ алмъ и тѣней игрою,
Уѣхали они, отслушавъ мессу.
И Ланселотъ, сказавъ: — «Довѣрюсь вамъ,
Но тайну скройте. Озера я рыцарь,
Сэръ Ланселотъ», — такъ поразилъ Лавейна,
Что тотъ, въ своемъ благоговѣннѣ пылкомъ,
Которое похвалъ дороже личныхъ
Для юности, лишь могъ пробормотать:
— «Возможно-ли? Великій Ланселотъ! —
И молвилъ, духъ переводя: — покуда
Лишь одного я видѣлъ: короля
Изъ королей, Великаго Дракона 1)
Британіи, о комъ идетъ въ народѣ
Чудесный слухъ. Онъ будетъ тамъ, и, будь
Я пораженъ мгновенно слѣпотою,
Я все-таки смогу сказать: я видѣлъ».

Такъ молвилъ онъ. Когда-же Камелота
Съ ареной на лугахъ они достигли,
Вдоль галлерей, шедшей полукругомъ
И радуго въ травѣ напоминавшей,
Онъ пробѣжалъ глазами и увидѣлъ
Тамъ короля, который ликомъ свѣтелъ
И въ аксамитѣ аломъ возсѣдалъ.
Былъ золотой драконъ въ его коронѣ,
На платьѣ — шитый золотомъ драконъ,
А изъ рѣзбы на спинкѣ выползали
Позолоченныхъ два дракона, ручки
Образовавъ у кресла; остальные,
Въ узлы и петли безъ конца свиваясь,
Вплелись въ рѣзбу, теряясь, наконецъ,
Среди другихъ рисунковъ незамѣтно —
Столь нѣжною казалася рѣзба.
А короля безвѣстнаго алмазъ
Блесталъ вверху надъ пышнымъ балдахиномъ.
И Ланселотъ Лавейну отвѣчалъ:
— «Меня зовутъ великимъ. Крѣпче я
Держусь въ сѣдлѣ, копьемъ вѣрнѣ цѣлюсь,
Но юношей на возрастъ не мало,
Которые того, что я, достигнуть
И превзойдутъ меня. И нѣтъ во мнѣ
Величія, иль развѣ — тѣнь величья
Въ сознаніи томъ, что нѣтъ его во мнѣ.
Вотъ кто великъ».

Дивясь ему, какъ чуду,
Глядѣлъ Лавейнъ, но грянулъ трубный звукъ,
И съ двухъ сторонъ — тѣ, что оборонялись,
И тѣ, что нападали, дали шпоры
И, ринувшись съ копьемъ наперевѣсъ,
Такъ яростно столкнулись посрединѣ,
Что издали замѣтить можно было,
Кто изъ бойцовъ изъ строя долженъ выбыть.
И землю громъ оружья потрясалъ.
А Ланселотъ, увидѣвъ, кто слабѣе,

1) Для объясненія слова Пендрагонъ (Pendragon), переведеннаго здѣсь «Великій Драконъ», можно, согласно Брюэру (Brewer), сказать слѣдующее:

Во время особенно сильной опасности бриттскіе короли имѣли обыкновеніе принимать титулъ Пендрагонъ; такъ, напр., поступили Утеръ (см. первую поэму) и Артуръ, когда боролись противъ нашествія саксовъ, а также раньше ихъ Кассивеланъ, когда онъ выступилъ противъ Цезаря. Слово «pen» означаетъ глава, а «dragon» — предводитель, господинъ. «Pendragon», слѣдовательно, значитъ «главный надъ королями, верховный предводитель».

Что касается оригинальной легенды, соединенной съ этимъ словомъ, то Готфридъ Монмутъ, собравшій преданія

Примкнулъ туда и на сильнѣйшихъ грянулъ.
Что говорить о славѣ Ланселота?
Онъ короля, барона, графа, лорда,
И герцога — всѣхъ выбилъ изъ сѣдла.

По къ Круглому Столу для обороны
Примкнули всѣ родные Ланселота —
Могучій родъ и раздраженный тѣмъ,
Что съ Ланселотомъ рыцарь неизвѣстный
Сравниться могъ (почти что превзойти!)
И молвили они другъ другу: — «Видишь?
Кто онъ такой? Не говоря о силѣ,
Но эта гибкость, грація... Вѣдь, онъ —
Нашъ Ланселотъ!» — «Когда-жъ онъ на турнирѣ
Носилъ цвѣта кого-либо изъ дамъ?
Кто знаетъ Ланселота — это знаетъ.
Но какъ-же? Кто?» Ихъ охватила ярость.
Оскорблены за имя Ланселота,
Для своего пылая жаждой славы,
Во весь опоръ, съ копьемъ наперевѣсъ
И съ перьями, колеблемыми вѣтромъ
Отъ быстрого движенія — всей толпой
Ударили они на Ланселота.
Какъ сѣвернаго моря бурный валъ,
Что, зеленою сверкая, всею силой
Своихъ гребней, вздымающихся къ небу,
Ударивъ въ лодку, лодку затопляетъ
И кормчаго — ударили они
На Ланселота и его коня.
Конь рыцаря копьемъ былъ раненъ въ ногу,
Другое въ бокъ вонзилось Ланселоту,
И остріе, сломившись, тамъ осталось.

Тутъ сэръ Лавейнъ явилъ большую доблесть,
Онъ рыцаря прославленнаго сшибъ,
Коня его подвелъ онъ Ланселоту,
И тотъ, хотя отъ боли выступалъ
Потъ на челѣ, взобрался на сѣдло,
Держаться онъ рѣшилъ, пока лишь сможетъ.
И съ помощью другихъ — оно чудеснымъ
Казалось всѣмъ, кто бился вмѣстѣ съ нимъ —
Отбросилъ онъ оборонявшихся поле:
Свою родню и Круглый Столъ къ оградѣ.
И, протрубивъ, герольды объявили,
Что рыцарь побѣдилъ, на шлемѣ чьемъ
Пурпуровый рукавъ съ шитьемъ жемчужнымъ.
Тогда воскликнулъ весь его отрядъ:
— «Приблизьтесь взять алмазъ — награду вашу!»
Но онъ сказалъ: — «Не надо мнѣ алмазовъ!
Лишь ради Бога — воздуха! Наградой
Мнѣ будетъ смерть, навстрѣчу ей иду,
И слѣдовать за мною запрещаю».

Отвѣтивъ такъ, онъ вмигъ покинулъ поле,
И съ сэръ Лавейномъ къ тополевой рощѣ
Направился, гдѣ соскользнувъ съ коня,
Проговорилъ: — «Копья осколокъ выньте!»
— «Мой дорогой лордъ Ланселотъ, — сказалъ
Ему Лавейнъ, — боюсь, что, если выну,

о королѣ Артурѣ и рыцаряхъ Круглаго Стола, въ своей риемованной хроникѣ рассказываетъ слѣдующее: «Когда Аврелий, король бриттовъ (см. прим. 4 къ поэмѣ «Вступленіе Артура»), былъ отравленъ, въ Винчестерѣ появилась звѣзда необычайной величины и яркости; она бросала лучъ свѣта, на конѣ котораго видѣлся огненный кругъ, имѣвшій видъ двуязычнаго дракона. Одинъ языкъ указывалъ на Францію, другой на Ирландію. Король Утеръ приказалъ сдѣлать два золотыхъ изображенія этого дракона. Одно онъ подарилъ Винчестерскому епископству; другое укрѣпилъ на своемъ королевскомъ штандартѣ; отсюда происходитъ его прозваніе Пендрагонъ, т. е., «Великій Драконъ».

Умрете вы!» — «Я умираю съ нимъ!
Тяните сталь!» И потянул Лавейнъ,
И застоналъ, и страшно вскрикнулъ рыцарь,
Лишась едва-ль не половины крови.
Отъ боли онъ сознание потерялъ,
Его тогда отшельникъ внесъ въ пещеру
И сдѣлалъ перевязку. Тамъ, въ пещерѣ,
Среди сомнѣній ежедневныхъ въ томъ,
Останется-ль онъ живъ, не мало дней
Онъ пролежалъ. Шумъ тополей, похожий
На рокоть водъ, трепещущихъ осинъ,
Его отъ шума свѣта ограждалъ.

IV.

Когда оставилъ поле Ланселотъ,
То рыцари отъ западныхъ окраинъ
И сѣверныхъ, земель обширныхъ лорды
И короли пустынныхъ острововъ —
Отрядъ его — Артура окружили.
— «О, государь, тотъ рыцарь, что доставилъ
Побѣду намъ, уѣхалъ тяжко раненъ;
Награды онъ не взялъ, сказавъ, что смерть —
Ему награда!» — «Упаси Господь, —
Сказалъ король, — чтобъ столь великій рыцарь —
Онъ мнѣ вторымъ казался Ланселотомъ,
Разъ двадцать счелъ его я Ланселотомъ —
Остался безъ ухода. На коня,
Племянникъ мой Гевейнъ, сищи его!
Израненъ, слабъ — неподалеку рыцарь.
Прошу тебя сѣсть на коня не медля.
Никто — король и рыцарь — не найдетъ,
Что присудилъ награду я поспѣшно:
Онъ изумилъ насъ доблестью. И мы
Ему почетъ окажемъ необычный,
Онъ за наградой не явился къ намъ,
Ее пошлемъ мы сами. Потому
Возьми алмазъ, вручи его и съ вѣстью
Вернись о томъ, что съ рыцаремъ, кто онъ?
Не отдыхай, пока его не сыщешь!»

Такъ говоря, онъ изъ цвѣтка рѣзного,
Котораго тотъ сердцевиной былъ,
Досталъ алмазъ. И принцъ, сидѣвшій вправо
Отъ короля, не медля поднялся
Съ улыбкой на лицѣ и съ гнѣвомъ въ сердцѣ,
То былъ Гевейнъ — Учтивый по прозванью,
Въ расцвѣтѣ лѣтъ, красивъ собой и мощенъ,
И послѣ Ланселота и Тристрама,
Геронта съ Ламарантомъ — добрый рыцарь.
Но Модреду онъ братомъ былъ, изъ дома
Коварнаго, порой — невѣренъ въ словѣ,
А нынѣ былъ приказомъ короля
Онъ раздраженъ, принудившимъ его
На поиски отправиться и пирь
Въ кругу вельможъ и королевъ покинуть.

Разсерженный, онъ сѣлъ и ускакалъ.
Король на пирь вернулся, размышляя:
«Ужель, на рану не смотря, это
Былъ Ланселотъ, что славы добивался,
И, новья прибавивъ къ старымъ ранамъ,
Онъ умирать поѣхалъ?» Растроважень,
Король прождалъ два дня, затѣмъ вернулся;
Цѣлуя королеву, онъ спросилъ:
— «Вы все еще больны?» — «Нѣтъ, государь!»
— «Гдѣ-жъ Ланселотъ?» Джиневра изумилась:
— «Но развѣ онъ не съ вами, и побѣды
Не одержалъ?» — «Не онъ, но схожий съ нимъ».
— «Но схожий съ нимъ — и былъ самъ Лансе-
лотъ».

И на вопросъ его она сказала:
— «Едва лишь, государь, вы удалились,
Мнѣ Ланселотъ о слухахъ сообщилъ:
Что будто-бы всѣ падаютъ предъ нимъ
Лишь потому, что видятъ Ланселота.
Онъ именемъ великимъ побѣждаетъ.
И вотъ отъ всѣхъ, отъ государя даже
Онъ хочетъ имя скрыть и потому
Привелъ предлогъ — раскрывшую рану,
Съ тѣмъ, чтобъ, являсь безвѣстнымъ, убѣдиться:
Изъяна нѣтъ-ли въ доблести его?
Добавилъ онъ: «Великій нашъ Артуръ
Мнѣ извинить обманъ — во имя славы».
Король сказалъ: — «Достойнѣй поступилъ-бы
Нашъ Ланселотъ, когда-бъ не сталъ играть
Онъ съ истиной и мнѣ, какъ вамъ, открылся.
Его король и лучший другъ, навѣрно,
Не выдалъ-бы его. Хотя я знаю:
У рыцарей моихъ причуды есть, —
Подобный страхъ въ великомъ Ланселотѣ
Заставилъ-бы меня ему смѣяться,
Но смѣхъ теперь не къ мѣсту. Королева,
Плохая вѣсть для тѣхъ, кѣмъ онъ любимъ:
Его родня, его не узнавая,
Напала на него, и, раненъ тяжко,
Оставилъ онъ турниръ. Но есть зато
Вѣсть добрая: и твердо я надѣюсь,
Что сердцемъ онъ не будетъ одинокъ.
Привычкѣ вопреки — надѣлъ на шлемъ онъ
Пурпуровый рукавъ съ шитьемъ жемчужнымъ —
Двѣичий даръ». — «И я надѣюсь съ вами!» —
Отвѣтила она и, задыхаясь,
Поспѣшно отвернувшись, чтобы скрыть
Лицо свое, прошла къ себѣ въ покои
И, кинувшись на ложе короля,
Металась, билась, такъ сжимая руки,
Что ногти ей въ ладонь руки впивались
Глухой стѣнѣ бросала крикъ: «Измѣнникъ!»
И плакала безумными слезами...
И, снова вставъ, среди своихъ палатъ
Надменная и блѣдная ходила.

Межъ тѣмъ, Гевейнъ, посольствомъ раздраженъ,
Съ алмазомъ всѣ окрестности объѣхавъ,
За исключеньемъ тополевоу роши,
Прибылъ затѣмъ, но поздно въ Астолать.
И, увидавъ его въ блестящихъ латахъ,
Элена вскрикнула: — «Изъ Камелота
Извѣстия какія, лордъ? Что слышно
О рыцарѣ съ пурпурнымъ рукавомъ?»
— «Онъ побѣдилъ!» — «Я знала это!» — былъ
Ея отвѣтъ. — «Но, раненъ въ бокъ, съ турнира
Уѣхалъ онъ». Ей захватило духъ,
И, ощутивъ въ груди своей желѣзо,
Она съ трудомъ сознание сохранила.

Пока, дивясь, онъ на нее глядѣлъ,
Пришелъ баронъ, и принцъ ему повѣдалъ,
Кто онъ и съ чѣмъ явился, какъ повсюду
Объѣхалъ онъ, но рыцарь-побѣдитель
Имъ не найденъ, и онъ усталъ искать.
И отвѣчалъ баронъ: — «Побудьте съ нами,
Не ѣздите напрасно, славный принцъ.
Здѣсь рыцарь былъ, и щитъ свой онъ оставилъ,
За нимъ придетъ или самъ пріѣдетъ онъ,
И съ рыцаремъ — нашъ сынъ. Получимъ вѣсти
Мы въ скорости».

Учтивый принцъ на это,
Съ обычною учтивостью своею —
Коварною отчасти — согласился.

Остался онъ, Элсию любуюсь.
Гдѣ есть лицо прекраснѣй? Вся фигура,
Отъ головы до ножекъ — совершенство!
Какъ сложена — отъ ногъ до головы!
«Лишь захочу — сорву цвѣточекъ дикій».
Подъ тисами въ саду встрѣчаясь съ нею,
Остротами ее плѣнять отъ началъ,
Сверкавшими, какъ молнія съ высотъ,
Придворною любезностью, улыбочкой
Небрежною и вздохами, и пѣсней,
Влюбленными и льстивыми рѣчами,
Пока она не возмутилась, молвивъ:
— «О, славный принцъ, племянникъ короля
Великаго, но какъ-же не спросили
Вы о щитѣ, дабы узнать: кто рыцарь?
Вы королю обиду нанесли,
Слѣдъ потерявъ, имъ данный, оказались
Вы не вѣрнѣй, чѣмъ соколъ нашъ вчера,
Что паплю упустилъ и въ небѣ скрылся».
— «Нѣтъ, головой клянуся, — онъ сказалъ, —
Теряется, какъ жаворонокъ въ небѣ,
Онъ для меня — въ лазури вашихъ глазъ, —
Но если вамъ угодно — щитъ посмотримъ».

Когда-же на щитѣ Гевейнъ увидѣлъ
Лазурныхъ львовъ сэръ Ланселота въ полѣ,
Съ вѣнками золотыми, онъ воскликнулъ
Насмѣшливо: — «Нашъ вѣрный Ланселотъ!
Король былъ правъ!» — «И я была права! —
Отвѣтила она, — предполагая,
Что рыцарь мой — изъ рыцарей славнѣйшей».
Гевейнъ сказалъ: — «А если-бъ думалъ я,
Что дорогъ вамъ изъ рыцарей славнѣйшей, —
Простите мнѣ, но это вамъ извѣстно.
Итакъ, скажите: мнѣ надежды нѣтъ?»
Она сказала просто: — «Что я знаю?
Однихъ лишь братьевъ вижу я и часто,
Когда они рѣчь о любви вели,
Желала я, чтобъ это мать была.
Казалось мнѣ: о томъ они толкуютъ,
Чего не знаютъ, и сама не знаю,
Понятно-ль мнѣ, что значить полюбить?
Но, если зная, не его люблю я,
То никого не полюблю другого».

— «Клянусь Творцомъ, вы любите его! —
Воскликнулъ принцъ, — но вы-бы разлюбили,
Узнай вы то, что знаютъ всѣ, а также —
Предметъ его любви». — «Пусть будетъ такъ! —
Воскликнула Елена и, поднявъ
Чело свое, хотѣла удалиться,
Но онъ сказалъ, догнавъ ее: — «Останьтесь!
Одинъ лишь мигъ! Онъ вашъ залогъ носилъ,
Ужели той онъ измѣнилъ, кого
Назвать я не дерзаю? Неужели
Мѣняется, какъ листъ, нашъ вѣрный рыцарь?
Но если такъ — отъ мысли я далекъ
Великому перечить Ланселоту
Въ любви его. А такъ какъ вамъ извѣстно,
Гдѣ рыцарь вашъ скрывается, вручаю
Я вамъ алмазъ и полномочье, лэди.
Когда любимъ Эленой Ланселотъ —
Отрадно ей вручить ему награду,
А если имъ она любима также —
Изъ рукъ ея отрадно получить
Ему алмазъ. Но есть любовь, иль нѣтъ —
Алмазъ всегда останется алмазомъ.
Простите-же, и — тысячу привѣтовъ.
Коль скоро любить онъ и не измѣнить,
Увидимся мы съ вами при дворѣ,

И тамъ, когда съ обычаемъ придворнымъ
Вы свыкнетесь, другъ друга мы узнаемъ».

Вручивъ алмазъ, тутъ легкимъ поцѣлуемъ
Коснулся онъ руки, его принявшей,
И, утомясь отъ поисковъ, вскочилъ
Онъ на коня и, пѣсно напѣвая
Любовную, безпечно усакалъ.
Вернувшись къ королю, привезъ онъ вѣсти
Знакомыя: — «Тотъ рыцарь — Ланселотъ,
Вотъ, государь, что я узналъ. Найти-же
Не могъ его, окрестность всю объѣхавъ,
Но встрѣтилъ я дѣвицу, чей залогъ
Носилъ онъ. Ею онъ любимъ, и ей,
Въ виду того, что нашъ законъ — учтивость,
Алмазъ я далъ; она его вручить,
Ей рыцаря приотъ, клянусь, извѣстенъ».

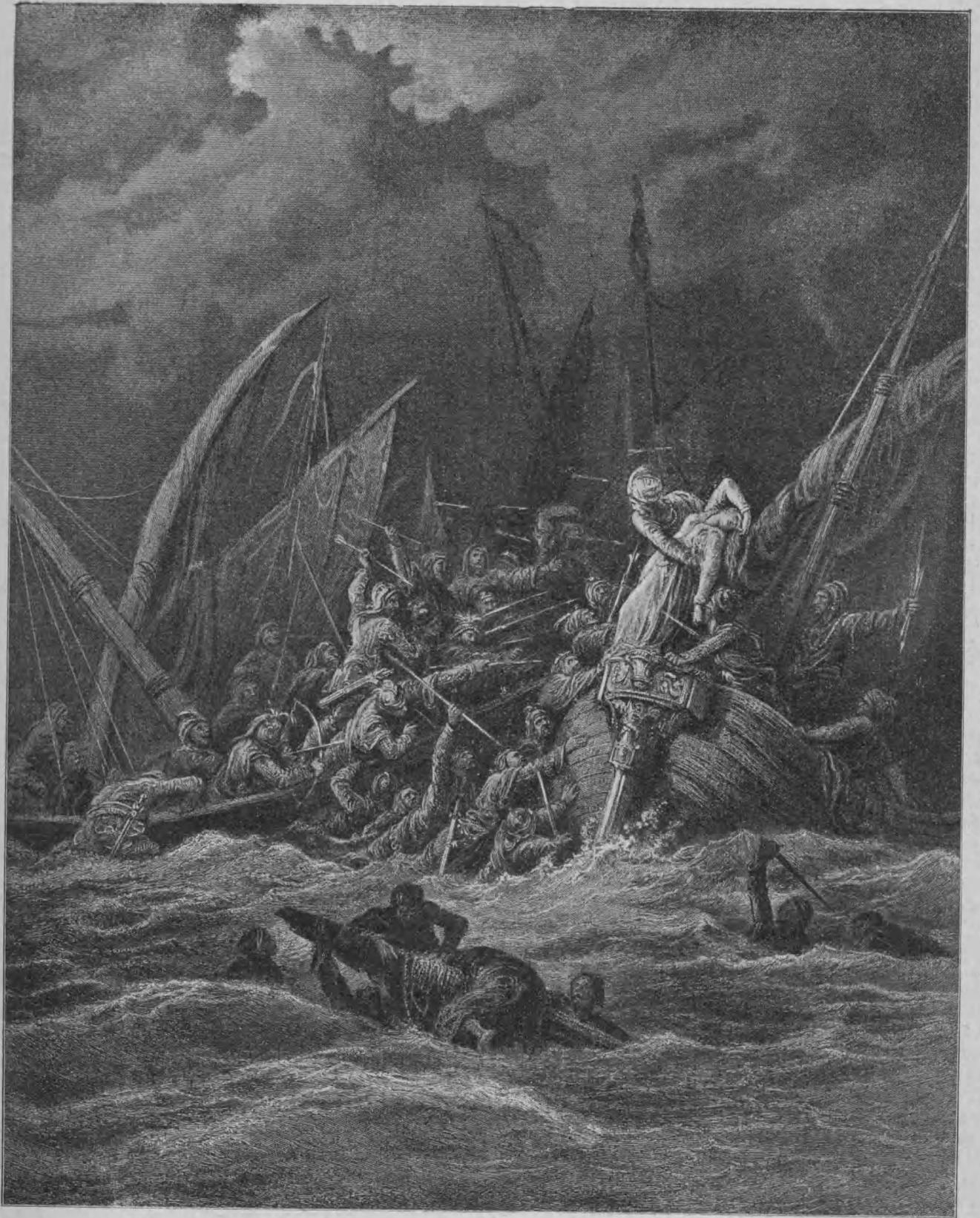
Тогда король, что рѣдко хмурилъ бровь,
Нахмурился: — «Чрезмѣрная учтивость!
Тебя ни съ чѣмъ я не пошлю. Забылъ ты:
Предъ королемъ учтивость: послушанье!»

Отвѣтивъ такъ, онъ удалился. Въ глѣбѣ,
Но съ трепетомъ Гевейнъ глядѣлъ безмолвно,
Хотя вся кровь кипѣла въ немъ; но вслѣдъ
Затѣмъ, тряхнувъ кудрями, зашагалъ
И принялся о дѣвѣ Астолата
И о любви ея жужжать вездѣ.

Всѣ слушали и всѣ заговорили:
— «Эленою любимъ сэръ Ланселотъ!»
— «Сэръ Ланселотъ Эленою плѣнился!»
Кто на лицѣ старался прочитать
У короля, а кто — у королевъ.
Судили о дѣвицѣ, большинство
Ее сочло заранѣ недостойной;
Одна изъ старыхъ дамъ явилась сразу
Съ неожиданными вѣстями къ королевѣ.
Но та, ихъ зная ранѣе, казалась
Лишь огорченной тѣмъ, что Ланселотъ
Такъ низко палъ, и дружескій ударъ
Съ достоинствомъ печальнымъ отразила.
Вѣсть по дворцу бѣжала, словно пламень,
Что охватилъ собой сухое жниво,
И рыцари за пиромъ раза два
Не за Джиневрѣ съ Ланселотомъ пили;
Отвѣтный тостъ они провозглашали
За Ланселота съ дѣвой Астолата,
Другъ другу улыбаясь, между тѣмъ
Какъ, губы сжавъ сурово, королева
Недвижная сидѣла, подавляя
Рыданія, что къ горлу подступали,
И топала ногою подъ столомъ,
Какъ-будто скорбь хотѣла сокрушить,
И кушанья казались ей помынью,
И всѣ, кто пилъ здоровье, ненавистны.

V.

А вдалекѣ лилея Астолата,
Безвинная соперница ея,
Вѣрна тому, кого лишь разъ видала,
Прошла къ отцу, сидѣвшему въ раздумьѣ,
Взобравшись на колѣна, по щекѣ
Погладила его и такъ сказала:
— «Отецъ, меня зовешь ты своевольной,
Твоя вина: ты самъ давалъ мнѣ волю,
И вотъ теперь, конечно, не захочешь,
Чтобъ я съума сошла?» — «Конечно нѣтъ».
— «Тогда позволъ мнѣ отыскать Лавейна!»

На черномъ кораблѣ своемъ въ средину
Онъ врѣзался, съ потерей многихъ силъ
Разсѣялъ ихъ и дѣвущку похитилъ...

(Стр. 12.)

— «Ты не сойдеши ступа изъ-за Лавейна,
Повремени; о немъ услышиши скоро
И о другомъ». — «Да, — молвила она, —
И о другомъ. Отправиться должна я
И, отыскавъ его, кто-бъ ни былъ онъ —
Вручить ему алмазь собственноручно,
Иль окажусь такой-же я невѣрной,
Какъ гордый принцъ, алмазь мнѣ передавшій.
Отець, во снѣ я рыцаря видала,
Онъ исхудалъ и походилъ на остовъ,
И блѣденъ былъ, какъ смерть — за недостаткомъ
Въ дѣвическомъ уходѣ. Знаешь самъ:
Чѣмъ дѣвушка рожденъемъ благороднѣй —
Тѣмъ болѣе должна въ его болѣзни
Ухаживать за рыцаремъ, носившимъ
Цвѣта ея. Дозволь-же ѣхать мнѣ!»

Тутъ наклонилъ онъ голову и молвилъ:
— «Да, да, алмазь... Дитя мое, запомни,
Охотно-бъ я узналъ, что первый рыцарь
Во всемъ краю остался невредимъ.
Твой долгъ — вручить ему алмазь. Я знаю,
Что этотъ плодъ такъ высоко вѣситъ,
Что лишь одной доступенъ королевѣ.
Такъ, ничего... Сбирайся-же въ дорогу,
Коль скоро ты упряма — поѣзжай!»

И, своего добившись, легкимъ шагомъ
Ушла она. Во время сборовъ въ путь
Слова отца въ ухахъ ея звучали:
«Коль скоро ты упряма — поѣзжай!»
И въ сердцѣ вдругъ смѣнились другими:
«Коль скоро ты упряма — умирай!»
Но въ радости своей она гнала ихъ,
Какъ гонять прочь жужжащую пчелу,
А въ сердцѣ имъ отвѣтно раздавалось:
«Пусть, — если тѣмъ ему верну я жизнь!»

И, добраго сэръ Торре взявъ съ собой,
Поѣхала Елена къ Камелоту
Безплодную равниной, и въ воротахъ
Ей встрѣтился съ лицомъ счастливымъ братъ,
Отъ радости среди луговъ цвѣтущихъ
Онъ гарцовалъ на рыжемъ скакунѣ.
— «Лавейнъ! — она воскликнула, — Лавейнъ,
Что сталося съ милордомъ Ланселотомъ?»
Тотъ изумился. — «Торре и Елена!
Зачѣмъ вы здѣсь? Сэръ Ланселотъ? Откуда
Вы знаете, что лордъ мой — Ланселотъ?»

Когда она все рассказала брату,
То, будучи въ дурномъ расположенѣ,
Сэръ Торре ихъ оставилъ. Черезъ ворота
Съ таинственной и странной рѣзью,
Побѣды короля изобразившей,
Проѣхалъ онъ въ богатый тихій городъ
Къ своимъ роднымъ, что жили въ Камелотѣ.
И тополевою рощей проводилъ
Лавейнъ сестру въ пещеру. На стѣнѣ
Увидѣла она шлемъ Ланселота,
Ея рукавъ пурпуровый изрѣзанъ,
Разорванъ былъ, наполовину жемчугъ
Осыпался, но съ шлема онъ спускался,
И радостно ей сдѣлалось при мысли,
Что, можетъ быть, еще въ ея цвѣтахъ
Онъ явится.

Когда они вступили
Въ пещеру, гдѣ онъ спалъ, нагія руки
Могучія, закалены въ бояхъ,
Покоились на волчьей шкурѣ: ими

Онъ шевелилъ, во снѣ борясь съ врагомъ.
Когда она увидѣла его
Неприбраннымъ, небритымъ, исхудалымъ,
Какъ остовъ челоуѣка — съ устъ ея
Сорвался крикъ, столь горестный и нѣжный,
И необычный въ этомъ тихомъ мѣстѣ,
Что разбудилъ больного. Пробудясь,
Тотъ мутными глазами озирался,
Пока она, приблизясь, не сказала:
— «Вотъ вашъ алмазь, онъ присланъ королемъ».
Глаза его блеснули, и Елена
Подумала: «Не я-ль тому причиной?»
Когда она повѣдала ему
О королѣ, о принцѣ, объ алмазѣ,
О данномъ полномочѣ, недостойной
Котораго она себя считаетъ,
Элена, вставъ предъ ложемъ на колѣна,
Алмазь вложила въ руку Ланселота.
Лицо ея къ нему склонилось; онъ,
Какъ мы дитя цѣлуемъ, что задачу
Исполнило, ее поцѣловалъ,
И вмигъ она безъ силъ упала на полъ.
И онъ вскричалъ: — «Въ пути вы утомились!
Покой вамъ нуженъ». — «Нѣтъ, — она сказала, —
О, славный лордъ, покой мой — тамъ, гдѣ вы!»

Какъ понимать значенье этихъ словъ?
Свои большіе темные глаза,
Отъ худобы казавшіеся больше,
Онъ на лицѣ ея остановилъ,
Покуда тайну горестную сердца
Не обнаружилъ на лицѣ невинномъ
Сердечнаго волненья яркій цвѣтъ.
И Ланселотъ былъ пораженъ, но, тѣломъ
И духомъ слабъ, онъ промолчалъ. Румянецъ
Его смугилъ, любви не добивался
У женщины онъ, одной лишь исключая.
Со вздохомъ отвернулся онъ и спящимъ
Прикинулся, покуда не заснулъ.

Тогда Елена встала, черезъ поля
Прошла она воротами рѣзными
Къ роднымъ своимъ, въ туманный пышный городъ
И ночевала тамъ. Но, вставъ съ зарей,
Прошла черезъ городъ пышный и туманный
Къ пещерѣ вновь. Какъ призракъ, день за днемъ
Взадъ и впередъ во тьмѣ она скользила
И много дней, а также и ночей
За раненымъ ухаживала. Рыцарь,
Хотя и звалъ царяпиною рану,
Повременамъ въ жару отъ боли бредилъ,
И даже онъ былъ неучтивъ порой,
Но кроткая Елена все прощала.
Покорнѣй, чѣмъ дитя суровой нянѣ,
Нѣжнѣй, чѣмъ мать съ больнымъ своимъ ребен-
комъ.

Со дня грѣхопаденія къ мужчине
Такъ не бывала женщина добра;
Глубокая любовь ей помогала.

И вотъ искусный въ дѣлѣ врачеванья
Отшельникъ объявилъ, что жизнь больного
Ея уходомъ нѣжнымъ спасена.
И тотъ, забывъ румянецъ простодушный,
Ее сестрой, Эленой, другомъ звалъ,
Онъ ждалъ ея прихода, съ сожалѣньемъ
Прощался съ ней, ее онъ полюбилъ,
Но лишь не той любовью: самой нѣжной,
Тѣснѣйшей, настоящею, какою
Междъ женщиной бываетъ и мужчиною,

Хотя готовъ былъ собственную жизнь
Онъ за нее отдать, какъ вѣрный рыцарь.
Случись ему ее увидѣть первой—
И этотъ мѣръ, и тотъ для Ланселота
Инымъ-бы сталъ. Но прежняя любовь
Его теперь цѣпями оковала,
Въ безчестьѣ честь его укоренилась;
Въ невѣрности родившаяся вѣрность
Ему внушала: вѣрнымъ быть во лжи.

И все-же онъ давалъ въ болѣзни клятвы
И чистыя рѣшенья принималъ,
Но были всѣ они недолговѣчны,
Рожденныя недугомъ, и, когда
Кровь потекла быстрѣе въ жилахъ, чаще
Являться сталъ ему прекрасный образъ,
Предательскимъ спокойствіемъ онъ вѣялъ,
И таяли, какъ облака, рѣшенья.
И, если въ мигъ, когда ему въ мечтахъ
Являлся этотъ обликъ, обращалась
Къ нему Елена, онъ не отвѣчалъ
Иль отвѣчалъ отрывисто и сухо.
Она въ болѣзни рѣзкость допускала,
Не зная лишь, чѣмъ вызвана она.
Ей взоры скорбь туманила, полями
Безвременно гнала въ богатый городъ,
Гдѣ одиноко дѣвушка шептала:
— «Все тщетно, тщетно! Не бывать тому!
Не любить онъ! Но какъ-же быть? Умру я?»
Какъ малая безпомощная пташка,
Въ чьей пѣснѣ нотъ немного, повторяетъ
Ихъ безъ конца весною на зарѣ,
Покуда не наскучитъ, такъ твердила
Она всю ночь: — «Ужели я умру?»
Металась на постели, облегченья
Не находя ни въ этомъ, ни во снѣ,
И: — «онъ иль смерть!» — шептала, — «смерть иль
онъ!»
— «Онъ или смерть!» — припѣвомъ повторялось.

Когда закрылась рана Ланселота,
Они втроемъ вернулись въ Астолать.
Тамъ, день за днемъ, являясь передъ нимъ,
Уборами Елена украшалась,
Что были ей къ лицу, сказавъ себѣ:
«Полюбить онъ — вотъ мой нарядъ вѣнчальный,
А нѣтъ — убранство жертвы предъ концомъ!»
И Ланселотъ просилъ, чтобы согласилась
Она принять себѣ или своимъ
Даръ отъ него: — «Мнѣ высказать не бойтесь
Завѣтисе сердечное желанье.
Въ такомъ долгу предъ вами я, что будетъ
Моею ваша воля. У себя
Я — лордъ и принцъ и, что хочу, могу».

И тутъ она взглянула, словно призракъ,
И, словно призракъ, не дала отвѣта.
И Ланселотъ, увидѣвъ, что не въ силахъ
Она желанье высказать, отъѣздъ
Замедлилъ свой.

Однажды поутру
Ее въ саду подъ тисами онъ встрѣтилъ
И такъ сказалъ: — «Я нынче долженъ ѣхать,
И потому откройте мнѣ желанье!»
— «Вы ѣдете? — тутъ вырвалось у ней, —
Я больше не увижу васъ! Ужели
Я умереть должна изъ-за того,
Что смѣлаго не вымолвить мнѣ слова?»
— «Я жду его. Все, что хотите — ваше!»

И страстно вдругъ она заговорила:
— «Безумна я... Люблю васъ и умру!»
— «Увы, сестра, — онъ молвилъ, — что-же это?»
Но бѣлая она простерла руки
Съ невинною мольбою: — «Быть любимой,
Любимой вами! быть женою вамъ!»
И онъ сказалъ: — «О, милая Елена,
Когда-бъ искалъ женитьбы я, то — раньше!
Но никогда я не возьму жены».
— «Нѣтъ, нѣтъ, — она вскричала, — не женою!
Лишь съ вами быть, васъ видѣть, вамъ служить
И слѣдовать чрезъ цѣлый мѣръ за вами!»
И Ланселотъ отвѣтилъ: — «Этотъ мѣръ
Весь — зрѣніе и слухъ, гдѣ толкователь
Ихъ неразумный — сердце, а языкъ
Сердечныхъ чувствъ глашатаемъ бываетъ!
Нѣтъ, черезчуръ-бы дурно отплатилъ
Я вашему отцу за доброту
И брату за любовь». — «Но васъ не видѣть,
Не быть близъ васъ! — воскликнула она, —
Увы, конецъ моимъ счастливымъ днямъ!»
— «Нѣтъ, дѣвушка съ душою благородной,
И трижды нѣтъ! Все это — не любовь,
Но только вспышка первая любви
Обычная: по опыту я знаю.
Надъ ней потомъ вы сами посмѣетесь,
Когда въ расцвѣтѣ жизни отдадитесь
Другому вы, что ближе будетъ вамъ,
Чѣмъ тотъ, кто втрое старше васъ годами.
А такъ какъ вы добрѣе и вѣрнѣе —
Въ понятіи моемъ — всѣхъ прочихъ женщинъ,
Особенно желаю я, чтобы рыцарь
Вашъ бѣденъ былъ, и могъ-бы я землей
Васъ наградить, угодыми большими —
До половины всѣхъ моихъ владѣній,
Что за моремъ, устройвъ счастье ваше.
И на смерть биться я готовъ за васъ,
Какъ-будто крови мы одной. Все это
Исполню я, но большаго — не въ силахъ».

Пока онъ говорилъ, не задрожала,
Не вскрикнула она; блѣдна смертельно,
За вѣтвь она держалась и, сказавъ:
— «Мнѣ этого не нужно!» — вдругъ упала,
*И замертво снесли ее на башню.

Тогда отецъ, сквозь стѣну черныхъ тисовъ
Слыхавшій все, промолвилъ: — «Опасаясь,
Что молнія сразила мой цвѣтокъ!
Лордъ Ланселотъ, вы черезчуръ учтивы,
Прошу васъ, съ ней вы грубо поступили,
Чтобъ страсть ея убитъ!»

Отвѣтилъ рыцарь:
— «Я поступилъ-бы вопреки себѣ,
Но что могу — то сдѣлаю!»

День цѣлый
Пробылъ онъ тамъ, а ввечеру послалъ
Къ ней за щитомъ. Она покорно встала,
Сняла чехолъ и голый щитъ вручила.
Его коня по камнямъ слыша топотъ,
Окно свое Елена распахнула
И изъ окна на шлемъ его глядѣла,
Съ котораго исчезъ ея рукавъ.
И легкій стукъ достигъ до Ланселота,
И подсказало ей чутье любви,
Что онъ ея присутствіе замѣтилъ.
Но онъ не поднялъ глазъ, рукой привѣта
Ей не послалъ: уѣхалъ, не простясь,
И выказалъ лишь въ этомъ неучивость.

И вотъ одна она сидѣла въ башнѣ;
Исчезъ и щитъ его, остался только
Чехоль ея работы — жалкій трудъ,
Но слышались слова его, и образъ
Межъ ней стоялъ и расписной стѣною.
Пришелъ отецъ и молвилъ ей: — «Утѣшься!»
И встрѣтила она его спокойно.
Сказали братья, къ ней придя: — «Да будетъ
Съ тобою миръ, о, милая сестра!»
И имъ она спокойно отвѣчала.
Когда-жъ ее оставили одну —
Смерть, словно голосъ друга издалека
Окликнула его, во тѣмъ приближась, —
Надъ нею крикъ совы имѣетъ власть.
Ея мечты сливались съ шумомъ вѣтра
И блѣдными вечерними тѣнями.

И въ эти дни она сложила пѣсню
И пѣла: «Пѣснь о смерти и любви».
Слагать стихи и пѣть она умѣла.

* * *
«Какъ отраднa любовь; пусть мы любимъ на-
прасно, напрасно,
Но — страданій конецъ, — такъ-же смерть и
сладка, и прекрасна.
Что прекраснѣй — не вѣдаю я.

* * *
«Ты сладка, о, любовь, значитъ, горечь лишь въ
смерти тaitся,
Ты горька, о, любовь, пусть-же смертью душа
усладится,
Если сладостнѣй смерть, въ ней — отрада
моя.

* * *
«Ты сладка, о, любовь, и какъ-будто-бы смерти
не знаешь,
Ты сладка намъ, о, смерть, и какъ-будто любовь
убиваешь,
Что прекраснѣй — не вѣдаю я.

* * *
«На призывы любви я была-бы откликнуться рада,
Но зоветь меня смерть и за нею мнѣ слѣдовать
надо,
Смерть, зови! За тобою послѣдую я!»

* * *
И высоко съ послѣднимъ словомъ голосъ
Вдругъ зазвенѣлъ, сливаясь съ шумомъ вѣтра,
Что башню потрясая, и, услыхавъ,
Сказали братья: — «Это — привидѣнье,
Чей крикъ пророчитъ смерть!»

Позвавъ отца,
Они втроемъ къ ней въ страхъ поспѣшили;
Зари кровавой отблескъ освѣщала
Ея лицо, и съ устъ срывалось: «Смерть!»

Какъ иногда знакомое намъ слово
Твердить мы начинаемъ и твердимъ,
Пока оно не сдѣлается дивомъ,
Такъ на нее отецъ глядѣлъ и думалъ:
Ужель предъ нимъ Елена? И она,
Откинувшись назадъ, лежала тихо
И, руки имъ безсильно протянувъ,
Лишь взорами здоровалась безмолвно.
Затѣмъ сказала: — «Братья дорогіе,
Сегодня въ ночь я вновь была ребенкомъ —
Счастливымъ, любопытнымъ, какъ въ быломъ,
Когда въ лѣсу мы жили и съ собою
Вы по рѣкѣ меня катали въ лодкѣ,

Лишь никогда не огибая мыса,
Гдѣ тополь росъ: тамъ былъ для васъ предѣлъ
И мы назадъ съ теченьемъ возвращались.
Но плакала я отъ того, что вы
Вверхъ по рѣкѣ подняты не хотѣли
До береговъ, гдѣ короля дворець.
Сегодня-же мнѣ снилось, что плыву
Одна я по волнамъ, и я сказала:
— «По-своему я сдѣлаю теперь!»
Проснулась я, желанье-же осталось.
Итакъ, меня пустите! Обогну я
Мысль съ тополемъ и по рѣкѣ широкой
Вверхъ поднимусь къ палатамъ короля.
Я ко двору предстану, и никто
Тамъ надо мной смѣяться не посмѣетъ.
Тамъ принцъ Гевейнъ дивиться будетъ мнѣ,
Тамъ Ланселотъ помыслить обо мнѣ,
Гевейнъ, что слалъ мнѣ тысячи привѣтовъ,
И Ланселотъ, что не простясь уѣхалъ.
Тамъ о любви моей король узнаетъ,
Жалѣть меня тамъ будетъ королева,
Тамъ цѣлый дворъ меня привѣтомъ встрѣтитъ,
Тамъ отдохну отъ долгаго пути».

— «Дитя мое, — сказала отецъ, — ты бредишь!
Такой больной тебѣ-ль пускаться можно
Въ столь дальній путь? И для чего увидишь
Ты гордеца, что нами пренебрегъ?»

Задвигался, заволновался Торре
И, раззявъ рыданьями, сказалъ:
— «Не по душѣ онъ сразу мнѣ пришелся,
И встрѣчусь съ нимъ — какъ онъ ни знаменитъ,
Я на него ударю, съ нимъ побьюсь я,
Поможетъ случай — до смерти убью
За то, что онъ принесъ въ нашъ домъ несчастье».

Но кроткая сестра ему сказала:
— «Не гнѣвайся и не кручинься, братъ.
Въ томъ, что меня сэръ Ланселотъ не любитъ,
Не виноватъ онъ такъ-же, какъ и я
Въ томъ, что люблю его, не виновата,
Его считая выше всѣхъ людей».

И повторилъ отецъ, какъ эхо: — «Выше?!
(Убить любовь онъ думалъ.) Дочь моя,
Не знаю я, что ты считаешь высшимъ,
Но знаю то, что знаетъ цѣлый міръ:
Позорно королеву любить онъ,
Она даритъ ему любовь позорно,
И если это — высота, гдѣ-жъ низость?»

Отвѣтила лилея Астолата:
— «Отецъ, больна и черезчуръ слаба я,
Чтобъ гнѣваться, но это — клевета.
Кто славенъ самъ, того безславятъ слухи,
Кто не имѣлъ враговъ — не зналъ друзей.
Гордилась я, что тотъ, кто безупреченъ,
Былъ мной любимъ. Пускай-же не вполне
Несчастною, какою вы меня
Считаете, съ сознаниемъ отойду я,
Что лучшее, прекраснѣйшее въ мірѣ
Любила я, хотя и безъ отвѣта
Желаетъ ты, чтобъ дочь твоя жила,
Не поступай во вредъ своимъ желаньямъ.
Повѣрь я слухамъ — смерть мою они
Ускорили-бъ. Отецъ мой милый, полно!
Духовника пошли ко мнѣ, хочу я
Очиститься и съ миромъ умереть».

Когда ее оставилъ духовникъ,
Съ сияющимъ лицомъ, какъ у того,
Чей грѣхъ прощенъ, — Лавейна попросила
Она, чтобъ онъ со словъ ея письмо
Ей написалъ. — «Къ милорду Ланселоту? —
Воскликнулъ онъ, — я съ радостью доставлю!»
Отвѣтила она: — «Къ нему пишу я
И къ королевѣ, и ко всѣмъ, но я
Сама должна письмо мое доставить».

Когда оно уже готово было
И сложено, она сказала: — «Милый
И добрый мой отецъ, не откажи —
Ты исполнялъ всегда мои желанья —
Послѣднее исполнить, какъ-бы странно
Оно ни показалось: передъ смертью
Вложи письмо мнѣ въ руку, чтобъ его
Хранила я и въ смерти. И, когда
Остынетъ сердце, ложе, на которомъ
Я умерла въ любви къ сэръ Ланселоту,
Украстье вы, какъ ложе королевы,
И вы меня, какъ королеву, такъ-же
Украстье всѣмъ, что лучшаго имѣю,
И, положивъ на ложе, отвезите
На колесницѣ траурной къ рѣкѣ,
Гдѣ будетъ ждать, обита чернымъ, лодка.
Такъ убрана — предстану королевѣ
И о себѣ повѣдаю безъ словъ.
Никто изъ васъ такъ говорить не можетъ,
И вы со мной нѣмого отпустите,
Грести весломъ и править онъ умѣетъ,
И довезетъ меня къ дверямъ дворца».

Окончила Елена и, когда
Онъ обѣщаль, такой веселой стала,
Что смерть ея, имъ думалось, скорѣе —
Въ ея воображеньѣ, чѣмъ въ крови.

Но дни текли, въ одиннадцатый день
Отецъ ея вложилъ письмо ей въ руку,
Сложилъ персты — и такъ она скончалась,
И въ этотъ день былъ въ Астолатѣ плачъ.

Когда взошло на горизонтѣ солнце,
Склонивъ чело, шаги замедливъ, братья
За колесницей траурной вослѣдъ
Прошли, какъ тѣни, поемъ, что сіяло
Красою лѣтней. На рѣкѣ ждала,
Обита чернымъ аksamитомъ, лодка,
И въ ней — нѣмой слуга ихъ вѣковѣчный;
Онъ сморщился, глаза его мигали.
И братья, снявъ Элену вмѣстѣ съ ложемъ,
Ее снесли на лодку съ колесницы,
Вложивъ лилею въ руку ей, надъ нею
Повѣсили чехоль, гербами шитый,
Въ спокойное чело поцѣловали,
Сказавъ при этомъ: — «Прости навѣкъ, сестра!
Сестра, прости!» — и съ плачемъ удалились.

Нѣмой слуга схватился за весло,
И мертвая съ нѣмымъ вверхъ по теченью
Неслась въ ладѣ, держа въ рукѣ лилею,
Письмо — въ другой; волной струились кудри.
Наброшенъ былъ до пояса покровъ
Изъ золотой парчи; съ лицомъ открытымъ
Она лежала въ бѣломъ, и прекрасенъ
Былъ съ тонкими чертами ликъ ея,
Она казалась спящей, но не мертвой,
И съ тихою улыбкою лежала.

VII.

Въ тотъ самый день сэръ Ланселотъ приема
Просилъ у королевы, чтобъ вручить
Свой дивный даръ, цѣнѣ полцарства равный:
Алмазы — плодъ девятилѣтнихъ битвъ;
Онъ съ бою ихъ добылъ и смертью многихъ,
И жизнь за нихъ едва не положилъ.
Придворнаго съ докладомъ къ королевѣ
Отправилъ онъ, и съ мраморнымъ величьемъ
Такимъ она согласіе дала,
Что собственнымъ казалась извѣняемъ.
Трепещущій склонился царедворецъ,
Почти касаясь ногъ ея устами,
Но, видя тѣнь Джиневры на стѣнѣ,
Исподтишка замѣтилъ трепеть кружевъ
И размѣялся въ сердцѣ, уходя.

У одного изъ стрѣльчатыхъ, обвитыхъ
Лозою, оконъ южныхъ у рѣки —
Произошла ихъ встрѣча, и, колѣна
Склонивъ предъ ней, онъ молвилъ: — «Королева!
Владычица моя и радость дней!
Добытые лишь для тебя алмазы
Прими и осчастливь меня, велѣвъ
Изъ нихъ запястье сдѣлать для руки
Стройнѣйшей въ мірѣ или ожерелье
Для шеи, предъ которою лебяжья
Покажется смугла, какъ лебедь малый.
Твоя краса тебѣ присуща! Грѣхъ
О томъ твердить, но мнѣ словами славить
Дозволь ея, какъ плакать дозволяютъ.
Подобный грѣхъ простить мы оба можемъ.
Но, королева, слышу я о толкахъ,
Которые здѣсь ходятъ при дворѣ.
А нашъ союзъ — не связь жены и мужа;
И тѣмъ скорѣй полнѣйшее довѣрье.
Въ немъ быть должно! Пускай-же ходятъ слухи,
И гдѣ ихъ нѣтъ? Но я увѣренъ въ томъ,
Что благородно ты мнѣ довѣришь,
Не вѣрю я, что слухамъ вѣришь ты».

Покуда говорилъ онъ, королева
Къ нему стояла въ полуоборотъ
И, обрывая листья винограда,
Бросала ихъ, зеленымъ былъ усѣянъ
Весь полъ вокругъ. Когда-же онъ замолкъ —
Холодною рукою взявъ алмазы,
На столъ она ихъ положила, молвивъ:
— «Быть можетъ, я довѣрчивѣе къ слухамъ,
Чѣмъ думаетъ объ этомъ Ланселотъ.
Пусть нашъ союзъ — не связь жены и мужа,
Но хорошо одно въ немъ: что возможно
Его легко расторгнуть. Для тебя
Я много лѣтъ позорила того,
Кого въ душѣ считала благороднѣй.
Алмазы — мнѣ? Ты ихъ даришь, и это
Утроило-бъ ихъ цѣну для меня,
Когда-бъ себя ты такъ не обезцѣнилъ.
Для сердца благороднаго цѣна
Мѣняется дарителя и дара.
Отдай ихъ ей, твоей забавѣ новой.
Лишь объ одномъ прошу: вдали блаженствуй.
Какъ ты ни измѣнился, но настолькоъ
Сознаніе пристойности хранишь,
И мнѣ самой нарушить было-бъ тяжело
Тѣ правила учтивости, въ которыхъ
Царю я и живу, какъ королева,
Жена Артура, вслѣдствіе чего
Я чувствъ своихъ высказывать не властна.

Итакъ, конецъ. Не странно-ль? Но амины!
Къ тѣмъ жемчугамъ прибавь мои алмазы,
Укрась ее: она меня затмила.
Запястье сдѣлай для руки, въ сравненіи
Съ которою худа рука Джиневры,
Иль ожерельемъ шею ты укрась:
Она моей прекраснѣе настолько,
Насколько вѣра прежняя дороже
Была алмазовъ — не моихъ теперь.
Нѣтъ, я клянусь Владычицей, ея-ли,
Мои-ль они — надъ ними я вольна,
И ими не владѣть ей!»

И съ этимъ словомъ
Схватила ихъ Джиневра и въ окно,
Которое въ жару стояло настезь,
Ихъ кинула. Блестая, отскочили
Они отъ струй, гдѣ брызги имъ навстрѣчу
Алмазами блеснули и пропали.

И вотъ, пока стоялъ облокотясь
Сэръ Ланселотъ, почти возненавидѣвъ
Любовь и жизнь, и цѣлый міръ, внизу
Предъ взорами его, отъ мѣста вправо,
Куда упали камни, появилась
И медленно плыла впередъ ладья,
А въ ней съ улыбкой дѣва Астолата
Покоилась, какъ звѣздочка въ ночи.

Но, ничего не видя, королева
Безумная прочь кинулась затѣмъ,
Чтобъ на свободѣ слезы лить, а лодка,
Приставъ къ двору, остановилась, тамъ
Два стража входъ оберегали; скоро
Примкнула къ нимъ, на мраморныхъ ступеняхъ
Рядами становясь, толпа людей.
Уста и взоръ ихъ молвили: «Что это?»
Но ликъ гребца, суровый, неподвижный,
Какъ каменная глыба, изъ которыхъ
Фантазія намъ образъ создаетъ,
Ихъ испугалъ: — «Онъ, вѣрно, заколдованъ
И говорить не можетъ?» — «Поглядите,
Какъ спитъ она, волшебная царица!
Какъ хороша!» — «Но какъ она блѣдна!
Но кто-жъ они? Изъ плоти-ли и крови?
Явились не затѣмъ-ли, чтобъ съ собою
Взять короля въ волшебную страну?
Вѣдь, говорятъ, что нашъ Артуръ безсмертенъ,
И онъ уйдетъ въ волшебную страну».

Пока у нихъ о королѣ шли толки,
Явился онъ межъ рыцарей своихъ.
Тутъ всталъ нѣмой, и, прямо обернувшись
Къ нему лицомъ, на дѣвушку и двери
Онъ указалъ. Тогда позвалъ Артуръ
Сэръ Персиваля кроткаго и также
Сэръ Галаада чистаго, и оба,
Поднявъ ее, внесли благоговѣнно.
Пришелъ Гевейнъ и подивился ей,
И Ланселотъ въ раздумье впалъ надъ нею,
О ней сама жалѣла королева;
Артуръ, письмо въ ея рукѣ увидѣвъ,
Нагнулся, взявъ и, снявъ печать, прочелъ.

«О, благородный лордъ, сэръ Ланселотъ!
«Я, что звалась лилеей Астолата,
«Являюсь къ вамъ, чтобъ вамъ сказать «прости»
«Затѣмъ, что вы со мною не простились.
«Моя любовь въ васъ не нашла отвѣта,
«И оттого въ любви нашла я смерть.
«Поэтому къ Джиневрѣ королевѣ

«И къ прочимъ дамамъ нынѣ я взываю,
«Прося у нихъ молитвъ и погребенья.
«И о душѣ моей, сэръ Ланселотъ,
«Молись и ты, какъ рыцарь несравненный».

Вотъ что прочелъ онъ, и, пока читалъ,
Всѣ плакали — и рыцари, и дамы, —
Порою взоръ перевода съ лица
Читавшаго письмо на ликъ ея,
Въ безмолвіи лежавшей; временами
Казалось имъ, что шевелятся губы,
Шептавшія въ быломъ слова письма.

Тутъ Ланселотъ заговорилъ открыто:
— «Артуръ, мой государь, и всѣ, кто слышитъ!
Узнайте, смертью этой нѣжной дѣвы
Я опечаленъ тяжко, оттого,
Что доброю была она и вѣрной,
И ею былъ любимъ я той любовью,
Какой досель у женщинъ не встрѣчалъ.
Я рыцарствомъ и честью вамъ клянусь,
Что повода умышленно я не далъ
Къ такой любви: въ свидѣтели беру
Моихъ друзей, отца ея и братьевъ.
Отецъ ея, чтобъ въ ней убить любовь,
Просилъ меня быть рѣзкимъ съ ней и грубымъ
И выказать ей даже неучтивость,
Мнѣ чуждую. Я сдѣлалъ все, что могъ:
Уѣхалъ я и съ нею не простился,
Но, если-бы я зналъ, что угрожаетъ
Дѣвицѣ смерть — въ умѣ нашелъ-бы средство,
Чтобъ отъ себя самой ее спасти».

Въ отвѣтъ ему сказала королева,
Чей гнѣвъ стихалъ, какъ море послѣ бури:
— «Милордъ, настолько нѣжнымъ, чтобъ отъ
смерти
Ее спасти — могли-бъ вы съ нею быть».

Тутъ голову онъ поднималъ, опустили
Ея глаза предъ взорами его,
И онъ сказалъ: — «Угодно, королева,
Одно ей было: стать моею женою,
Но этого быть не могло. Желала
Она за мною слѣдовать повсюду, —
И этого быть также не могло.
Я говорилъ, что молодости вспышка —
Ея любовь, которая погаснетъ
Съ тѣмъ, чтобъ огнемъ спокойнымъ разгорѣтся
Къ кому-нибудь достойнѣе меня.
И я желалъ, чтобъ бѣденъ былъ избранникъ
И могъ-бы я — до половины даже
Моихъ владѣній за моремъ — землю
Ихъ одарить и счастье ихъ упрочить.
Я большаго не могъ; не нужно было
Ей этого, и умерла она».

Онъ смолкъ. Артуръ отвѣтилъ: — «О, мой рыцарь!
Какъ рыцарь мой и Круглаго Стола
Всего глава, достойно наблюдай,
Чтобъ предали землѣ ее достойно».

И къ алтарю роскошнѣйшему въ царствѣ
Тутъ двинулся, съ Артуромъ во главѣ,
Весь Круглаго Стола великій орденъ.
И наблюдалъ съ печалью необычной
Сэръ Ланселотъ, чтобъ погребли се
Не такъ, какъ тѣло дѣвушки безвѣстной,
Но съ пышностью, торжественнымъ обрядомъ
И музыкой, какъ тѣло королевы.

Онъ отвѣчалъ со смѣхомъ: — «На меня
Не походилъ мудрецъ, найденный ими:
Маль ростомъ, худъ и съ голой головой —
Кореньями питался онъ въ пустынь,

Читалъ одну лишь книгу, и отъ чтенья,
Подъ гнетомъ думъ, такъ сгорбился и высохъ,
Что сдѣлались глаза его огромны,
А на костяхъ едва держалась кожа.

(Стр. 14.)

Когда ея прелестную головку,
Тамъ положили рыцари, гдѣ виденъ
Былъ королей полузабытыхъ прахъ,
Артуръ сказалъ: — «Ей возведемъ гробницу
Роскошную, съ ея изображеньемъ.
Пусть вырѣжутъ сѣръ Ланселота шить
Въ ногахъ у ней, въ рукѣ ея — лилею;
О скорбномъ-же пути ея разскажь
Пусть буквами лазурно золотыми
Изобразятъ для вѣрныхъ всѣхъ сердець».

И это все исполнили позднѣе.
Теперь-же дамы, лорды и народъ
Къ себѣ домой спѣшили изъ притвора
Высокаго. Замѣтивъ Ланселота,
Стоявшаго поодаль, королева,
Приблизившись, вздохнула: — «Ланселотъ,
Прости мнѣ, это — ревность отъ любви».
Отвѣтилъ онъ, не поднимая взора:
— «Она — любви проклятье, королева.
Идите съ миромъ! Я прощаю васъ».

И, видя ликъ нахмуренный его,
Приблизился Артуръ и, съ кроткой лаской
Обнявъ его рукой за шею, молвилъ:
— «Мой Ланселотъ, къ кому питаю я
Сильнѣйшее довѣрье и любовь!
Я знаю, какъ со мной ты бился рядомъ,
И часто я видалъ, что на турнирѣ
Ты повергалъ испытанныхъ бойцовъ,
Не трогая неопытныхъ и младшихъ,
Чтобъ заслужить они успѣли имя.
Обычай твой любилъ я, человека
Любилъ въ тебѣ, достойнаго любви,
Но видитъ Богъ, какъ я желалъ-бы нынѣ,
Когда дурные люди говорятъ
Дурное про тебя, чтобъ ту дѣвицу
Ты могъ любить, что словно создана
Была Творцомъ лишь для тебя нарочно!
Когда судить по мертвой о живой —
Въ ней чистота прозрачная сливалась
Съ чудесною красою, и тебѣ,
Что одинокъ, бездѣтенъ, принесла-бы
Она потомковъ — племени и славы
Наслѣдниковъ, сыновъ тебѣ достойныхъ,
О, рыцарь мой, великій Ланселотъ!»

И Ланселотъ отвѣтилъ: — «Такъ чиста,
О, государь, была она, какъ только
Вы рыцарей своихъ желали видѣть.
(Въ ея красѣ — слѣпой-бы усомнился,
А въ чистотѣ ея — лишь безсердечный),
И стояла любви, будь намъ возможно
Связать любовь, свободную отъ узъ».

— «Свободная любовь въ подобныхъ узяхъ
Была-бъ всего свободнѣй! — былъ отвѣтъ. —
Пускай любовь свободной будетъ, въ этомъ —

Все лучшее. За исключеньемъ неба,
Что лучшее есть на землѣ унылой,
Какъ не такая чистая любовь
Въ столь чистой оболочкѣ? И, однако,
Ты узъ ея избѣгъ, хотя не связанъ,
Какъ думаю, и добръ, какъ знаю я».

Но Ланселотъ, не отвѣчая, вышелъ,
И, гдѣ потокъ вливается, онъ въ бухтѣ
Сѣлъ у рѣки; тамъ тростники шумѣли,
Поднявъ глаза, уже вдали ладью,
Привезшую Элену онъ увидѣлъ —
Она казалась точкой — и сказалъ:
— «Увы, простое, преданное сердце!
Любила ты во много разъ нѣжнѣй,
Чѣмъ я любимъ мою королевою.
Молишься о душѣ твоей? О, да!
Еще прости, теперь уже навѣки,
Прости, лилея! «Ревность отъ любви?»
Не гордость-ли ревнивая скорѣе —
Наслѣдіе любви уже умершей?
Пусть, королева, ревность отъ любви,
Твой страхъ за имя доброе и славу
Мнѣ говоритъ о гаснущей любви.
Объ имени моемъ зачѣмъ упорно
Упоминалъ король? Какъ укорижны,
Я собственного имени стыжусь,
Я, Ланселотъ, который (какъ преданье
О томъ гласить) у матери украденъ
Былъ чудной Дѣвой Озера. Она
Таинственныя пѣсни пѣла мнѣ,
Звучащія въ волнахъ и днемъ, и ночью.
Она меня ласкала, повторяя:
«Прекрасенъ ты, какъ королевскій сынъ!»
И на рукахъ вдоль озера носила.
О, лучше-бъ ей въ немъ утопить меня!
Что я? Что въ томъ, что перваго бойца
Я имя заслужилъ? Носить его —
Нѣтъ счастья, а потерять — несчастье,
Въ немъ — часть меня. Но что за польза въ томъ?
Чтобъ становились хуже люди, зная,
Что я грѣшу, иль грѣхъ казался меньше
Зачѣмъ, что грѣшникъ кажется великъ?
Увы тебѣ, Артура первый рыцарь,
Но не похожій сердцемъ на Артура!
Позорную порвать я долженъ связъ,
Хотя-бъ она того и не желала.
А пожелай она — какъ знать? Быть можетъ,
Не захотѣлъ-бы я. Но, если, Боже,
Не захочу — Ты ангела пошли,
Чтобъ, за волосы взявъ меня, далеко
Меня унесъ отсюда онъ и ввергнулъ
Въ то озеро забытое на дно,
Гдѣ глыбы скалъ покоятся разбитыхъ!»

Такъ совѣстью терзался Ланселотъ,
Не вѣдая въ порывѣ злой кручины,
Что праведной сподобится кончины.

Последній турниръ.

Въ одно изъ своихъ путешествій съ рыцаремъ Ланселотомъ король Артуръ нашелъ въ орлиномъ гнѣздѣ малютку-дѣвочку съ рубиновымъ ожерельемъ на шеѣ. Дѣвочка эта была передана королевою Джиневрою, но скоро умерла. Въ память ея Артуръ установилъ «Турниръ Усопшей Невинности», причемъ побѣдителя на немъ въ награду были назначены рубины умершей малютки. Быть судьей на турнирѣ Артуръ не могъ, ибо долженъ былъ отправиться въ глубь страны для усмиренія разбойниковъ. Его почетное мѣсто занялъ рыцарь Ланселотъ, котораго страшно мучить совѣсть за его преступную любовь къ королевоу Джиневрѣ. Побѣдителемъ на турнирѣ оказывается рыцарь Тристанъ, супругъ бретонской принцессы Изольды Бѣлолицы и въ то-же время возлюбленный Изольды, супруги короля корнваллійскаго Марка, челоѣка недостойнаго и отвергнутаго королемъ Артуромъ. Ланселотъ вытается упрекнуть Тристана за нарушеніе обѣтовъ рыцарей Круглаго Стола, но Тристанъ въ глаза говоритъ ему объ его еще болѣе преступной связи съ королевою. Вскорѣ послѣ этого королевскій шутъ Дагонетъ тоже пробуетъ укорять Тристана нарушеніемъ обѣтовъ, но Тристанъ опять оправдываетъ себя указаніемъ на королеву и Ланселота. Послѣ разговора съ шутомъ Тристанъ ѣдетъ къ Изольдѣ корнваллійской. Артуръ въ это время громитъ разбойниковъ, но онъ уже чувствуетъ, что нравы его рыцарей портятся. Тристанъ въ замкѣ короля Марка объясняется съ Изольдой, причемъ, опять ссылаясь на связь Ланселота и Джиневры, зыываетъ Изольду на прежнія отношенія. Подкрившійся супругъ Изольды, король Маркъ, вѣроломнымъ ударомъ убиваетъ Тристана какъ разъ въ ту ночь, когда король Артуръ возвращается въ свой замокъ послѣ наказанія разбойниковъ.

I.

ШУТЪ Дагонетъ, Гевейномъ ради шутки
Пожалованный въ рыцари Стола,
Передъ дворцомъ, что высился надъ
Желтѣющимъ, кружился, словно
листь.

А изъ дворца, держа рукою арфу,
Обвитую рубиною цѣпью,
Качавшейся взадъ и впередъ — наградой
Вчерашнею Тристана на турнирѣ,
Къ нему навстрѣчу вышелъ самъ Тристанъ,
И молвилъ онъ: — «Сэръ шутъ, чего ты скачешь?»

II.

Король и Ланселотъ въ пути однажды
Услышали внизу, среди утесовъ
Извилистыхъ, крикъ дѣтскій. Тамъ корнями,
Похожими на узелъ черныхъ змѣевъ,
Засохшій дубъ цѣплялся за скалу.
Въ вѣтвяхъ его, что къ небу поднимались,
Видѣлося орлиное гнѣздо,
Въ вѣтвяхъ шумѣлъ дождливый вѣтеръ, въ вѣтрѣ
Дитяти крикъ немолчно раздавался.
Сэръ Ланселотъ взлѣзъ со скалы на дубъ,
И дѣвочку-ребенка съ ожерельемъ
Рубиновымъ на шеѣ, вокругъ которой
Оно тремя рядами обвивалось,
Онъ изъ гнѣзда орлинаго досталъ
Отъ клюва и когтей не пострадавшей;
Король отвезъ и сдалъ ее Джиневрѣ,
Но бѣлыми руками королева
Ее взяла сначала равнодушно,
А послѣ нѣжно привязалась къ ней,
И, птенчикомъ назвавъ ее, съ малюткой
Свою тоску порою забывала.
Но, холодомъ смертельнымъ сражена,
Жизнь юная угасла; ожерелье,
Будившее воспоминаній грусть,
Дала Джиневра мужу со словами:
— «Возьми уборъ невинности умершей,
Пусть будетъ онъ наградой на турнирѣ».

Король сказалъ: — «Миръ твоему птенцу,
Рожденному орлицею! Почтимъ,
Какъ хочешь ты, его и послѣ смерти.
Но мнѣ на умъ приходитъ: отчего
Ты никогда не носишь, королева,
На шеѣ, на рукахъ иль въ волосахъ
Алмазы тѣ, что я нашелъ въ пещерѣ?
Ихъ Ланселотъ не для тебя-ль добылъ?»

— «О, лучше-бъ имъ ты далъ скатиться въ бездну
И тамъ пропасть! — восклицала она. —
Несчастливыми алмазы эти были!
Дивишься ты? Но выскользнули сразу
Они изъ рукъ — едва подарены...
Я надъ рѣкой склонялась, по которой
Плыла въ ладѣ несчастная Елена...
Счастливыѣ рубины эти будутъ —
Наслѣдье не костей братоубійцы,
Но кроткаго усопшаго младенца.
Изъ рыцарей чистѣйшій, можетъ быть,
Добудеть ихъ для самой чистой дѣвы».

Такъ молвила она.

По всѣмъ дорогамъ,
Отъ Камелота ведшимъ среди полей
Желтѣющихъ къ далекимъ городамъ,
Послышался призывъ къ турниру трубный,
И рыцари вездѣ вооружались,
Предъ королемъ прославиться стремясь.

Но въ это утро шумное, шатаясь,
Вбѣжалъ на дворъ Артуровъ простолудинъ.
Ударъ хлыста лицо его разрѣзалъ
Отъ уха и до уха, выбить былъ
Глазъ у него и сломанъ носъ, повисла
Одна рука безсильно, а другая
Отрублена была. И, негодуя,
Вскричалъ король: — «Ты, за кого кончину
Пріялъ, Господь! скажи намъ: что за хищникъ
Лицо твое когтями разодралъ?
Злой духъ иль челоѣкъ подобье Божье
Въ лицѣ твоёмъ такъ страшно исказилъ?»

Тогда съ трудомъ, сквозь рядъ зубовъ разбитыхъ,
Которые мѣшали языку,

Проговорилъ невнятно простолюдинъ:
— «Моихъ свиней онъ въ замокъ свой погналъ.

Сказали мнѣ, что къ рыцарямъ Стола,
Среди которыхъ сотня есть достойныхъ,
Принадлежить и этотъ Красный Рыцарь.
Король, свиней я пасть, и Красный Рыцарь
Напалъ на нихъ и въ замокъ свой погналъ.

Когда-же я сказалъ, что справедливость
Оказываешь высшимъ ты и низшимъ —

Меня онъ изувѣчилъ и убилъ-бы,

Не вздумай онъ къ тебѣ дать порученье:

«Скажи ему и всѣмъ его лжецамъ —

«Мой Круглый Столъ на сѣверѣ основанъ.

«Что рыцари его клялись исполнить —

«Мои клялись вѣкъ не исполнять.

«Какъ дворъ его, мой замокъ полонъ тварей,

«И все-жъ мои достойнѣй: за иное

«Онъ себя не пробуютъ и выдать.

«Какъ рыцари его, прелюбодѣй —

«Всѣ рыцари мои, но лишь честнѣе,

«Такъ какъ себя за что-либо иное

«Не выдаютъ они. Скажи ему,

«Что часъ его насталъ. Идутъ войною

«Язычники, копье его разбито,

«Экскалибуръ соломинкою сталъ».

Король сказалъ сэръ Кэю, сенешалю:

— «Возьми его и, какъ за принцемъ крови,

Ухаживай за нимъ, куда раны

Не заживутъ. Покоились годами

Язычники, похожи на волну,

Что пѣною расплещется, нахлынувъ.

Грабители, смутьяны, бѣглецы,

Всѣ, отъ кого съ отвагою, друзья,

Очистили вы наше королевство —

На сѣверѣ въ послѣдній разъ дерзаютъ,

Какъ сатана, поднять главу свою.

Вы, младше изъ рыцарей моихъ,

Плѣтъ мужества вы превратите нынѣ

Въ богатый плодъ дѣяній золотыхъ!

Когда смиримъ возставшихъ, безопасны

И дальнія дороги будутъ здѣсь.

Ты-жъ, Ланселотъ, на мѣстѣ королевскомъ

День завтрашній руководи турниромъ.

Вѣдь, выступивъ на немъ, лишь возвратилъ-бы

Ты королевѣ собственность ея.

Но ты молчишь? Такъ хорошо-ли будетъ?»

Сэръ Ланселотъ отвѣтилъ: — «Хорошо!

Но лучше-бы король остался дома

И рыцарей вести мнѣ предоставилъ.

Но такъ ему угодно — хорошо!»

Тутъ всталъ Артуръ, послѣдовалъ за нимъ

И Ланселотъ; остановясь у входа,

Король ему промолвилъ: — «Хорошо-ли?

Иль, можетъ быть, на мнѣ укоръ за то,

Что я порой похожъ на челоуѣка,

О комъ гласитъ писанье: «звукъ пустой!»

Велю идти — на мѣстѣ медлѣть ноги,

Въ очахъ людей не вижу послушанья,

Нѣтъ прежняго почтенія въ рѣчахъ.

Мнѣ кажется-ли только, что приходитъ

Духъ рыцарства все болѣе въ упадокъ?

Откуда-же мой страхъ, что это царство,

Посредствомъ дѣлъ великихъ и обѣтовъ,
Возставшее изъ смутъ и бездны звѣрства,
Впадеть въ нее опять и распадется?»

III.

И съ младшими изъ рыцарей своихъ
Проѣхалъ онъ по улицамъ отлогимъ,
И повернулъ на сѣверъ отъ воротъ.

За пѣльцами въ высокой башнѣ сидя,
Чело свое Джиневра подняла;
Не вѣдая того, она вздохнула,
И въ памяти ея строфа мелькнула
Изъ пѣсенки покойнаго Мерлина:

* * *

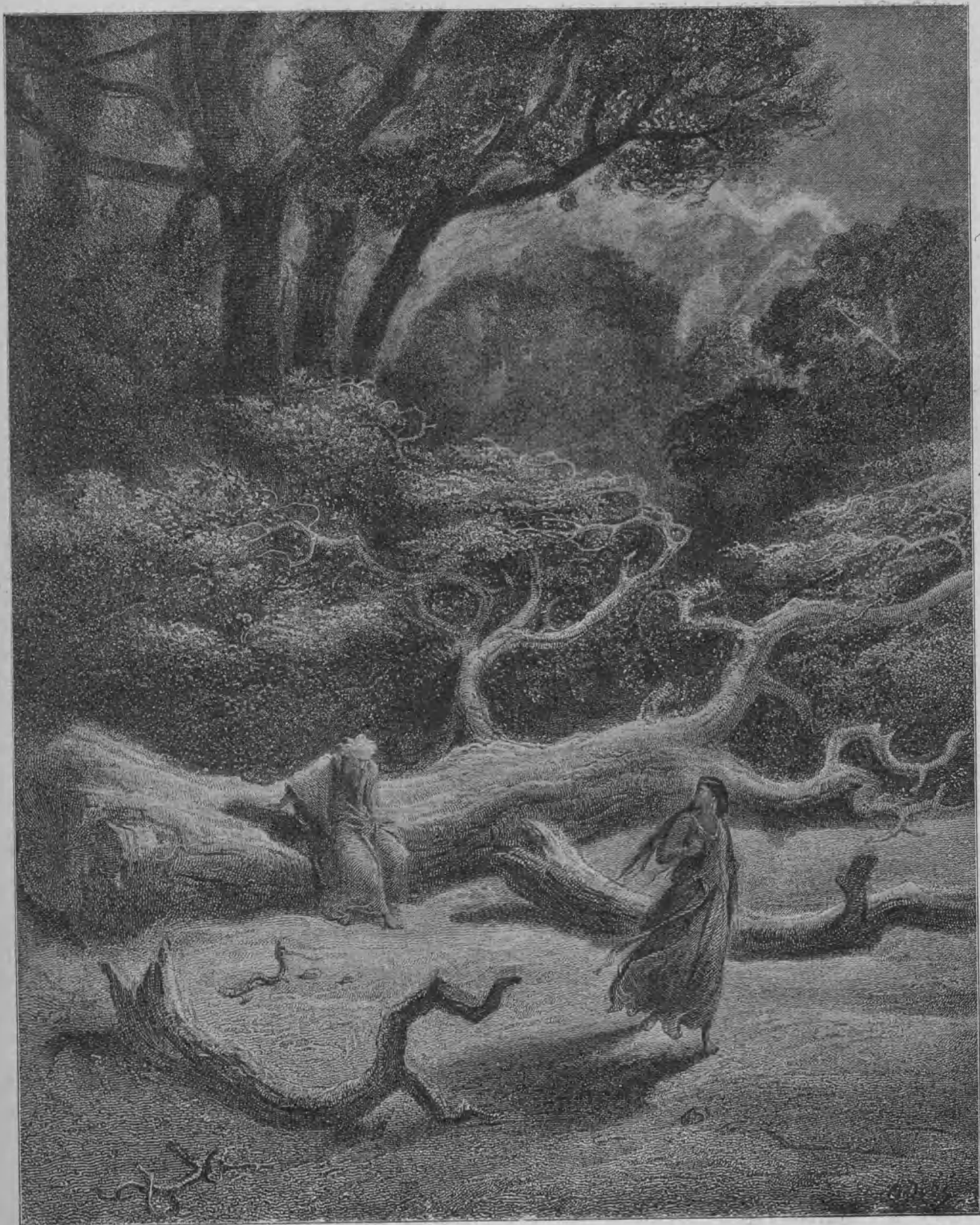
«Кто изъ всѣхъ живущихъ истину пойметъ?
Изъ великой бездны въ бездну онъ идетъ».

* * *

Когда-жъ турнира утро наступило
Съ дождемъ и вѣтромъ (искренно одними,
Другими-же въ насмѣшку, прозванъ былъ
Турниромъ онъ «Невинности Усопшей»),
Всталъ Ланселотъ, надъ чьею головою
Большой всю ночь, подобно хищнымъ птицамъ,
Артуровы слова кружились съ крикомъ.
По улицѣ, гдѣ бѣлый аксамитъ
Развѣшанъ былъ, вино въ фонтанахъ било,
И съ кубкомъ золотымъ сидѣли дѣти,
Онъ двинулся къ аренѣ для турнира
И, медленно поднявшись по ступенямъ,
Съ драконами двойными занялъ тронъ.

Поднявъ глаза, вокругъ на галлерей
Дѣвицъ и дамъ онъ въ бѣломъ увидалъ,
Надѣтомъ въ знакъ почтенія къ королевѣ
И памяти малютки непорочной.
На нѣсколькихъ изъ дамъ горѣли камни,
Какъ искорки на дѣвственномъ снѣгу.
Онъ поглядѣлъ — и вновь потупилъ взоры.

Тутъ, какъ во снѣ, онъ трубный звукъ услышалъ,
Затѣмъ вдали чуть слышно прогремѣлъ
Осенній громъ, и начались ристанья.
А вѣтеръ дулъ, смѣнялись мракъ и свѣтъ,
И подъ дождемъ желтѣющіе листья
Онъ съ порванными перьями кружилъ.
Вдыхая утомленно, какъ хозяинъ,
Что близъ огня потухшаго сидитъ,
Когда ушли всѣ гости дороге —
Судья великій молча возсѣдалъ.
И видѣлъ онъ, какъ правила турнира
Безстыдно нарушались, но молчалъ.
Тамъ сброшенный предъ самымъ трономъ рыцарь
Клялъ мертвое дитя и короля,
Тамъ порвались завязки у забрала,
И Мордера лукавый лисій обликъ
Предсталъ очамъ, какъ изъ норы червякъ.
Тутъ голосъ онъ услышалъ, походившій
На грохотъ волнъ: привѣтствие гремѣлъ
Онъ рыцарю, что вѣхалъ на арену —
Высокому, въ бронѣ отгѣнка листьевъ
И сотнею серебряныхъ оленей
Украшенной. Взамѣнъ герба носилъ онъ
Омелы вѣтвь, а на шитѣ имѣлъ
Онъ арфу, рогъ и шпору. Это былъ
Вернувшійся изъ-за моря Тристанъ,
Въ Бретани онъ женился на принцессѣ
Изольдѣ Бѣлолицой. Ланселотъ
Тристана зналъ, съ нимъ бился, а теперь
Онъ жаждалъ съ нимъ, хотя-бъ на смерть, сра-
зиться,
Чтобъ этимъ гнетъ душевный облегчить!
Могучими руками онъ вшивался

Воскликнувъ: — «Мнѣ онъ славу уступилъ!» —
И выкрикнувъ: — «Глупецъ!» — она изъ лѣсу,

Вдругъ кинулась бѣжать; сомкнулись вѣтви,
И эхо ей откликнулось: — «Глупецъ!» (Стр. 20.)

Въ драконовъ золоченыхъ по бокамъ;
Онъ застоналъ отъ гнѣва, увидавъ,
Какъ рыцари съ цвѣтами дамъ на шлемахъ
Отхлынули къ оградѣ предъ Тристаномъ
И съ шутками пустыми тамъ тѣснились,
Межъ тѣмъ какъ онъ шепталъ: — «Трусливый
Что за поворъ! Какую могутъ вѣру [родъ!
Имѣть къ вамъ тѣ, кому въ любви кланяетесь?
Нѣтъ, Круглаго Стола погибла слава!»

Такъ побѣдилъ Тристанъ, и Ланселотъ
Вручилъ ему камня, молвивъ только:
— «Ты побѣдилъ. Ты — самый непорочный!
Но, погляди, рука твоя красна!»
И раздраженъ небрежными словами,
Отвѣтилъ тотъ: — «За чѣмъ награду мнѣ
Бросаетъ ты, какъ кость собакъ жадной?
Таковъ капризъ твоей-же королевы,
Вѣдь, мужество и мощь, а что главнѣе:
Искусство, опытъ боевой — даруютъ
Побѣду намъ на играхъ королевскихъ.
Мнѣ на руку накапала съ копья
Кровь не моя, но, рыцарь именитый
И правая рука Артура въ битвахъ,
Мой славный братъ, не нами созданъ миръ!
Будь счастливъ ты съ твоею королевой
Прекрасною, какъ счастливъ я съ моею».

И на конѣ гарцующемъ объѣхалъ
Тристанъ вокругъ блестящей галлерей
И, наклонясь, безцеремонно молвилъ:
— «Красавицы! Для тѣхъ, кто любитъ васъ,
Тутъ каждая — царица красоты,
Нѣтъ лишь моей царицы красоты!»
И большинство молчало, но инья
Разгнѣвались; одна изъ дамъ сказала:
— «Нѣтъ болѣе учтивости!» — Другая:
— «Погибла слава Круглаго Стола!»
Тутъ хлынулъ дождь, повисли сразу перья,
Плащи прилипли къ тѣлу, раздались
Досады восклицанья, сѣрый день
Зашелъ среди дождя и утомленья.
Какая-то смуглянка съ рѣзкимъ смѣхомъ
Воскликнула: — «Святымъ благодаренье,
Что бѣлый день невинности прошелъ,
Хотя себѣ и подмочилъ онъ юбку.
Когда-бы цвѣлъ подсиѣжникъ круглый годъ —
То былъ-бы миръ унылымъ, какъ зимою.
Идемте! Королевы съ Ланселотомъ
Печальные глаза сейчасъ потѣшимъ
Отгѣнками всѣхъ полевыхъ цвѣтовъ!»

Какъ въ срединѣ лѣта на горахъ
Порою снѣгъ внезапно выпадаетъ
И бѣлою ложится пеленой
На красные цвѣты, покуда солнце
И вѣтерокъ ихъ не откроютъ взору,
Такъ сбросили и дамы бѣлый цвѣтъ,
Являсь во всѣхъ отгѣнкахъ муравы
И купола, и лютика, и мака,
И василька... Веселость ихъ была
Столь шумной на пиру, что королева,
Изумлена, турниромъ беззаконнымъ
Разгнѣвана, прервала ихъ забавы,
И удалилась медленно къ себѣ,
Но у нея въ груди тоска царяла.

IV.

А Дагонетъ на слѣдующій день
Передъ дворцомъ, откуда открывался

Осенній видъ, кружился, словно листъ.
Тристанъ спросилъ: — «Сэръ шутъ, чего ты ска-
чешь?»

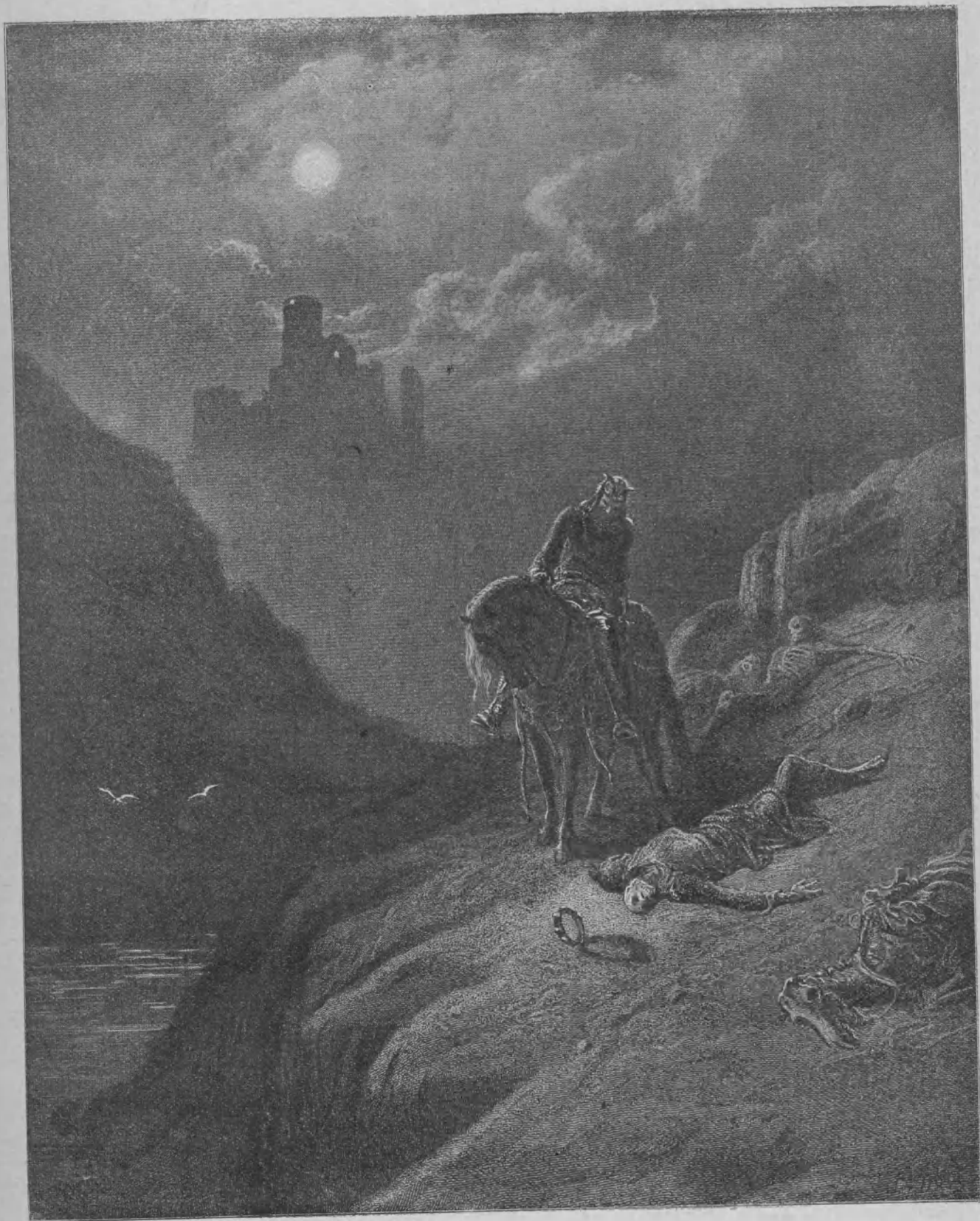
На пяткѣ повернувшись, Дагонетъ
Отвѣтилъ такъ: — «Скачу отъ недостатка
Я въ обществѣ разумномъ, можетъ быть,
И потому, что я — дуракъ и вижу,
Какъ миръ гнѣтъ изъ-за ума людского,
И, значить, я, какъ рыцарь, всѣхъ мудрѣй!»
Тристанъ сказалъ: — «Но что-жъ ты на-сухую
Безъ музыки отплясываешь, тутъ?»
Онъ сталъ брэнчать на арфѣ, но, покуда
Игралъ онъ, шутъ былъ такъ-же неподвиженъ,
Какъ близъ ручья журчащаго колода,
А кончилось брэнчанье — заплясалъ.
И на вопросъ: — «Что-жъ раньше не плясалъ ты?» —
Отвѣтилъ такъ: — «Пусть лучше двадцать лѣтъ
Въ ладъ пропляшу я музыкѣ нестройной
Моихъ мозговъ, но я скакать не стану
Подъ музыку нестройную твою!»
Тристанъ спросилъ, насмѣшки ожидая:
— «Чью музыку я такъ разстроилъ шутъ?»
И тотъ сказалъ: — «Артура короля.
Играя эту пѣсню предъ Изольдой,
Женѣ твоей, ея бретонской тезкѣ
Прекраснѣйшей, ты портишь тонъ въ игрѣ
И музыку Артура ты разстроилъ».
— «Будь музыка мозговъ твоихъ стройнѣй,
Сэръ шутъ, тебѣ я голову разбилъ-бы, —
Сказалъ Тристанъ, — пойми, я опоздалъ.
Окончились съ язычниками войны,
Духъ отлетѣлъ, въ пустую мы клялись.
Но я дуракъ, что съ дуракомъ толкую.
Сэръ Дагонетъ, ты кисель и брюждишь.
Прислушайся однимъ ослинымъ ухомъ,
И у меня найдешь ты вѣрный тонъ».

* * *
«Любовь свободна, какъ свободно поле.
Намъ любится, покуда есть любовь,
Но листъ увяль, и нѣтъ желаній болѣ.
Прошла зима — и листъ пробился вновь:
Съ весною новой расцвѣли на волѣ
Жизнь новая и новая любовь.
Любовь свободна, какъ свободно поле,
Намъ любится, покуда есть любовь».

* * *
Но пѣснѣ въ ладъ ты могъ-бы развернуться.
Ее сложилъ въ лѣсу я, эта пѣсня,
Какъ золото чистѣйшее, звучить».

Но Дагонетъ, взявъ ногу въ руку, молвилъ:
— «Другъ, видѣлъ ты: вино въ фонтанахъ било,
Но къ горькому концу, какъ съ долгой жизнью
Случается, пришло оно. Сидѣли
Тамъ съ чапами изъ золота (затѣмъ,
Чтобъ лить вино желающимъ) двѣнадцать
Дѣвиць-малютокъ, бѣлыхъ, какъ невинность.
Въ честь бѣднаго невиннаго ребенка,
Рубины чьи невинный нашъ король,
Принявъ изъ рукъ невинной королевы
Наградой здѣсь на турнирѣ слѣлалъ.
И вотъ одна изъ бѣленькихъ малютокъ
Мнѣ кубокъ свой дала, прошебетавъ:
— «Отвѣдайте, сэръ шутъ!» — Я выпилъ. Что-же?
Изъ золота былъ кубокъ, въ кубкѣ — грязь».

Тристанъ сказалъ: — «Грязнѣй-ли этихъ шутокъ?
Ужель въ тебѣ навѣки умеръ смѣхъ?
Вѣдь, рыцари смѣются надъ тобою!
Страшисъ Творца, чти короля — прелъ Богомъ

..... И голова
Отъ шеи отдѣлилась, а корона

Въ сѣяніи луны, какъ ручеекъ
Сверкающій, къ болоту покатилась.

(Стр. 2)

Единственнаго рыцаря, который
Хранить воеи обѣты. До меня
Здѣсь многіе тебя знавали: былъ ты
Грязнѣй трубы негодной, но когда
Тебя король пожаловалъ шутомъ,
То спѣсь въ тебѣ веселость умертвила,
Сталъ меньше ты, чѣмъ шутъ и чѣмъ свинья,
Ты — голое ничтожество. И все-же
Тебя свиньей считаю: предъ тобой,
Какъ передъ ней, сейчасъ металлъ я перлы».

Но Дагонетъ, своей ногой играя,
Отвѣтилъ: — «Рыцарь, если-бы рубины
Не ей, а мнѣ на шею ты повѣсилъ,
Тебя готовъ я музыкантомъ счесть,
Межъ тѣмъ, къ твоимъ я перламъ равнодушень.
Свинья? Пусть такъ! Валялся я и мылся;
Миръ — плоть и духъ, я очередь отбылъ
И даже сталъ философомъ. Хваленя
Творцу за то, что я — Артуровъ шутъ.
Ослы, козлы, бараны, свиньи, гуси,
Плясали всѣ подъ дудку музыканта —
Язычника игравшаго, какъ ты,
И лишь одинъ шутъ короля не пляшетъ».

Тристанъ сказалъ: — «Такъ, значить, свиньи, гуси,
Козлы, ослы — шута умѣе были:
Язычникъ-бардъ былъ мастеромъ такимъ,
Что музыкой жену изъ ада влзвалъ».

Отвѣтилъ шутъ, поднявшись на носки:
— «А ты свою въ геенну низвергаешь,
И съ ней — себя. Искусный музыкантъ,
Ты знаешь-ли на небесахъ свѣтило,
Которое зовутъ Артура арфой ¹⁾?»

— «Да, знаю, шутъ! когда король побѣды
Одерживалъ едва-ль не каждый день —
То рыцари, Артура имя слава,
Его среди созвѣздій помѣстили».

— «Да, — молвилъ шутъ, — когда-жъ свободной
стала

Страна у насъ, а королева — грѣшной, —
Чтобъ выказать свой умъ, вы принялись
Болтать о немъ, по праву-ль онъ король.
На той струнѣ играя, такъ далеко
Спустились вы дорогой князя тьмы,
Что начали надъ огненной пучиной
Вы клятвами, какъ камнями, швыряться.
Скажи теперь: ты видишь-ли звѣзду?»

Тристанъ сказалъ: — «При свѣтѣ дня не вижу». —
А Дагонетъ ему: — «И не увидишь!
Но вижу я и слышу: въ небесахъ
Гармоніей она звучитъ безмолвной.
И Артуръ, и ангелы ей внемлемъ
И подъ нее мы пляшемъ». — «Но, дуракъ, —
Воскликнулъ тотъ, — смѣешься ты? Иль видишь
Ты въ королѣ собрата-дурака?»

И Дагонетъ захопалъ тутъ въ ладоши:
— «Да, мой собратъ, король всѣхъ дураковъ,
Мнить о себѣ, что онъ способенъ дѣлать,
Какъ самъ Господь, шелкъ изъ щетины, фиги —

1) Арктуръ — желтовато-красная звѣзда первой величины, образующая съ звѣздами «Колосъ-Дѣва» и «Дене-
ллой» большой треугольникъ; находится въ созвѣздіи Во-
лосиса.

Изъ волчеча, изъ молочая — сливки,
Изъ жала — медь, а изъ скотовъ — людей.
Да здравствуетъ король надъ дураками!»

V.

И Дагонетъ бѣгомъ пустился въ городъ.
Среди аллей, что тихо увядали,
Тропинками глухими по лѣсамъ
Тристанъ, межъ тѣмъ, отправился на западъ.
Съ рубинами на шеѣ выплывало
Предъ нимъ лицо Изольды королевы,
Но каждый шумъ собою притуплялъ
Духовный взоръ и ко всему, что ходитъ,
Ползетъ, летаетъ зорче дѣлалъ глазъ.
И черезъ мигъ, какъ на водѣ, когда
Исчезнетъ рябь и снова отраженнымъ
Является въ ней образъ — передъ нимъ
Лицо ея всплывало, но оленій
Чуть видный слѣдъ, упавшее перо
Немедленно видѣнье прогоняли.

Такъ жѣлкій день среди полей онъ ѣхалъ,
Межъ изгородей длинныхъ. Наконецъ,
Темнѣющій на золотѣ долины
Увидѣлъ онъ изъ буковыхъ вѣтвей
Построенный и съ крышей на подставкахъ
Простой шалашъ, сплетенный для Изольды
Имъ въ лѣтній день, чтобъ отъ дождя укрыться.
И мысль его къ тѣмъ днямъ перенеслась,
Когда она жила съ нимъ цѣлый мѣсяцъ
Въ той хижинѣ, но корнваллійскій Маркъ,
Супругъ ея король, туда наѣхавъ
Со свитою въ отсутствіе Тристана,
Изольду взялъ, Тристанъ-же, опасаясь,
Что худшее грозитъ ей, чѣмъ позоръ,
Безмолвствовалъ, возмездіе готовя.

Заброшенный шалашъ такой отрадой
На рыцаря повѣялъ, что, войдя,
Онъ тамъ прилежъ на грудѣ желтыхъ листьевъ,
Навѣянныхъ Богъ вѣсть откуда вѣтромъ.
Но онъ не спалъ, раздумавши о томъ,
Какъ о своей женитбѣ половчѣе
Изольдѣ объявить? Въ глушь Тинтагиля
Извѣстье къ ней, быть можетъ, не дошло.
Но за море, когда они разстались,
Что увлекло его? Ужели имя?
Дочь короля бретонскаго Изольда,
«Изольда Бѣлорукая» — такъ звали
Ее въ странѣ! Сперва онъ очарованъ
Былъ именемъ, затѣмъ и королевной,
Что бѣлыми руками такъ умѣла
Служить ему, и такъ его любила,
Что онъ ее, казалось, полюбилъ,
И, съ легкимъ сердцемъ обвѣнчавшись съ нею,
Ее теперь покинулъ съ легкимъ сердцемъ.
Влекли его ирландскіе глаза
И черная коса съ отливомъ синимъ,
Немудрено, что, голову склоня
На желтую листву, сталъ грезить рыцарь.

Привидѣлось ему, что онъ, гуляя
По берегу бретонскому съ Изольдой
И молодой женою, ожерелье
Имъ показалъ. Онѣ бороться стали
Изъ-за него, и съ силою такой
Его къ себѣ тянула королева,
Что сдѣлалась рука ея красна.
Бретонка-же вскричала: — «Покраснѣла
Ея рука, то не рубины — кровь

Застывшая, растаяла она
Въ ея рукѣ, горячей отъ желаній...
Но данная тебѣ моя рука
Свѣжа, бѣла, какъ лепестокъ цвѣтка».
Тутъ раздался орлиныхъ крыльевъ шорохъ
И плакалъ духъ малютки отъ того,
Что на-двое сломалось ожерелье.

VI.

Таковъ былъ сонъ. Артуръ-же съ сотней ѣхалъ
Межъ камышей необозримыхъ, плесовъ,
Песчаныхъ острововъ, пока закатъ
Не осѣнилъ широкими крылами
Болотистыхъ равнинъ и не предсталъ
Увѣнчанный зубчатой башней замокъ
Съ открытыми дверями. Доносился
Оттуда шумъ разгула. На свободѣ
Среди болотъ, въ сообществѣ подругъ,
Безчинству тамъ гуляки предавались;
И пѣли пѣсни пьяныя. — «Смотрите!» —
Вскричалъ одинъ изъ юношей Артура.
На деревѣ засохшемъ передъ замкомъ
Висѣлъ одинъ изъ рыцарей Стола,
Былъ тутъ-же щитъ съ запекшеюся кровью
На черномъ полѣ, и виднѣлся рогъ.

И рыцари, при видѣ посрамленія
Шпоръ золотыхъ, разгнѣвались такъ сильно,
Что каждый въ щитъ ударить захотѣлъ
И затрубить, но, отстраня прочихъ,
Артуръ одинъ подѣхалъ. Рѣзкій звукъ
Чудовищнаго рога замутилъ
Болота гладь и вызвалъ бурю криковъ,
Колеблющихся перьевъ... Красный Рыцарь
Услышалъ звукъ, въ бронѣ кроваво-красной —
До кончика копья съ верхушки шлема —
Онъ выѣхалъ и крикнулъ королю:
— «Пасть адова да сокрушить тебя!
Вотъ онъ — король, но духомъ — низкій евнухъ,
Онъ мужество искореняетъ въ мѣрѣ
И славить женъ! Прокляте на тебя!
Убить былъ братъ любовницы моей
Здѣсь рыцаремъ твоимъ. Она визжала,
Подобная тебѣ-же малодушьемъ,
И поклялся тогда я адскимъ змѣемъ,
Что жалить на-смерть самого себя,
Повѣсить тѣхъ изъ рыцарей твоихъ,
Кого свалю я въ битвѣ. Государь — ты?
Такъ защищай-же собственную жизнь!»

Онъ смолкъ; Артуръ призналъ знакомымъ голосъ,
Черты лица почти скрывалъ наличникъ,
Но въ памяти вставало имя смутно.
Въ отвѣтъ ему Артуръ не удостоилъ
Извлечь меча иль вымолвить хоть слово,
Но пьяницѣ, когда съ мечомъ въ рукѣ
На стременахъ, теряя равновѣсье,
Тотъ поднялся, упасть онъ предоставилъ.
Какъ медленно вздымающийся гребень
Шумящихъ волнъ вдругъ падаетъ, и воды,
Разлившись на полмили, бѣлой пѣной
Среди песковъ сверкаютъ, испещренныхъ
Игрою свѣта луннаго и тучъ,
А вслѣдъ затѣмъ незримо убываютъ —
Такъ на лицо упалъ онъ тяжело,
А рыцари, слѣдившіе за нимъ,
Тутъ ринулись къ нему и съ дикимъ крикомъ
Лицо его ногами растоптали,
И, голову его купа въ лужѣ,
Грязнили въ пси. За криками не слыша

Словъ короля, они ворвались въ замокъ,
Гдѣ принялись рубить по пьянымъ лицамъ
Мужей и женъ — направо и налево,
Столы съ виномъ повсюду опрокинуть.
И дрогнули отъ женскихъ воплей своды,
Убитыми весь полъ усѣянъ былъ;
И, воплями на вопли отвѣчая,
Они зажгли осенней ночью замокъ.

Такъ сдѣлались дороги безопасны,
Но въ сердцѣ короля парила скорбь.

VII.

Когда Тристанъ проснулся — красный сонъ
Бѣжалъ отъ глазъ, и былъ предъ нимъ шалашъ,
Лѣсная глушь и вѣтеръ межъ листвою.
Тутъ посвисталъ онъ добраго коня,
Который тамъ подъ сводомъ лѣса пасся,
Вскочилъ въ сѣдло и далѣе поѣхалъ
Среди листовъ, что сыпались съ вѣтвей.
И, женщину въ тѣни креста увидѣвъ,
Спросилъ ее: — «О чемъ ты плачешь?» — «Ры-
царь, —

Отвѣтила она, — меня покинулъ
Мой мужъ иль нѣтъ въ живыхъ его!» — И онъ
Подумалъ такъ: «Что, если ненавидитъ?
Я не хотѣлъ-бы этого! А если
Она, какъ прежде, любитъ? Не хотѣлъ-бы
И этого. Чего хочу — не знаю!»
И женщинѣ отвѣтилъ онъ: — «Не плачь!
Вѣдь, если онъ, вернувшись, подурнѣвшей
Найдетъ тебя — навѣрное разлюбитъ!»

Такъ, день за днемъ, спѣшилъ онъ къ Лайонессу
И, наконецъ, въ ущельѣ межъ кустовъ
Лай Марковыхъ собакъ онъ услышалъ,
И у него онъ отозвался въ сердцѣ.
Но въ сторону свернулъ онъ къ Тинтагилю,
Что, башнями увѣнчанъ, половиной
Стоялъ одной на сушѣ, а другою —
Въ морскихъ волнахъ.

Сидѣла у окна

Въ сіяніи заката, озарявшемъ
Ея волосы и шею красоту,
Изольда королева. Услыхавъ
По каменнымъ ступенямъ, ведущимъ въ башню,
Шаги Тристана, вспыхнула она,
Вдругъ поднялась и бѣлыми руками
Она его при входѣ обняла.
— «Не Маркъ, не Маркъ, моей душой клянуся!
Я по шагамъ услышала: не Маркъ!
Онъ крадется въ свой замокъ, словно кошка;
Какъ воинъ, ты къ нему въ жилище входишь,
Хотя ему ты столь-же ненавистенъ,
Какъ мнѣ онъ самъ смертельно ненавистенъ!
Я ненависть почувствовала къ Марку
Еще сильнѣй и поняла: ты близко!»

— «Я здѣсь, — Тристанъ отвѣтилъ, улыбаясь, —
Что намъ твой Маркъ, коль скоро онъ — не твой?»
И, отступивъ на шагъ, она сказала:
— «Возможно-ли тому наместъ обиду,
Кто самъ себя не признаетъ? Когда-бы
Не страхъ его передъ тобой — меня
Избилъ-бы, исцарапалъ, ослѣпилъ
Иль какъ-нибудь мой Маркъ обезобразилъ!
Какія-же права его, коль скоро
Не смѣетъ онъ въ защиту ихъ сразиться,
Хотя-бъ меня съ тобою онъ засталъ?
Но подожди, ты съ нимъ не повстрѣчался?

Онъ на три дня охотиться поѣхалъ!
Такъ онъ сказалъ, а, можетъ быть, вернется
И черезъ часъ — таковъ обычай Марка.
Но съ нимъ не ѣшь: еще сильнѣе страха
Въ немъ ненависть къ тебѣ, и съ нимъ не пей.
Дорогою въ лѣсу спускай забрало,
Чтобъ вылетѣвъ стрѣла не поразила
Тебя изъ-за куста, меня оставивъ
Наединѣ съ геенною и Маркомъ.
О, Боже, мѣра ненависти къ Марку
Равняется моей любви къ тебѣ!»

Волнуема любовью и враждою,
Безъ силъ она на мѣсто опустилась
И молвила Тристану, передъ ней
Склонившему колѣна: — «О, ловець,
Трубящій въ рогъ, и музыкантъ на арфѣ,
А также и пираты! До моего
Вступленья въ бракъ съ презрѣннымъ королемъ
Вы оба съ нимъ дрались изъ-за невѣсты,
Забыла — чьей... Желанная награда,
Когда ее наградою сочтемъ,
Твоею стала. Съ той поры стремится
Измѣной онъ тебя сгубить. Но, рыцарь,
Скажите мнѣ: передъ какой дѣвицей
Иль дамою склоняли вы колѣна
Въ послѣдній разъ?»

— «Передъ моей верховной
Владычицей — въ послѣдній разъ, и снова —
Передъ моей царицею любви
И красоты. Она — прекраснѣйшій нынѣ,
Чѣмъ въ дни, когда, Ирландію покинувъ,
Здѣсь на берегъ ступила ножкой нѣжной».

Изольда тихо засмѣялась. — «Лъстець!
Я въ красотѣ великой королевѣ
Не трижды-ль уступаю?» Онъ сказалъ:
— «Ея краса останется при ней,
Твоя-же — при тебѣ. И мнѣ милѣе
Твоя краса, что нѣжности и ласки
Исполнена (когда не говоришь
О Маркѣ ты — ея нѣжнѣй не знаю).
Междъ тѣмъ, она горда и съ Ланселотомъ.
Такъ грустенъ онъ, что можно усомниться,
Воистину-ль дарить его любовью
Своею королева?» Тутъ Изольда
Воскликнула: — «Тогда, охотникъ лживый
И музыкантъ, заставивъ меня
Нарушить узы брака, почему
Ты звалъ меня своею бѣлой ланью
И говорилъ, что если согрѣшила
Она предъ тѣмъ, кто выше всѣхъ людей,
То передъ тѣмъ, кто ниже всѣхъ и съ кѣмъ
Я связана я погрѣшу едва-ли!»

Отвѣтилъ онъ: — «Любовь моя, утѣшись!
Когда грѣшить на-помочахъ намъ сладко,
И если мы грѣшимъ — намъ есть порука
Верховная за нашъ верховный грѣхъ,
Дарующій намъ счастье. Но встрѣчаешь
Ты какъ меня? Сомнѣнья, страхъ... Ни слова
Изъ повѣсти желанной о сердечной
Тоскѣ твоей въ отсутствіе Тристана
И сладостныхъ о немъ воспоминаньяхъ».

Воскликнула Изольда, омрачась:
— «Я въ радости великой все забыла.
Стремилась-ли тебя увидѣть? Да!
За часомъ — часъ, тутъ въ безконечный вечеръ.
Но сладостнѣй моихъ воспоминаній,

И по тебѣ моей печали глубже —
Казалось мнѣ катящееся вдаль,
Улыбкою сіяющее море,
Когда его я съ башни наблюдала.
И вынеси оно передъ Изольдой
Бретонскою британскую Изольду —
Остылъ-ли-бы вашъ брачный поцѣлуй?
Ты обвинчался съ нею? Ты сражался
Въ бояхъ отца ея и раненъ былъ?
Король тебя благодарилъ, она-же,
Которая зовется «бѣлорукой»,
Какъ я сама, уврачевала сердце
Твое и рану лаской и бальзамомъ.
Она тебя узнала, и какого
Зла большого могу ей пожелать?
Вѣдь, и ее оставилъ ты терзаться
Воспоминаньемъ сладостнымъ. Не будь
Женою Марка я, передъ которымъ
Всѣ люди благородны, — ненавиждѣть
Тебя скорѣй я стала-бъ, чѣмъ любить!»

VIII.

И, бѣлыхъ рукъ ея не выпуская,
Тристанъ сказалъ: — «Прости ей, королева,
Любима ты, она меня любила.
Любилъ-ли я? Мнѣ любо имя было.
Изольда! Я сражался для Изольды!
Звѣздою мнѣ во тѣмѣ была Изольда!
Мракъ побѣжденъ былъ именемъ «Изольда»!
Забудь ее! кротка, съ холодной кровью
И набожна — она предастся Богу!»

Отвѣтила Изольда: — «Почему-жъ
Не я скорѣй? Я больше въ томъ нуждаюсь.
Я не кротка и не съ холодной кровью,
Не набожна. Послушай, ночью темной
Я лѣтомъ здѣсь сидѣла одиноко
Въ мечтахъ и думахъ о тебѣ. Порой
Я пѣсенку твою чуть слышно пѣла
И дважды имя я произнесла.
Вдругъ близъ меня зажегся сѣрный факель,
И въ пламени зеленоватого-синемъ
Злой духъ предсталъ — таковъ обычай Марка:
Изъ сумрака подкрался незамѣтно.
И Маркъ былъ здѣсь. «Женился онъ на ней!» —
Онъ не сказалъ, а прошипѣлъ. И грохотъ
Потрясъ такой высокихъ башенъ сводъ,
Что я во тѣмѣ упала безъ сознанья,
И, пробудясь въ такой-же тѣмѣ, сказала:
«Я убѣгу и Господу предамся!
А ты лежалъ въ объятяхъ любви!»

Тристанъ сказалъ, ея рукой играя:
— «Любовь моя, съ тобой Господь да будетъ,
Когда сѣдой и старой будешь ты
И чуждою желаній!»

Это слово
Разгнѣвало ее: — «Господь со мной,
Когда стара и не желанна буду?
Нѣтъ, я теперь нуждаюсь въ Немъ! Когда-же
Хотя-бъ неряхѣ, что пасетъ свиней,
Могъ Ланселотъ сказать такую грубость?
Чѣмъ знаменитѣй рыцарь, тѣмъ учтивѣй!
Но ты, возясь лишь съ дикими звѣрями,
Когда съ тобой нѣтъ арфы иль копыя,
Самъ звѣремъ сталъ. Какъ, будучи моимъ,
Ты мысленно отталкивать дерзаетъ
Меня на разстояніе полжизни,
Въ даль сѣрую и чуждую любви?
Слова свои подъ клятвой опровергни!

..... Наконецъ,
Онъ путь едва протоптанный увидѣлъ
Черезъ долину къ замку Астолать,

Тянувшійся, какъ звеня; на востокъ
Въ сіяніи съ холма виднѣлись башни.
Онъ поспѣшилъ туда...

О, лучше льсти! Я такъ разбита Маркомъ
И полнымъ одиночествомъ, твоею
Женитьбою, моимъ постылымъ бракомъ,
Что ложь твою, какъ сладкое вино,
Я стану пить. Солги мнѣ — я повѣрю.
Не хочешь лгать, поклясться на колѣнахъ
Торжественно, какъ ты клялся ему:
Первѣйшему среди людей, Артуру?
Не въ клятвахъ-ли была и сила ваша,
Покуда вѣра въ короля жила?
Тѣ, что клялись, не нарушали клятвъ,
И силой ихъ король устроилъ царство
И одолѣлъ враговъ. Клянись, что станешь
Меня любить отцвѣтшей для желаній,
Съдою, старой, впадшею въ тоску!»

Онъ зашагалъ и хмуро молвилъ: — «Клятвы?
Ты лучше-ли обѣтъ хранила брачный,
Чѣмъ я свой? Ты во лжи меня винишь?
Но знай: обѣтъ, которымъ слишкомъ крѣпко
Мы связаны — онъ самъ собою рвется,
А порванный — сильнѣй гнететъ онъ душу,
Чѣмъ если-бы мы вовсе не клялись.
Я больше не даю обѣтовъ. Клялся
Я королю, и я — клятвопреступникъ,
Такъ какъ въ быломъ высоко чтить его.
«И вправду-ли онъ — смертный?» думалъ я,
Когда, прибывъ изъ дебрей Лайонесса,
Увидѣлъ я того, кто побѣдилъ
Язычниковъ, сидящимъ на престолѣ.
Похожее на горный снѣгъ чело,
Увѣнчано кудрями, словно солнцемъ,
И синіе глаза съ отливомъ стали,
И золотая борода, сіяньемъ
Облекшая уста его, а также
И странная его рожденья повѣсть
Съ пророчествомъ Мерлина о кончинѣ
Таинственной — всѣмъ былъ я пораженъ.
Его нога стояла на скамьѣ,
Имѣвшей видъ дракона. Мнѣ казалось:
Не смертный онъ, но Михаилъ, повергшій
Въ прахъ Сатану, и клятву, пораженный,
Я произнесъ. Но все минуло. Клятвы —
О, дивное безуміе на часъ! —
Ко времени намъ службу сослужили.
Вѣдь, болѣе великимъ каждый рыцарь
Считалъ себя, чѣмъ онъ на дѣлѣ былъ,
А короля считали всѣ за Бога,
И, возвеличенъ всѣми, онъ вознесся
Самъ надъ собой, свершивъ дѣла такіа,
Какихъ-бы онъ иначе не свершилъ, —
И царство основалось. Но позднѣй,
Особенно съ паденья королевы,
Обѣтами всѣ стали тяготиться
И спрашивать себя: какое право
Имѣлъ Артуръ ихъ связывать съ собой?
Посланецъ-ли небесъ онъ, или безднъ?
Слѣдовъ его рожденья не нашлося
Въ крови и плоти древнихъ королей.
Такъ кто-же онъ? Сомнительный король,
Связавшій насъ обѣтомъ неразрывнымъ?
Но кровь и плоть порвать его стремятся
Насильственно. Коснишь руки моей:
Отъ вольнаго простора и охоты
Кровь алая въ ней бѣлетъ ключемъ. Ужели
Малюткою невинной можетъ сдѣлать
Меня Артуръ, языкъ мнѣ приковать,
Чтобъ отвѣчать свободно я не могъ
На то, что самъ я слышу невозбранно?
Связать себя съ одною? Посмѣется

Надъ этимъ весь широкой Божій міръ,
А міру я принадлежу и знаю:
Сдѣлющій до времени — готовить
Себѣ конецъ. Не ангелы мы всѣ
И никогда не будемъ ими. Клятвы?
Я — лѣсовикъ и слышалъ, какъ дрозды
Надъ клятвами смѣются. Лишь покуда
Намъ любитса — мы любимъ, потому
Такъ велика моя любовь къ тебѣ,
Что держится она одной любовью!»

И, замолчавъ, онъ подошелъ къ Изольдѣ.
Отвѣтила она: — «Ну, хорошо!
А если я любовь мою отдамъ
Учтивѣйшему рыцарю: учтивость
Не менѣе, чѣмъ храбрость, побѣждаетъ,
А кто въ себѣ соединяетъ обѣ,
Тотъ — совершенство. Это — Ланселотъ,
Красивѣй онъ тебя и выше ростомъ
И если-бы, твоимъ словамъ согласно:
«Люби, покуда можешь!» — полюбила
Я рыцаря изъ рыцарей — на это
Что скажешь ты?»

IX.

Во время словъ ея,
О цѣнномъ дарѣ думая, до горла
Прекраснаго и теплаго шутиливо
Дотронулся онъ пальцемъ и сказалъ:
— «Замкни его, любовь моя, покуда...
Я голоденъ, готовъ я злиться... Мяса!
Вина, вина! И я готовъ до смерти
Любить тебя, и тамъ — въ загробномъ снѣ!»

Согласіе межъ ними водворилось,
И принесла всего ему она,
Что онъ желалъ, когда-жъ виномъ и мясомъ
Насытилась ихъ плоть, а ихъ сердца —
Разказами о раѣ ихъ лѣсномъ,
Росѣ, лугахъ, ручьяхъ, оленяхъ, травахъ,
Насмѣшками надъ Маркомъ: надъ его
Нескладностью, трусливою замашкой
И длинными ногами журавля —
Тристанъ, смѣясь, взялъ арфу и запѣлъ:

Гей! Ходить вѣтеръ, вѣтви нагибая!
Гей! Звѣзда въ ла ури и звѣзда въ водѣ!
Гей, гей, о, гей! Я тянусь къ звѣздѣ!

И одна — далеко, но близка — другая.
Гей! Ходить вѣтеръ, травы нагибая!
Блещутъ водяная съ огненной звѣздой.
И одна померкнетъ, но горитъ другая.
Гей, гей, о, гей! Вѣтеръ надъ водой!»

Затѣмъ Тристанъ въ сіяньѣ дня прощальномъ
Ей показалъ рубиновый уборъ.
— «Цѣпь ордена! — воскликнула она, —
Который нашимъ королемъ основанъ *),
Любовь моя, для одного тебя
Съ тѣмъ, чтобъ тебя межъ равныхъ возвеличить!»

— «Нѣтъ, королева, — молвилъ онъ, — не это,
Съ таинственнаго дуба красный плодъ.
Тристану онъ достался на турнирѣ,
И привезенъ тебѣ, какъ даръ послѣдній
Его любви и примиренья даръ!»

*) Т. е., «Усопшей невинности».

«Повѣдайте-же намъ, въ елуши живущимъ,
О войнахъ короля!» — И Ланселотъ
Все разсказалъ подробно.

(Стр. 23.)

Онъ ей надѣлъ на шею ожерелье
И произнесъ: — «Твой орденъ, королева!»
Когда-же онъ поцѣловать нагнулся
Рубинами украшенную шею —
Изъ сумрака въ тотъ самый мигъ, когда
Уста его ея касались, сзади
Подкралась тѣнь... — «Таковъ обычай Марка!» —
Промолвилъ Маркъ и поразилъ его.

Въ ту ночь Артуръ вернулся изъ похода.
Покуда онъ въ глухой туманной мглѣ
По лѣстницѣ на башню поднимался,
И, поглядѣвъ, увидѣлъ, что темно
Въ покояхъ королевы, онъ рыданье
У ногъ своихъ услышалъ, и спросилъ:
— «Кто ты?» — и тутъ ему отвѣтилъ голосъ
Рыдающій: — «Твой шутъ! Но у тебя
Я болѣе не вызову улыбки!»

Джиневра.

Королева Джиневра покинула короля Артура и укрылась в монастырь в Амсбюри. Виною тому племянник Артура, сын принцессы Беллисанды, коварный Модредь, добывавший престол (см. поэму «Вступленіе Артура»). Онъ возненавидѣлъ рыцаря Ланселота. Однажды, подсматривая за королевой Джиневрой, Модредь взобрался на стѣну и съ нея увидѣлъ Джиневру съ ея придворными дамами, Энитою и Вивіаною (см. поэму «Вивіана»). Ланселотъ, не узнавшій Модреда, сбросилъ его со стѣны, что и стало причиною къ нему ненависти послѣдняго. Королева, узнавъ объ этомъ случаѣ, рѣшила разстаться съ Ланселотомъ, и они сошлись на прощальномъ свиданьи. Модредь подсмотрѣлъ эту встрѣчу и поднялъ тревогу. Ланселотъ успѣлъ спасти Джиневру, но преступная связь ихъ была обнаружена. Джиневра, укрывшаяся в Амсбюри, гдѣ не знаютъ, кто — она, жестоко мучится угрызениями совѣсти. Она знаетъ, что оскорбленный король Артуръ пошелъ войною на Ланселота и былъ побѣжденъ послѣднимъ; въ его отсутствіе Модредь съ помощью язычниковъ завладѣваетъ престоломъ. Муки совѣсти, испытываемыя Джиневрой, усугубляются тѣмъ, что представленная къ ней дѣвушка-служанка постоянно говоритъ о королевѣ, какъ о виновницѣ всѣхъ бѣдствій, постигшихъ страну. Въ одну ночь, когда Джиневра особенно мучилась угрызениями совѣсти, является въ монастырь король Артуръ. Онъ мягко упрекаетъ Джиневру, прощаетъ ее, какъ человѣкъ, и объявляетъ, что идетъ въ послѣдній бой съ полчищами Модреда, причемъ дѣлаетъ намекъ, что изъ этого боя онъ уже не вернется. Джиневра раскаивается и остается въ монастырь, дабы искупить свой грѣхъ. Она умираетъ настоятельницею обители.

I.

ПОКИНУВЪ дворъ, бѣжала королева
И въ Амсбюри, въ обители, сидѣла
Въ слезахъ; при ней лишь дѣвочка была
Изъ послушницъ. Свѣча горѣла тускло
Въ туманной мглѣ, затѣмъ, что бѣлой
мглою —

Хотя и въ полнолуны это было —
Лежалъ туманъ на мертвенной землѣ,
Какъ на лицѣ — покровъ, но было тихо.

Бѣжать сюда ее принудилъ Модредь,
Ближайшій къ королю, его племянникъ;
Какъ хищный звѣрь, всегда къ прыжку готовый,
Глазъ не сводя съ престола, онъ лежалъ
У случая на-стражѣ. Съ этой цѣлью
На похвалы народа королю
Онъ отвѣчалъ насмѣшливой улыбкой.
Водясь съ вождями Бѣлаго Коня *),
Съ языческимъ отродьемъ, онъ пытался
Посѣять рознь и Круглый Столъ Артура
Въ междоусобныхъ войнахъ раздробить,
Осуществивъ свой замыселъ коварный,
И ненавистью сильной къ Ланселоту
Обострены его стремленья были.

Случилось такъ, что поутру, когда,
По случаю прогулки майской, дворъ,
Одѣтый весь въ зеленое, вернулся
И Модредь былъ еще въ зеленомъ платьѣ,
Онъ въ чайнѣ найти для толковъ пищу
На самый верхъ стѣны садовой взлѣзъ
И увидалъ Джиневру между лучшей
И худшею изъ дамъ ея двора:
Энитою и Вивіаною. Только
И видѣлъ онъ: сэръ Ланселотъ замѣтилъ
Его въ листвѣ; какъ гусеницъ зеленыхъ
Спѣшитъ стряхнуть съ капусты садоводъ,
Такъ со стѣны, изъ-подъ листы цвѣтущей,
Сташилъ его за пятку Ланселотъ,

*) Бѣлый Конь былъ въ Арконѣ на островѣ Рюгенѣ у славянъ-венедовъ, поклонявшихся божеству силы и плодородія — Святовиту.

И, какъ червя, онъ сбросилъ на дорогу.
Когда-жъ узнать подъ слоємъ пыли принца —
Кровь короля въ зломъ человѣкѣ чтя,
По-рыцарски и безъ слѣда насмѣшки,
Принесъ онъ извиненія. Насмѣшка
Была чужда изъ рыцарей славнѣйшимъ.
Ее въ хромомъ горбатомъ человѣкѣ
Всѣ тѣ, кого Господь прямыми создалъ,
Частицею уродства признавали,
И на нее король и Круглый Столъ
Отвѣтъ давали мягкой. Ланселотъ
Помогъ подняться принцу, при паденьѣ
Разбившему себѣ колѣна дважды.
Тотъ поднялся съ улыбкой и прошелъ,
Но съ той поры его обида грызла
И сердце въ немъ мutila, словно вѣтеръ,
Вокругъ камней въ прудѣ мутящей воду,
На берегу пустынномъ.

Королевѣ

Когда сказалъ объ этомъ Ланселотъ,
Она сперва безпечно размѣялась,
Себѣ представивъ Модреда въ пыли,
Но вздрогнула затѣмъ, какъ поселанка,
Которой показалось, что прошелъ
По будущей ея могилѣ кто-то.
И размѣялась вновь она, но тише.
Предвидѣла она, что грѣхъ ея
Онъ выслѣдитъ, какъ звѣря, и откроетъ,
Съ тѣмъ, чтобъ навѣкъ предать ее позору.
И, во дворцѣ съ тѣхъ поръ его встрѣчая,
Въ другихъ мѣстахъ — съ трудомъ она могла
Переносить улыбку лицемѣра
И хитрый взглядъ, и узкій лисій обликъ.
И съ той поры тѣ силы, что хранятъ
Безсмертный духъ отъ гибели и въ крайней
Опасности спасаютъ, принялись
Терзать ее и мучить, и часами,
Пока во снѣ король дышалъ спокойно,
Въ глухую ночь мерещились ей лица
Ужасныя, иль не давалъ заснуть
Необъяснимый смутный страхъ, похожій
На тотъ, какой испытываетъ сторожъ,
Услышавъ стукъ дверей въ проклятомъ домѣ,
Гдѣ на стѣнахъ убійства виденъ слѣдъ.

А если засыпала — снился ей
Зловѣщій сонъ: какъ-будто-бы стояла
Она среди равнины въ часъ заката,
И призрачное нѣчто, отдѣлившись
Отъ солнца, къ ней направилось и тѣною
Ея своей коснулось... Обернулась
Она тогда, и видитъ: тѣнь ея
Чернѣя, разрастаясь, охватила
Собою цѣлый край, и города
Пылаютъ въ ней... Она проснулась съ крикомъ.
Тревога въ ней расла, не проходя,
Покуда свѣтлый государя обликъ,
Привѣтливый семейный обиходъ
Не стали ей проклятіемъ казаться,
И, наконецъ, такъ молвила она:
— «О, Ланселотъ, въ свой край ты удались!
Останешься — видаться будемъ снова,
А свидимся — несчастный случай можетъ
Позоръ, подъ непломъ тлѣющей, раздуть
Передъ людьми и государемъ нашимъ».
Онъ обѣщалъ, но медлить, и они
Попрежнему видались. И тогда
Она опять сказала Ланселоту:
— «Когда меня ты любишь — уѣзжай!»

И вотъ они условились, что ночью,
Пока Артуръ не будетъ во дворцѣ,
Увидятся они въ послѣдній разъ.
И, встрѣтившись, глазъ не сводя другъ съ друга,
Рука съ рукою, отъ муки поблѣднѣвъ,
Въ молчаніи на ложѣ королевы
Они сидѣли съ краю. Это былъ
Послѣдній часъ — безумное прощанье.
У башни той свидѣтелями Модредъ
Внизу людей поставилъ и воскликнулъ:
— «Попался ты, предатель! Выходи!»
Подобно льву, тутъ Ланселотъ воспрянулъ,
И, выбѣжавъ, внизъ головою сбросилъ
Онъ Модреда, который, оглушенъ,
Былъ унесенъ своими. Все затихло.
— «Пришелъ конецъ, и мнѣ — позоръ на вѣкъ!» —
Промолвила она, и онъ отвѣтилъ:
— «На мнѣ — позоръ, и грѣхъ — на мнѣ. Но
встань,

Бѣги въ мой замокъ за моремъ. Укрою
Тебя я въ немъ, покуда буду живъ,
И отстою отъ всѣхъ цѣною жизни!»
— «Меня отъ всѣхъ ты хочешь отстоять?
Нѣтъ, другъ, съ тобой навѣки мы простились.
Дай мнѣ, Господь, укрыться отъ себя!
На мнѣ — позоръ: вѣдь, я была женою,
Ты — холостымъ. Но встань, бѣжимъ отсюда,
Я удалюсь въ обитель и конца
Тамъ буду ждать».

Коня привелъ ей рыцарь,

Онъ посадилъ ее и самъ вскочилъ
На своего. Въ слезахъ у перекрестка
Они, обнявъ другъ друга, распростились.
Послѣднему ея желанью вѣренъ,
Въ свои края поѣхалъ онъ; Джиневра,
Междъ тѣмъ, всю ночь скакала въ Амсбюри,
При свѣтѣ звѣздъ, по дебрямъ и равнинамъ,
И мнилось ей: равнинъ и дебрей духи
За ней гнались со стономъ, и звучало
Въ душѣ ея со стономъ: «поздно! поздно!»
Пока съ холоднымъ вѣтромъ предразсвѣтнымъ
Не поднялся, подобно точкѣ, въ небѣ
И не закаркалъ воронъ. И она
Подумала: «Онъ чуетъ поле брани.
Язычники отъ сѣвернаго моря,

Привлечены распушенностью нравовъ
Придворною, уже спѣшать сюда:
Губить народъ и землю разорять».

II.

Достигнувъ Амсбюри, она сказала
Монахинямъ: — «Врагами я гонима,
И мнѣ пріютъ, святяги сестры, дайте,
Но имени не спрашивайте вы
У той, кого укроете, покуда
Часъ не придетъ открыть его». И сестры,
Плѣняясь ея красою и величьемъ,
Разспрашивать не стали. Королева
Въ теченіе недѣль жила у нихъ
Не узнана, не видя никого
И не назвавъ себя. Томима горемъ,
Духовнику она не открывалась,
И дѣвушку одну къ себѣ пускала,
Которая безпечной болтовней
Ее порой въ печали развлекала.
Но въ эту ночь распространились слухи,
Что овладѣлъ, язычниковъ призвавший,
Престоломъ принцъ, пока на Ланселота
Ходилъ король войною. И, подумавъ:
«Какъ я должна быть ненавистна людямъ
И королю!» — на сложенные руки
Она лицомъ въ молчаніи поникла...
Но дѣвушка, молчанья не терпя,
Прервала вдругъ ее словами: — «Поздно!
Который часъ?» Не получивъ отвѣта,
Вполголоса она заплѣла пѣсню,
Которую пѣвали сестры: «Поздно!».
Прислушавшись, взглянула королева
И молвила: — «Когда желаешь — пой;
Пусть сердца гнетъ я облегу слезами!»
И дѣвочка съ охотою заплѣла:

* * *
«Поздно! Сумракъ ночи грозенъ и глубокъ.
Поздно! Мы стремимся въ свадебный чертогъ».
— «Поздно! Слишкомъ поздно! Затворилась
дверь».

* * *
«Поздно! Мы не взяли факеловъ своихъ,
Поздно! Но, быть можетъ, сжалится Женихъ?»
— «Поздно! Слишкомъ поздно! Не войти теперь!»

* * *
«Поздно! Свѣтъ затмился. Изъ холодной тьмы
Къ радостному свѣту тщетно рвемся мы!»
— «Поздно! Слишкомъ поздно! Затворилась
дверь!»

* * *
«Къ Жениху въ чертоги входъ откройте намъ:
Мы съ любовью жаждемъ пасть къ Его ногамъ».
— «Поздно! Слишкомъ поздно! Не войти теперь!»

* * *
Такъ послушница пѣла, между тѣмъ
Какъ на руки поникла головою
И плакала Джиневра, вспоминая
Что думалось ей ночью по прибытьѣ.
И дѣвушка заговорила вновь:
— «О, леди благородная, не плачьте!
Я такъ юна, что только послушанье
И знаю я (не то меня накажутъ),
Но пусть мои слова утѣшатъ васъ.
Источникъ вашихъ слезъ — не злое дѣло;
Убѣждена я въ томъ со всѣми вмѣстѣ,
Кто видитъ вашу прелесть и красу.
Сравните-же страданья ваши съ горемъ,
Постигшимъ короля и государя:
Они того покажутся вамъ легче.

На крѣпкій замокъ онъ пошелъ войной,
Гдѣ Ланселотъ скрываетъ королеву,
А Модредъ, тотъ, кому престолъ онъ ввѣрилъ,
Измѣнникъ злой... Ахъ, леди, о себѣ
Печаль его, о королевѣ грѣшной,
О царствѣ всемъ — не трижды-ль тяжелѣе
Всѣхъ нашихъ мукъ? И что меня самой
Касается — благодарю святыхъ
За то, что я не изъ великихъ міра.
Случись бѣда, поплачу втихомолку,
И кончено: отъ слезъ мнѣ легче станеть.
Но, если-бъ даже горе малыхъ было
Такъ велико, какъ и великихъ горе,
Послѣднихъ горе больше отъ того,
Что, какъ они къ покою ни стремятся,
Но втайнѣ имъ нельзя свободно плакать.
Здѣсь, въ Амсбюри, о добромъ королѣ
И королевѣ злой толкуютъ сестры.
Будь я король, имѣй жену такую —
Я грѣхъ ея желала-бъ также скрыть,
Но, будь я королемъ — скрыть не могла-бы!

Подумала съ тоскою королева:
«Ужель дитя убить меня желаетъ
Безхитростною рѣчью?» — и сказала:
— «Когда низвергъ измѣнникъ короля,
Я не должна-ль скорбѣть со всѣмъ народомъ?»

— «Да, — дѣвушка сказала, — сокрушаться
Всѣмъ женщинамъ приходится о томъ,
Что въ Круглый Столъ внесла жена раздоры.
Среди чудесъ и знаменій, Артуромъ
Онъ ранѣе прибытыя королевы
За много лѣтъ основанъ въ Камелотѣ».

И про себя сказала королева:
«Ужель дитя убить меня желаетъ
Безумной болтовнею?» — и сказала:
— «Заключена въ стѣнахъ монастыря,
Что знаешь ты, дитя, о короляхъ,
О рыцаряхъ Стола, видѣньяхъ чудныхъ,
За исключеньемъ тѣхъ простыхъ чудесъ,
Которыя въ обители творятся?»

И дѣвушка поспѣшно отвѣчала:
— «Нѣтъ, знаю! До прибытыя королевы
Здѣсь знаменья и чудеса творились.
Такъ, отъ отца я слышала, который
Былъ рыцаремъ Стола съ дня основанья.
Когда изъ Лайонесса ѣхалъ онъ
Черезъ часть иль два по захожденъ солнца,
Онъ музыку чудесную услышалъ;
Остановясь и осмотрѣвшись, онъ
Вдоль пелосы береговой пустынной
Увидѣлъ ихъ — увѣнчанныхъ звѣздою,
Съ опнемъ у ногъ — далеко пламенѣвшихъ
Отъ мыса къ мысу, до предѣловъ тѣхъ,
Гдѣ сердце края западнаго. Въ блескѣ
Тамъ бѣлыя купались русалки;
Подобія мужей изъ волнъ вставали
И рѣзкій крикъ ихъ землю оглашала,
И вторили долинъ, ущелій эльфы
Имъ откликомъ, звучащимъ, какъ рожокъ...
Еще отецъ рассказывалъ, что утромъ
Онъ, проѣзжая темной рощей, видѣлъ
Ликующихъ трехъ эльфовъ, на цвѣтокъ
Спустившихся громадный у дороги,
Который вдругъ заколебался: такъ
Дрожить волчець, когда три коноплянки
На-перебой начнутъ клевать зерно.

По вечерамъ передъ его конемъ
Свой хороводъ всегда водили эльфы,
Слетаясь и разлетаясь вновь,
И все въ странѣ особой жизнью жило.
Когда-же онъ пріѣхалъ въ Камелотъ,
Подъ сводами, вокругъ лампадь зажженныхъ
Кружился вновь воздушный хороводъ...
А во дворцѣ такой былъ пиръ устроенъ,
Какой не снился людямъ. Всѣ блюда,
Какихъ желали рыцари отвѣдать,
Незрими руками подавались.
Былъ даже слухъ, что въ погребѣ у втулокъ
Веселые пузатенькіе гномы
Толпились; на бочкахъ возсѣдали
Они верхомъ, пока лилось вино:
Такъ счастливы народъ и духи были
Здѣсь до прибытыя грѣшной королевы».

И съ горечью сказала королева:
— «Плохѣе-же они пророки были
Въ ихъ радости: и духи, и народъ!
Ужель никто (и мудрый твой отецъ
Съ видѣньями своими) не предвидѣлъ
Опасности, грозящей государству?»

И дѣвушка отвѣтила поспѣшно:
— «Предвидѣлъ бардъ! Онъ, по словамъ отца,
И предъ лицомъ враговъ, плывущихъ съ моря,
Не усташасъ, пѣлъ боевыя пѣсни
Межъ бурныхъ волнъ и недоступныхъ скалъ.
Таинственныхъ сложилъ онъ много пѣсень
О жизни и о смерти на вершинахъ
Туманныхъ горъ, и имъ внимали духи,
Чьи волосы, какъ пламень, раздувались —
Такъ говорилъ отецъ... И въ эту ночь
Бардъ воспѣвалъ артуровы побѣды,
И короля онъ выше смертныхъ ставилъ,
И тѣхъ громилъ, кто сыномъ Горлоиса
Его считалъ подложнымъ. Никому
Невѣдомо, откуда онъ явился.
За бурей вслѣдъ, когда, какъ длинный гребень,
Вдоль грознаго побережья Буда съ Боссомъ
Еще валы вздымались, день насталъ,
Какъ небо, тихій. Въ дикомъ Дундагилѣ,
У моря Корнваллійскаго, тогда
Былъ на песокѣ найденъ нагой младенець:
То былъ Артуръ, его призрѣли люди,
Пока вѣнецъ онъ чудомъ не пріялъ.
Но отъ людей его могила скрыта,
Какъ колыбель его (такъ пѣлъ пѣвецъ),
И если-бы жену онъ встрѣтилъ, столь-же
Великую, сколь онъ, какъ мужъ, велркъ —
Они вдвоемъ весь міръ-бы измѣнили...
Тутъ, не допѣвъ, остановился бардъ,
И выронилъ онъ арфу, пошатнулся
И, поблѣднѣвъ, упалъ-бы безъ поддержки...
Видѣнья онъ не захотѣлъ открыть,
Но нѣтъ сомнѣнья въ томъ, что онъ предвидѣлъ
Великій грѣхъ Джиневры съ Ланселотомъ».

И про себя сказала королева:
«Игуменьей, лишь съ виду простодушной,
И сестрами подослана она».
А дѣвушка въ слезахъ, всплеснувъ руками,
Срамитъ свою болтливость начала
Въ потокѣ словъ. Въ обители не даромъ
Бранять ее за невоздержность въ рѣчи.
— «И если, леди добрая, межъ тѣмъ,
Какъ слишкомъ вы скорбите для того,
Чтобъ мнѣ внимать — вашъ слухъ я болтовней

Моей тревожу дерзко и рассказы
Отцовскіе передаю — браните
Меня и вы, чтобъ не срамила память
Я моего отца! Онъ благородно
Держалъ себя, хотя и говорилъ,
Что въ обхожденѣ благороднѣй всѣхъ.
Сэръ Ланселотъ. Отецъ убить въ турнирѣ
Пять лѣтъ назадъ, и я теперь одна..
Но изъ двоихъ, что славятся всѣхъ больше
Учтивостью своей — скажите мнѣ
(Иль за вопросъ журите неумѣстный),
Всѣ знали ихъ, — который благороднѣй:
Сэръ Ланселотъ иль нашъ король Артуръ?»

И блѣдная сказала королева:
— «Сэръ Ланселотъ, какъ рыцарю пристало,
Былъ съ дамами учтивъ и на турнирѣ,
Какъ и въ бою, не думалъ о себѣ.
Король въ бою и на турнирѣ также
Не думалъ о себѣ, и были оба
Обычаемъ своимъ всѣхъ благороднѣй.
Обычай — не пустое: благородной
Натуры и ума — достойный плодъ!»

— «Какъ? — дѣвушка вскричала: — плодъ до-
стойный?»

Но, если такъ, — то благородствомъ ниже
Въ тысячу кратъ Артура Ланселотъ:
Безчестнѣйшій изъ всѣхъ друзей на свѣтѣ».

Отвѣтила печально королева
— «Заключена въ стѣнахъ монастыря,
Что знаешь ты о мирѣ и о томъ,
Что свѣтъ и мракъ, и счастье, и горе?
И если Ланселотъ, что благороднѣй
Всѣхъ рыцарей, неблагороденъ былъ
На часъ одинъ, молись, чтобы геенны
Онъ огненной избѣгъ, и плачь о той,
Изъ-за кого грозить ему геенна».

И былъ отвѣтъ: — «Молюсь я за обоихъ,
Но вѣрить не могу, чтобъ благородствомъ
Сэръ Ланселотъ былъ равенъ королю,
Какъ не могла-бъ, о, дорогая леди,
Я королевой грѣшною васъ счесть».

Такъ, болтуну подобно, оскорбляла
Она, стремясь утѣшить, и язвила,
Желая исцѣлить. Румянцемъ гнѣва
Зардѣлся вдругъ Джиневры блѣдный ликъ,
Воскликнувшей: — «Другой, тебѣ подобной,
Пусть никогда не будетъ! Ихъ орудье —
Ты прислана терзать меня и мучить,
И унижать! Измѣнница, шпионка!»

А дѣвушка, межъ тѣмъ, какъ разразился
Грозою гнѣвъ Джиневры, поднялась
И въ ужасѣ, бѣлѣ покрывала,
Предъ королевой встала, трепеша,
Подобная прибрежной пѣнѣ въ вѣтеръ,
Что отступить готова иль разлиться;
При словѣ-же: «ступай!» — бѣжала въ страхѣ.

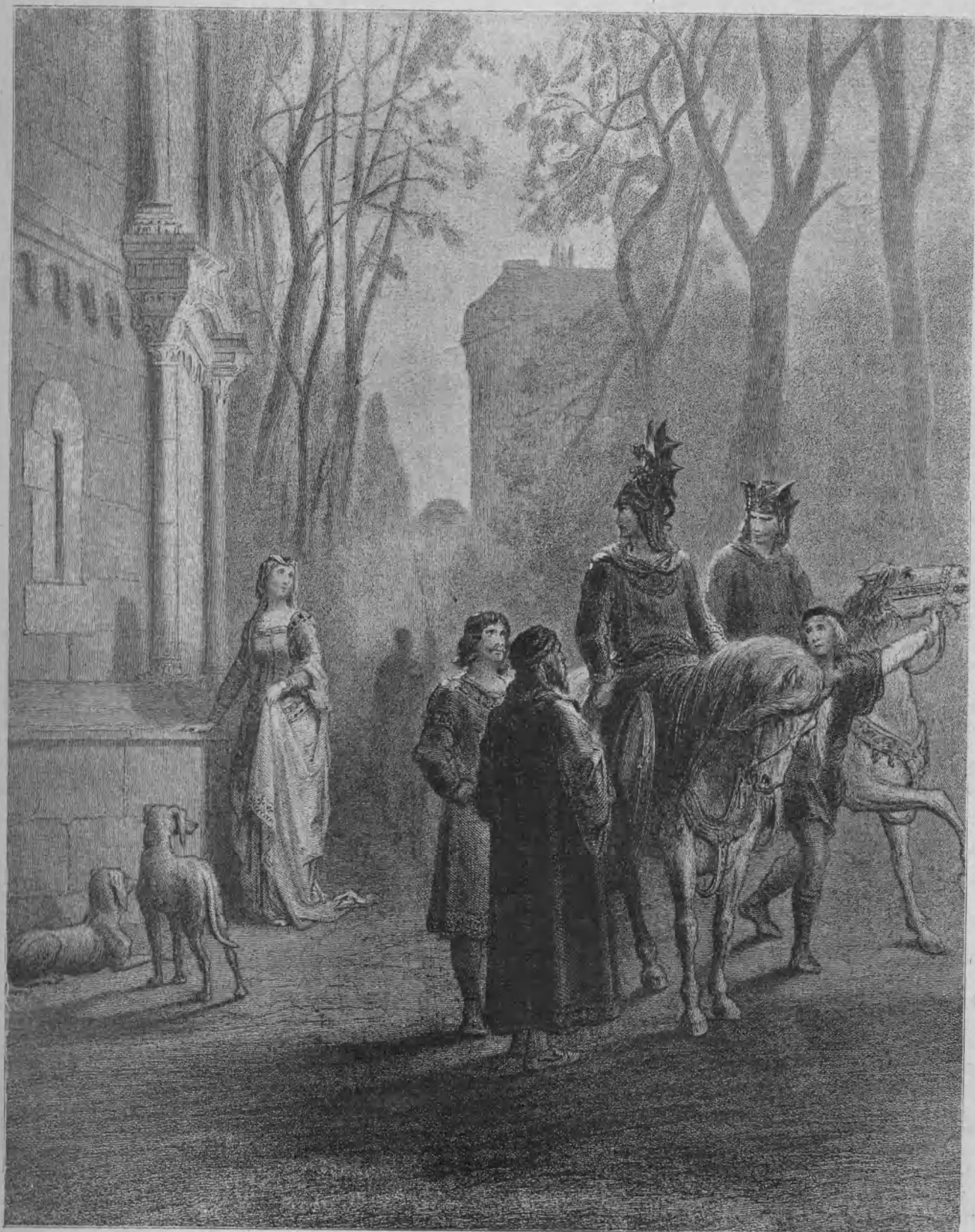
Когда одна осталась королева,
То, успокоясь, молвила, вздохнувъ:
— «Безъ умысла ребенокъ неразумный
И боязливый говорилъ со мной.
Моя вина, не въ мѣру боязлива,
И каждаго ребенка неразумнѣй —
Сама себя всечасно обличаетъ.

Но помоги мнѣ, Боже! каюсь я.
Вѣдь, истинное покаянье въ томъ,
Чтобъ мысленно, въ завѣтныхъ самыхъ думкахъ,
Не вспоминать о сладостномъ грѣхѣ,
Прошедшее наполнившемъ отрадой,
А я клялась его не видѣть больше,
Не видѣть никогда».

III.

Такъ говоря,
Привычною мечтой переносилась
Она, межъ тѣмъ, къ той золотой порѣ,
Когда предсталъ ей Ланселотъ впервые:
Славнѣйшій рыцарь, лучший изъ людей,
Прибывшій къ ней посломъ Артура съ тѣмъ,
Чтобъ къ королю отвезть ее. Дорогой,
Оставивъ обѣ свиты позади,
Онъ ѣхалъ съ ней — въ бесѣдѣ оживленной
Иль сладостной, касавшейся любви,
Турнировъ, игръ, охоты и веселья.
(Былъ мѣсяць май, но грѣхъ не снился имъ.)
Такъ ѣхали они среди долинъ,
Что райскими казались, по ковру
Изъ павинтовъ нѣжныхъ, проступавшихъ
Изъ-подъ земли подобіемъ небесъ.
Среди холмовъ дорога шла; съ закатомъ
Заранѣ въ чарующей долинѣ
Раскинуты гонцами, возвышались
Для отдыха ночного иль закуски
Богатые артуровы шатры.
И, наконецъ, однажды на закатѣ,
Близъ тихаго ручья иль водопада,
Великаго Дракона стягъ предсталъ,
Вѣнчающій шатеръ Артура пышный.

Пока въ такихъ мечтаньяхъ королева
Къ прошедшему невольно уносилась,
Того достигла мѣста, гдѣ навстрѣчу
Изъ города къ ней выѣхалъ король,
И съ устъ ея сорвался вздохъ при мысли,
Что конченъ путь. Взглянувъ на короля,
Его нашла она холоднымъ, гордымъ
И сдержанно безстрастнымъ, не похожимъ
«На моего милорда Ланселота».
Пока она, въ мечты свои уйдя,
Опять грѣшила мысленно — къ воротамъ
Подѣхалъ вдругъ вооруженный всадникъ.
Въ обители пронесся тихій шепотъ
И крикъ: «король!». Она, застывъ, сидѣла,
Прислушиваясь къ шуму, но, когда
Отъ входа, вдоль по длинной галлерей
Послышались шаги и шпоръ бряпанье —
Съ сидѣнья соскочивъ, упала ницъ:
Межъ бѣлыхъ рукъ и пышныхъ косъ укрыла
Она лицо отъ взора короля.
Во тѣмъ она слыхала, что шаги
Остановились тутъ и все затихло;
Затѣмъ, какъ голосъ призрака глухой,
Что приговоръ вѣщаетъ, измѣненный
Послышался ей голосъ короля:
— «Ты-ль здѣсь лежишь во прахѣ, дочь того,
Кого я чтилъ, счастливаго, что раньше
Скончался онъ, чѣмъ твой позоръ узрѣлъ?
Ты не дала и — къ счастью — лютства.
Огонь и мечъ, и близкихъ вѣроломство,
Развалины, законовъ нарушенье,
Безбожныя языческія орды,
Идущія отъ сѣвернаго моря —
Вотъ имена тобой рожденныхъ чадъ!
Покуда былъ моею рукою правой

..... Такъ тронулись они.
И, сдѣлавъ шагъ, она остановилась
Въ воротахъ. Пряди свѣтлыя волось

Вились вокругъ печальнаго лица,
Алѣвшаго отъ поцѣлуевъ брата.

(Стр. 21)

Сэръ Ланселотъ, межъ рыцарями первый,
Язычниковъ я въ царствѣ христіанскомъ
Здѣсь разгромилъ въ двѣнадцати бояхъ.
А знаешь-ли, откуда я? Съ войны,
Которую съ нимъ велъ ожесточенно.
И онъ, ударъ тягчайшій мнѣ нанесшій,
Хранить еще настолькоъ благородства,
Что самъ руки на короля не поднимать,
Которому онъ рыцарствомъ обязанъ.
Но рыцарей въ бою погибло много.
Къ нему примкнулъ весь родъ его и съ нимъ
Въ его землѣ остался. А другіе,
Нарушивъ долгъ и вѣрность государю,
За Модредомъ возстали мятежемъ.
Немногіе со мной пошли; изъ этихъ
Мнѣ преданныхъ людей, и для которыхъ
Я самъ живу, тебѣ оставлю часть
Охраною въ опасный часъ, чтобъ водостъ
Не палъ съ твоей склоненной головы!
Не бойся; ты, пока живу, хранима,
Хотя, когда не лживы предсказанья
Старинныя — иду я встрѣтить смерть.
Такою-ль жизнь ты сдѣлала мою,
Чтобъ я, король, стремился къ этой жизни?
Ты цѣль ея святую загубила.
Снеси теперь, что я — тебя-же ради —
Въ послѣдній разъ на грѣхъ твой укажу.
Когда ушли послы и въ царствѣ нашемъ
Утратили законы Рима силу,
И грабежи царили по дорогамъ —
Лишь изрѣдка отважныя дѣла
Возстановлять пытались справедливость.
Я первымъ былъ изъ королей, который
Всѣхъ странствующихъ рыцарей, всѣ земли
Объединилъ подъ властью королевской,
И основалъ, его главою ставъ,
Я Круглаго Стола великій орденъ —
Достойное собранье, цвѣтъ людей,
Чтобъ онъ служилъ для міра образцомъ,
Явившись вѣка новаго началомъ.
Давъ руку мнѣ, они давали клятву
Чтить короля, какъ собственную совѣсть,
И совѣсть чтить, какъ короля; клялись
Язычество громить, служить Христу
И странствовать, отстаивая правду,
Не клеветать и не внимать извѣтамъ
И чистоту полнѣйшую блюсти,
Любить одну лишь дѣву неизмѣнно,
И славными дѣлами добиваться
Любви ея. Воистину, не знаю
Я лучшаго наставника на свѣтѣ,
Чѣмъ дѣвственная страсть къ невинной дѣвѣ,
Который-бы не только подавлялъ
Все низменное въ людяхъ, но рождалъ-бы
Возвышенные помыслы, учтивость,
Порывы къ славѣ, къ истинѣ любовь,
И все, что можетъ сдѣлать человѣкомъ.
Такъ жили мы до брака моего.
Я мыслилъ: ты помощницей мнѣ будешь,
Дѣлать мои стремленья станешь ты
И радоваться радостью моею.
Затѣмъ твой грѣхъ постыдный съ Ланселотомъ,
Затѣмъ Изольды и Тристана грѣхъ:
Грѣхи славнѣйшихъ рыцарей ввели
Въ соблазнъ другихъ; беря съ именъ великихъ
Дурной примѣръ, тѣ начали грѣшить,
Покуда все не совершилось гнусно
Обратное тому, чего я жаждалъ.
И ты всему виною. Жизнь мою,
Какъ Божій даръ, хранилъ я отъ напасти,

Но не страшусь утратить, и скорѣе
Я думаю: какъ было-бъ тяжело —
Останься онъ въ живыхъ — сидѣть Артуру
Въ палатахъ опустѣлыхъ, гдѣ не встрѣтить
Онъ рыцарей привычный кругъ, не будетъ
Внимать рѣчамъ о подвигахъ, какъ было
Въ дни свѣтлые, до твоего грѣха.
Вѣдь, если-бы о вѣрности сердечной
Упомянулъ одинъ изъ уплѣвшихъ —
Казалось-бы, что на тебя онъ смотритъ...
И въ Камелотѣ, въ Ускѣ тѣнь твою
Блуждающей я видѣлъ-бы въ палатахъ,
Твой образъ воскресалъ-бы въ каждомъ платьѣ
Оставленномъ, въ покинутомъ уборѣ
И въ каждомъ звукѣ призрачныхъ шаговъ
По лѣстницѣ... Ты думать не должна,
Что, если короля ты не любила,
То и король вполнѣ уже утратилъ
Любовь къ тебѣ: не такъ измѣнивъ я,
И все-жъ тебя въ стыдъ твоемъ покинул.
Тотъ человѣкъ — народа злѣйшій врагъ,
Кто для того, чтобъ избѣжать позора,
Себя, дѣтей-ли ради — госпожей
Винную жену оставить въ домѣ.
Изъ-за его трусливости, слывя
Повсюду непорочной, какъ недугъ
Невѣдомый, она заразу вноситъ
И молніи изъ глазъ лукаво мечетъ,
Высасываетъ вѣрность изъ друзей
И дьявольскую скорость придаетъ
Біенью сердца, чуть не половину
Всѣхъ юношей соблазномъ отравивъ...
Но человѣкъ, что, будучи монархомъ,
Поступить такъ — изъ худшихъ былъ-бы худ-

шимъ.

Пустой очагъ, больное сердце — лучше
Для короля, чѣмъ если-бы возсѣла
Ты въ блескѣ вновь на тронѣ королей —
Посмѣишемъ, проклятемъ для народа!»

Онъ смолкъ. Среди молчанья подползла
На шагъ она и обвила руками
Его колѣна. Одинокій рогъ
Послышался вдали, и, словно другу,
Конецъ боевой, стоявшій у воротъ,
Отвѣтилъ ржаньемъ. И король промолвилъ:
— «Не думай ты, что я пришелъ съ укоромъ,
Не проклинать явился я, Джиневра;
Я умереть отъ жалости готовъ,
У ногъ моихъ теперь во прахѣ видя
Ту голову прекрасную, которой
Гордился я въ счастливейшіе дни.
Мои гнѣвъ, что мнѣ подсказывалъ возмездье
Жестокое и огненную смерть
(Когда узналъ, гдѣ скрылась ты), прошелъ.
И скорбь моя, что слезы исторгала
Горючія, когда съ твоимъ другое
Я взвѣшивалъ — столь преданное сердце,
Что лжи въ тебѣ не вѣрило оно, —
И эта скорбь уже прошла отчасти,
И все прошло... Свершился грѣхъ, и, видишь,
Какъ Самъ Господь, я все тебѣ прощаю,
А для души ты сдѣлай остальное.
Но, какъ прошусь навѣки я со всѣмъ,
Что я любилъ? О, золото волосъ,
Которымъ я игралъ, не зная правды!
О, царственная стройность, красота,
Какой у женъ не видѣлъ міръ, покуда
Проклятіемъ страны она не стала!
Я не могу коснуться этихъ устъ,

Что не мои и не были моими —
Лишь Ланселотъ одинъ владѣть ими, —
Взять не могу руки твоей: она,
Вѣдь, также плоть, и плотски ты грѣшила,
И плоть моя, взирая на твою
Запятнанную плоть, кричать готова:
— «Ты ненавистна мнѣ!» — но я, Джиневра,
Люблю тебя — загѣмъ, что я не зналъ
Другой жены, и чрезъ посредство плоти,
Такъ въ жизнь мою вошла любовь глубоко,
Что мнѣ судьба — любить тебя, и пусть
Въ любви моей никто не усомнится.
И, если ты очистишься душою,
Найдя опору въ Господѣ Христѣ,
Передъ Творцомъ въ иномъ безгрѣшномъ мѣрѣ
Мы свидимся, быть можетъ, и ко мнѣ
Ты поспѣшишь, меня, а не того,
Чей мельче духъ, не Ланселота или
Кого-либо другого ты признаешь
Тогда своимъ. Прошу, оставь мнѣ эту
Послѣднюю надежду! Мнѣ пора!
Во тѣмъ густой я слышу рогъ призывный.
Король войска на западъ поведетъ.
Въ великій бой: ударю я на сына
Сестры моей, съ кѣмъ Бѣлаго Коня
Все воинство и рыцари, что были
Мои въ быломъ, теперь соединились,
Убью его и смерть найду, быть можетъ,
Иной удѣлъ таинственный: о немъ
Узнаешь ты, въ монастырѣ оставшись.
Но я сюда не возвращаюсь и ложа
Я никогда съ тобой не раздѣлю,
Мы болѣе не свидимся. Прощай!»

И тутъ ея, у ногъ его лежавшей,
Дыханье короля слегка коснулось,
И въ темнотѣ увидѣла она
Надъ головой поникшею своею
Простертыя съ благословеньемъ руки.

IV.

Когда шаги затихли, удаляясь,
Вся блѣдная Джиневра поднялась
И кинулась въ волненіи къ окну.
«Быть можетъ, — ей подумалось, — увижу
Его лицо, меня-жъ онъ не увидитъ!»

Онъ на конѣ сидѣлъ, и у воротъ,
По факелу держа въ рукѣ, стояли
Печальныя монахини предъ нимъ,
Заботамъ ихъ ввѣрялъ онъ королеву,
Прося пріютъ давать ей до конца.
Но опустилъ забрало онъ у шлема,
Который былъ дракономъ золотымъ
Британіи увѣнчанъ; ликъ его,
Что походилъ на ангельскій, невидимъ
Былъ для нея, но видѣла она
Въ туманной мглѣ и факеловъ сіяньѣ,
Какъ пламенѣлъ Великаго Дракона
Драконъ въ ночи, и огненный клубился
Паръ отъ него... Тутъ тронулся король;
Все болѣе и болѣе луной мглою
Окутывался онъ, какъ пеленой,
И призракомъ гиганта въ ней казался.
Онъ дѣлался сѣрѣе и сѣрѣй,
Пока не сталъ онъ образомъ туманнымъ,
Что двигался, какъ призракъ блѣдный, къ смерти.

Тогда она простерла руки съ крикомъ:
— «Артуръ!» На мигъ ей голосъ измѣнилъ,

Но, какъ потокъ, низвергшійся съ утесовъ,
Котораго струи слились внизу
И понеслись среди долинъ, прорвался
Онъ страстно вновь: — «Уѣхалъ господинъ мой!
Мой грѣхъ ведетъ его въ смертельный бой.
И онъ простилъ, и я въ отвѣтъ молчала!
Простился онъ, и съ нимъ я не простилась:
Я милостью подавлена была!
Уѣхалъ онъ — король, мой повелитель,
Мой господинъ! Но какъ его моимъ
Назвать дерзну? Другого тѣмъ со мною,
Она пятномъ ложится на меня;
Запятнанной назвала меня король.
Убить себя? Какая въ этомъ польза?
Вѣдь, ни грѣха, коль скоро духъ безсмертенъ,
Ни своего стыда я не убью
И жизнь ихъ не уничтожу также.
Въ недѣли — дни, а въ мѣсяцы — недѣли,
Рядъ мѣсяцевъ въ годъ цѣлый превратятся,
Года — въ вѣка, позора не изгладивъ,
Лежащаго на имени моемъ.
Я не должна о славѣ мѣра думать
И отъ всего мірскаго отрекаюсь.
Но что-жъ тогда? Надѣяться на что?
Нѣтъ, есть еще надежда, если онъ
Сулилъ ее и звалъ своей надеждой
Не съ тѣмъ, чтобъ посмѣяться! Но насмѣшка —
Сердцемъ ничтожныхъ дымъ — чужда ему.
Благословенъ король, мнѣ отпустившій
Вину мою, онъ далъ надежду мнѣ,
Что я въ душѣ осилю грѣхъ и буду
Предъ Господомъ его подругой въ небѣ.
Великій, благородный государь!
Межъ рыцарей ты походилъ на совѣсть
Безгрѣшную святого челоуѣка
Среди его мятежныхъ чувствъ. А въ ложной
И развращенной гордости моей,
Легко воспринимавшей впечатлѣнья,
Что снизу шли — почти я презирала
Ту высоту, къ которой не хотѣла,
Иль не могла подняться я сама.
Казалось мнѣ: въ той чистой атмосферѣ
Разрѣженной божественнаго свѣта
Я не смогу дышать; меня влекло
То, что нашла я въ Ланселотѣ: краски
И теплота. И лишь теперь я вижу,
Что выше всѣхъ, всѣхъ челоуѣчнѣй — ты,
Не Ланселотъ иль кто-нибудь другой.
Но, прежде чѣмъ пойдетъ онъ въ смертный бой,
Ужель никто не скажетъ государю,
Что мной, хотя и поздно, онъ любимъ?
Никто! Сама скажу я въ лучшей жизни!
Теперь оно — не въ мѣру смѣло. Боже,
Чего-бы я не совершила въ мѣрѣ,
Будь мной любимъ первѣйшій межъ людьми!
То былъ мой долгъ; сумѣй понять я это,
Оно-бы стало благомъ для меня,
А, если-бъ я умѣла видѣть, счастьемъ!
Кто выше всѣхъ, тотъ долженъ быть любимъ,
Не Ланселотъ иль кто-нибудь другой».

Тутъ чувствуя, что кто-то прикоснулся
Къ рукѣ ея, она кровью спустила,
И, дѣвушку увидѣвъ, что въ слезахъ
Прощеніе молила, ей сказала:
— «Простить, дитя? Онъ не простилъ-ли мнѣ?»
Когда-жъ она и плачущихъ монахинъ
Увидѣла, въ ней сердце растопилось,
И молвила она, заплакавъ съ ними:
— «Вы, наконецъ, виновную узнали,

Стубившую цѣль жизни короля!
Заприте-же меня въ стѣнахъ тѣснѣйшихъ
Отъ голосовъ, кричащихъ мнѣ: «позоръ!»
Сама себя позорить я не смѣю
Затѣмъ, что онъ меня доселѣ любитъ!
Что любить онъ — не сомнѣвайтесь въ томъ.
И потому, когда я не внушаю
Вамъ ужаса и не боитесь звать
Меня сестрой, меня вы пріютите,
Чтобъ, въ черное и бѣлое одѣта,
Я сдѣлалась монахиней, какъ вы,
Дѣлила постъ и розговѣнье съ вами,
Дѣлила ваши скорби, не печалась
При радостяхъ, но также не ликуя,
Молилась я, и за меня молились.
Пусть я лежу предъ алтаремъ во прахѣ
И низкія работы здѣсь несу,
Пусть раздаю я помощь немущимъ

И страждущимъ, которые богаче
И здоровѣй меня въ глазахъ Христа,
И язвы ихъ ужасныя врачую,
Чтобъ отъ своей мнѣ исцѣлиться. Такъ
Среди молитвъ и добрыхъ дѣлъ, во мракѣ
Зайдетъ мой день грѣховно-сладолюбивый,
Съ собой принесшій гибель королю».

Такъ молвила она, и принята
Въ среду сестеръ, надѣясь и тревожась:
Не поздно-ли? — игуменьей скончалась.
За добрыя дѣла и чистоту,
За рвеніе, а также ради сана
Высокаго въ быломъ — ее избрали
Игуменьей. Въ обители жила
Игуменьей она три краткихъ года,
И отошла въ страну, гдѣ вѣчный миръ.

Идаленіе Артура.

Въ предыдущей поэмѣ «Джиневра» рассказывалось, что преступная любовь королевы Джиневры и рыцаря Ланселота, друга и любимца короля Артура, была обнаружена Модредомъ, племянникомъ короля, издавна добивавшимся престола и не останавливавшимся ни передъ чѣмъ ради достиженія своей преступной цѣли. Оскорбленный въ своихъ лучшихъ чувствахъ, король Артуръ идетъ войною на Ланселота, около котораго соединились всѣ его родственники. Ланселотъ выбиваетъ Артура изъ сѣдла, но щадитъ его. Въ то-же время Модредъ приводитъ въ Англію орды язычниковъ «Вѣлаго Коня», т. е., по всей вѣроятности, славянъ-венедовъ съ острова Рюгена, гдѣ процвѣтала культъ Святовита, божеской принадлежности котораго являлся бѣлый конь. Артуръ передъ битвою является въ монастырь Амсбюри, гдѣ укрывалась королева Джиневра. Найдя ее тамъ, онъ скорбитъ о томъ, что поругано его лучшее чувство, а, главное, о томъ, что въ среду его рыцарей Круглаго Стола закралось растлѣніе рыцарской чести, приведшее къ нарушенію всѣхъ завѣтовъ ордена, а черезъ это къ разрушенію его и къ его гибели. Онъ высказываетъ увѣренность, что бой съ Модредомъ — его послѣдній бой. Затѣмъ, оставивъ въ монастырѣ раскаивающуюся Джиневру, король Артуръ ведетъ свои дружины противъ коварнаго племянника Модреда и возставшихъ рыцарей. Въ кровопролитномъ сраженіи погибаетъ все войско того и другого, Модредъ въ схваткѣ жестоко ранитъ короля, но Артуръ поражаетъ его на смерть съ помощью чудеснаго меча Экскальбура. Послѣ этой побѣды Артуръ чувствуетъ, что близка его кончина. Онъ скорбитъ о своихъ погибшихъ рыцаряхъ и приказываетъ рыцарю Бедиверу, единственному оставшемуся въ живыхъ, забросить Экскальбуръ въ озеро. Бедиверъ сперва колеблется и не рѣшается исполнить приказаніе. Послѣ настояній короля онъ идетъ къ озеру, но Экскальбуръ прельщаетъ его своимъ видомъ. Рыцарь вспоминаетъ предсказаніе мудраго старца Мерлина о томъ, что Артуръ долженъ возвратиться на престолъ, и воображаетъ, что Экскальбуръ понадобится королю по возвращеніи; поэтому онъ не закидываетъ меча въ озеро, а только причетъ его. Король Артуръ по смущенію своего послѣдняго рыцаря узнаетъ, что приказаніе его осталось не исполненнымъ, снова заставляетъ его пойти забросить чудесный мечъ въ озеро; Бедиверъ идетъ и опять не рѣшается исполнить королевское приказаніе. Король въ третій разъ посылаетъ Бедивера; тотъ снова колеблется, но потомъ исполняетъ королевское приказаніе. Чудесный мечъ принимаетъ дивная рука, появившаяся изъ глубины озера. Артуръ послѣ этого приказываетъ Бедиверу свести себя на берегъ; здѣсь появляется траурная ладья съ тремя королевами, бывшими при водареніи короля Артура (см. поэмѣ «Вступленіе Артура»). Онѣ принимаютъ къ себѣ короля. Онъ прощается съ Бедиверомъ, увѣряя его, что нынѣ онъ исцѣлился отъ своей раны. Затѣмъ ладья медленно исчезаетъ, и Бедиверъ остается въ увѣренности, что его король не умеръ, а возвратится еще къ своему народу.

I.

СРЪ Бедиверъ, что первымъ посвященъ
Быль въ рыцари и уцѣлѣлъ послѣд-
нимъ,
Когда въ сѣдую зиму дней остался
Отъ рыцаря лишь голосъ — эту повѣсть
Рассказывалъ живущимъ вмѣстѣ съ
нимъ.

Иной у нихъ обычай былъ и обликъ.

Предъ битвою на западѣ послѣдней —
Гевейна духъ, въ войнѣ съ сэръ Ланселотомъ
Убитаго, пронесся въ вихрѣ вѣтра
Надъ спящимъ королемъ и простоналъ:
— «Какъ пусты, пусты наслажденья всѣ!
Уйдешь, король, завтра ты изъ міра.
Прости! Тебя покоя островъ ждетъ,
А долженъ я носиться съ буйнымъ вѣтромъ.
Какъ пусты, пусты наслажденья всѣ!»
И, уносясь, подобно дикимъ птицамъ,
Свершающимъ въ ночи свой перелетъ,
Что съ криками летятъ отъ тучи къ тучѣ —
Сонъ удалялся въ завываньѣ вѣтра,
Но съ воплями глухими онъ сливался
Вдали, гдѣ мѣсяцъ надъ холмомъ взошелъ;
Казалось, врагъ напалъ на городъ ночью,
Дѣтей и женъ въ неволю уводя.

Тогда Артуръ проснулся и спросилъ:
— «Кто говорил? Мечта! Твой голосъ въ
вѣтрѣ

Звучалъ, Гевейнъ. Твои-ли это крики?
Иль призраки пустынныхъ дикихъ мѣстъ
Оплакиваютъ мой конецъ грядущій».

Сэръ Бедиверъ услышалъ и сказалъ:
— «О, государь! Пусть преходящи эльфы
И огоньки болотные! Но имя
Со славою твоею возсіяютъ,
Какъ золотое облако, навѣки
Со всѣхъ высотъ! Конецъ твой далеко,
И въ смерти, какъ при жизни, легкомысленъ
Во всемъ Гевейнъ: духъ съ человѣкомъ схождъ.
Забудь-же сны о немъ и поднимись.
Я Модреда шаги съ востока слышу;
Съ нимъ многіе изъ рыцарей твоихъ,
Которыхъ ты любилъ, но стали хуже
Язычниковъ они, обѣтъ нарушивъ,
И королемъ тебя въ душѣ считая.
Возстань! Впередъ! Какъ прежде — побѣди!»

И отвѣчалъ король сэръ Бедиверу:
— «Намъ предстоящій на востокѣ бой
Совсѣмъ иной, чѣмъ въ юности сраженья,
Когда, отбивъ отъ Рима, гнали мы
Язычниковъ на сѣверъ. Горькій жребій!
На рыцарей, на свой народъ иду!
Воюя съ нимъ — съ собой король воюетъ.
И тотъ ударъ, что рыцарей, любившихъ
Меня, сразитъ, моею смертию будетъ.
Но двинемся, ница дорогъ во мглѣ.
Съ тѣхъ поръ, какъ я лежашею во прахѣ
Ее увидѣлъ въ Амсбюри — туманомъ
Окутаны земные всѣ пути».

Король возсталъ и въ ночь повелъ дружину.
Сэръ Модреда за милей милою гналъ
Онъ къ западной границѣ Лайонесса —
Страны, въ быломъ лишь силою огня
Подземнаго явившейся изъ бездны,

Чтобъ въ бездну пасть. Племень забытыхъ жили
Остатки здѣсь. Оканчивались горы
Зыбучими песками, дальше было
Шумящее и призрачное море.

Тутъ некуда бѣжать бѣжавшимъ было
Предъ королемъ и гнавшимся—ихъ гнать.
И здѣсь, въ тотъ день, когда въ теченье года
Блѣднѣй горитъ небесный свѣтъ, у моря
Пустыннаго они сошлись въ пустынь.
Въ такомъ бою еще Артуръ не бился,
Какъ мрачный бой послѣдній на востокѣ
Блѣдна, какъ смерть, на всемъ лежала мгла
И сырость въ кровь съ дыханьемъ проникала,
Невольнымъ страхомъ сердце леденя.
Былъ самъ Артуръ въ смятеніе повергнутъ,
Не видя, съ кѣмъ сражается. Во мглѣ
И другъ, и врагъ—какъ тѣни были. Друга
Другъ поражалъ, не зная, съ кѣмъ онъ бьется.
Изъ золотой ихъ юности видѣнья
Инымъ въ бою являлись. Предъ другими
Тамъ призраки старинные вставали,
Смотрѣвшие на бой; во мглѣ свершались
Великія и низкія дѣла:
Въ единоборствѣ силу, случай, хитрость—
Пускали въ ходъ; гдѣ войско шло на войско—
Ударами доспѣхи разбивались,
Ломались шпоры, твердые щиты.
И лязгъ мечей, и звонъ сѣкиръ по шлемамъ...
Тамъ слышались къ Христу воззванья павшихъ.
Чей взоръ во мглѣ не находилъ небесъ;
Язычниковъ и рыцарей виновныхъ
Проклятія, насмѣшки, богохульство,
Борьба и страхъ, тяжелое дыханье
Во мглѣ густой, мольбы о свѣтѣ, крики
Агоніи и мертвыхъ голоса.

И такъ-же, какъ у смертнаго одра,
Когда замолкъ послѣдній крикъ страданья,
Смѣнившійся безмолвьемъ, полнымъ смерти—
Такъ стихло все на берегу, лишь слышенъ
Былъ рокотъ волнъ. Когда-же скорбный день
Темнѣе сталъ предъ сумерками, вѣтеръ
Вдругъ съ сѣвера подулъ и разогналъ
Тумана мглу. Приливъ поднялся съ вѣтромъ...
И оглядѣлъ, блѣднѣя, поле брани
Король Артуръ: никто не шевелился,
Не слышались ни крики христіанъ,
Ни возгласы язычниковъ; лишь волны
Безжизненные лица омывали,
Безильные приподнимали руки,
Раскидывали шлемы мертвецовъ,
Обломки тѣхъ мечей, что бились съ Римомъ,
И голосъ ихъ гремѣлъ вдоль береговъ—
Минувшихъ дней и дней грядущихъ голосъ.

Заговорилъ Артуръ съ сэръ Бедиверомъ;
Блѣднѣе млы, лежавшей цѣлый день
На полѣ брани, былъ король Артуръ:
—«Ты слышишь голосъ мощный? Потрясаетъ
Онъ цѣлый міръ, опустошаетъ царства,
Въ лицо моимъ онъ дышитъ мертвецамъ.
Мои! Они изъ-за меня погибли.
О, Бедиверъ, запало въ душу мнѣ
Смятеніе такое, что не знаю,
Кто—я? Откуда? И король-ли—я?
Смотри, вѣдь, я—надъ мертвыми король».

И отвѣчалъ сэръ Бедиверъ:—«Король мой!
Король—вездѣ! У мертвыхъ есть король,

И короля въ тебѣ я почитаю.
Но ты живешь, и я живу еще
Въ любви къ тебѣ, а недругъ твой, привед-
шій

Язычниковъ и долгу своему
Измѣнникъ—вотъ сэръ Модредъ неведимый».

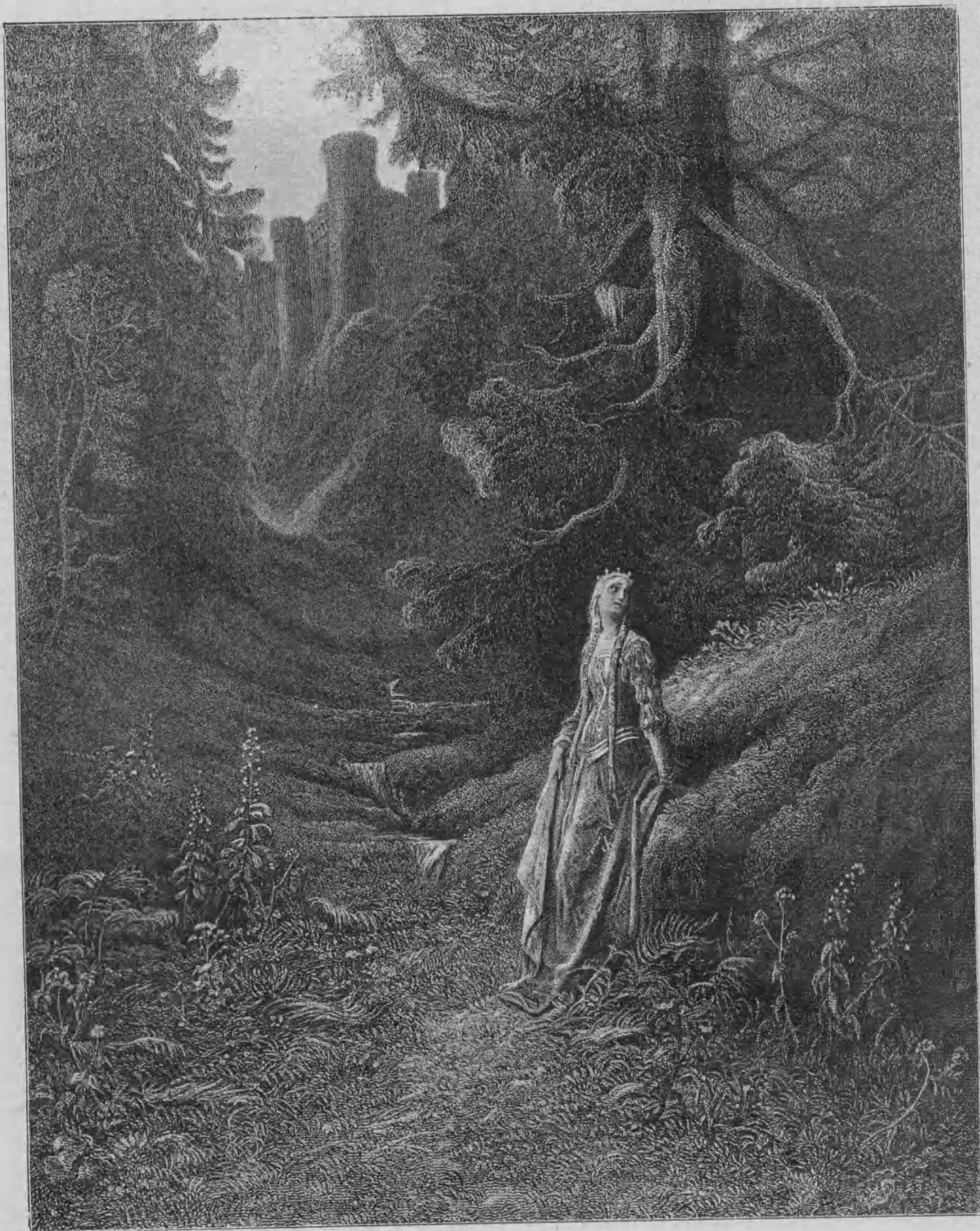
Король сказалъ:—«Мой домъ—моя погибель.
Но не измѣнникъ дому моему
Тотъ, кто лишь жилъ подъ кровлею со мною.
Мой домъ—они, что въ вѣрности клялись
И, даже измѣняя, почитали
Меня въ душѣ за короля. И благо
Тебѣ за то, что въ мрачный часъ, когда
Лишился мой престолъ опоры всякой,
За короля меня ты считаешь.
Да, я—король, всѣмъ крикамъ вопреки,
И, прежде чѣмъ уйду, въ послѣдній разъ
Я совершу поступокъ королевскій».

И, молвивъ такъ, король Артуръ напалъ
На Модреда, который государя
Ударилъ въ шлемъ, отъ множества ударовъ
Языческихъ съ годами ставшій тоньше.
Тогда король Артуръ единымъ взмахомъ—
Эскалибуръ нанесъ ударъ послѣдній—
Убилъ его, и самъ, какъ мертвый, палъ.

II.

Такъ цѣлый день гремѣлъ сраженья громъ
Въ горахъ, у моря зимняго, покуда
Артуровъ Столъ—одни другимъ вослѣдъ—
Близъ короля не пали въ Лайонессѣ.
А, такъ какъ онъ былъ раненъ тяжело
Сэръ Бедиверъ въ часовню возлѣ поля
Отнесъ его; алтарь разрушенъ былъ
И сломанъ крестъ. Часовня-же стояла
На темной полосѣ земли безплодной;
Со стороны одной былъ океанъ
И озеро—съ другой. Былъ полный мѣсяцъ.

И такъ сказалъ король сэръ Бедиверу:
—«Послѣдствіемъ сегодняшняго дня
Является союза распаденье,
Славнѣйшаго изъ рыцарскихъ союзовъ,
Существовавшихъ въ мірѣ. И какимъ
Заснули сномъ всѣ тѣ, кого любилъ я!
Намъ никогда не наслаждаться больше
Разказами о рыцарскихъ дѣяньяхъ,
Какъ наслаждались мы въ быломъ, гуляя
Среди палатъ и въ рощахъ Камелота;
Черезъ тѣхъ, кого я создалъ, погибаю,
Хотя Мерлинъ клялся, что на престолъ
Я возвращусь. Но будь, что быть должно.
Такъ глубоко сквозь шлемъ я пораженъ,
Что до утра я протянуть не въ силахъ.
Итакъ, возьми мой мечъ Эскалибуръ,
Которымъ я гордился. Помнишь, лѣтомъ
Однажды въ часъ вечерній появилась
Изъ озера вся въ бѣломъ аксамитѣ
Таинственная, дивная рука,
И въ ней былъ мечъ! Подплывъ, я взялъ его
И съ той поры владѣлъ имъ, какъ король.
Впослѣдствіи въ тѣхъ пѣсняхъ и преданьяхъ,
Что сложать обо мнѣ, и это скажутъ.
Не медли-же, возьми Эскалибуръ
И въ озеро его брось посрединѣ.
Про все, что тамъ увидишь и услышишь,
Ко мнѣ со скорой вѣстью возвратись».

..... Какъ призракъ, день за днемъ
Взадъ и впередъ во тьмѣ она скользила...

(Стр. 30.)

Отвѣтилъ смѣлый Бедиверъ: — «Король,
Безъ помощи и раненаго тяжко
Сквозь шлемъ тебя опасно одного
Здѣсь оставлять: пустякъ — во вредъ больному.
Но твой приказъ исполню. Что увижу,
Про все къ тебѣ вернусь со скорой вѣстью».
Отвѣтивъ такъ, онъ вышелъ изъ развалинъ,
Въ лучахъ луны шагая по могиламъ,
Хранившимъ кости мощныя бойцовъ
Былыхъ временъ. Холодный рѣзкій вѣтеръ
Свистѣлъ и пѣной брызгалъ на могилы.
Извилистой тропой межъ кручъ спустился
Онъ къ озеру, лежавшему въ сѣнѣхъ.

Тутъ обнажилъ онъ мечъ Экскалибуръ;
Межъ тѣмъ, луна морская, прорвавъ
Надъ головой его завѣсу тучъ
Вмигъ рукоять сѣннемъ озарила,
Которая вся искрилась въ алмазахъ,
Безчисленныхъ топазахъ, гіацинтахъ,
Оправленныхъ чудесно. Помутилось
Въ глазахъ его отъ долгаго глядѣнья,
Раздвоились пути: бросать-ли мечъ?
И, наконецъ, ему казаться стало,
Что лучше скрыть ему Экскалибуръ
Межъ узловатыхъ водрослей, близко
У берега угрюмо шелестѣвшихъ.
Онъ медленно вернулся къ королю.

Тогда сказалъ Артуръ сэръ Бедиверу:
— «Исполнилъ ты велѣніе мое?
Ну, что-же ты увидѣлъ? Что услышалъ?»

И королю отвѣтилъ Бедиверъ:
— «Журчанье струй я слышалъ въ тростни-
кахъ
И шумъ воды, утесы омывавшей».

И рыцарю сказалъ онъ, слабъ и блѣденъ:
— «Ты собственной природѣ измѣнилъ
И имени, мнѣ правды не сказавъ,
Какъ рыцарство и долгъ повелѣвали.
Навѣрно, тамъ быть знаменья должны:
Рука иль голосъ, иль движеніе водъ.
Постыдно лгать. Прошу, ступай туда;
Поскольку ты мнѣ дорогъ — все исполни,
И возвратись ко мнѣ со скорой вѣстью!»

Сэръ Бедиверъ вторично пересѣкъ
Возвышенность; вдоль озера шагая,
Задумчиво считалъ онъ валуны.
Но, чудо — рукоять въ оправѣ странной
И рѣдкостной — увидѣвъ, онъ воскликнулъ:
— «Но, если-бъ я и вправду бросилъ мечъ,
Отъ этого кому была-бы польза?
Какому злу оно-бы помѣшало?
Непослушанье — зло. Повиновенья
Власть требуетъ, но какъ погिनваться,
Когда король приказываетъ намъ
Во вредъ себѣ? Онъ боленъ, безъ сознанья.
Какой залогъ? Какую память міру
Оставить онъ? Лишь звукъ пустой и ропотъ
Сомнѣнія. Но, если-бы сберечь
Экскалибуръ въ сокровищницѣ царской,
Впоследствіи сказали-бъ на турнирѣ:
«Вотъ онъ — артуровъ мечъ Экскалибуръ,
Волшебной дѣвой озера сработанъ.
Она его ковала девять лѣтъ
Тамъ въ глубинѣ, въ подводныхъ нѣдрахъ горъ».
Современемъ, внушая уваженіе,

Такъ говорилъ-бы старецъ, а теперь
Почетъ и слава безъ слѣда погибнуть».

Такъ, собственнымъ сужденіемъ затемненный,
Экскалибуръ вторично спрягалъ онъ
И медленно вернулся къ королю.

И, тяжело дыша, спросилъ Артуръ:
— «Ну, что-же ты увидѣлъ? что услышалъ?»
И отвѣчалъ сэръ Бедиверъ отважный:
— «Лишь плескъ волны, утесы омывавшей,
Съ журчаньемъ струй въ прибрежныхъ тростни-
кахъ».

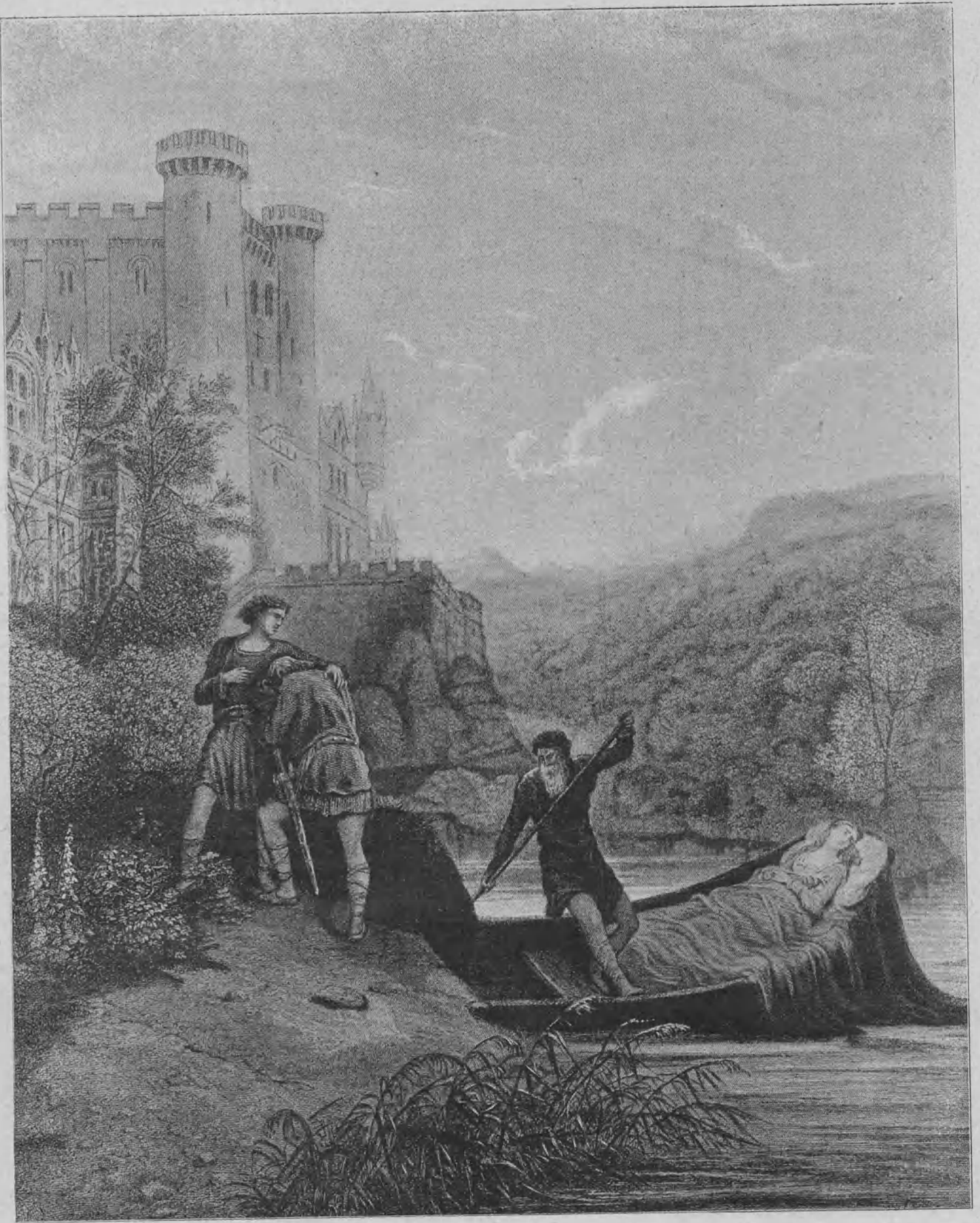
И въ гнѣвѣ тутъ король Артуръ воскликнулъ:
— «Презрѣнный ты, недобрый и невѣрный,
Не рыцарь, но измѣнникъ! Горе мнѣ!
Предъ смертью мощь монарху измѣняетъ
И власти онъ лишень въ глазахъ людей,
Склонявшихся предъ волею. Я вижу,
Кто ты таковъ, изъ рыцарей моихъ
Оставшійся послѣднимъ и кому
Служить за всѣхъ достойно надлежало!
Прельстившись рукоятью драгоцѣнной,
Ты измѣнилъ, богатства ты искалъ,
Иль тѣшилъ взоръ игрой камней, какъ дѣва.
Однако, тотъ, кто дважды не исполнилъ
Свой долгъ, его исполнить можетъ въ третій.
Ступай, но, если ты меча не бросишь,
Возставъ, убью тебя моей рукой».

Сэръ Бедиверъ бѣгомъ пустился въ путь
И, миновавъ утесы, погрузился
Онъ въ тростники; схвативъ Экскалибуръ
И завертѣвъ, его онъ бросилъ. Мечъ,
Какъ молнія, сверкнулъ при лунномъ свѣтѣ
И описалъ блестящую дугу.
Какъ видимъ мы при сѣверномъ сѣнѣхъ,
Когда въ ночи у сѣвернаго моря
Вдругъ съ грохотомъ столкнутся острова
Плавающіе сверкающаго льда —
Такъ заблесталъ и палъ Экскалибуръ,
Но, прежде чѣмъ коснулся водъ, рука
Таинственная, дивная, вся въ бѣломъ,
За рукоять его схватила, трижды
Имъ потрясла и скрылась подъ водою.

И быстро онъ вернулся къ государю.
И, тяжело дыша, сказалъ Артуръ:
— «Исполнилъ ты, я по глазамъ читаю.
Ну, говори: что-жъ видѣлъ ты и слышалъ?»

И отвѣчалъ отважный Бедиверъ:
— «Король, смежилъ я вѣки, чтобъ алмазы
Не ослѣпили воли. Никогда
Не видѣлъ я, нигдѣ я не увижу,
Хотя-бы жилъ три жизни, ничего
Подобнаго чудесной рукояти.
Обѣими руками завертѣлъ я
И бросилъ мечъ. И руку я увидѣлъ
Таинственную, дивную, всю въ бѣломъ.
Она, взявъ мечъ за рукоять, три раза
Имъ потрясла и скрылась подъ водою».

И, тяжело дыша, сказалъ Артуръ:
— «Приблизился конецъ мой, мнѣ пора.
Возьми меня и на плечахъ могучихъ
Ты на берегъ снеси. Боюсь, что холодъ
Мнѣ рану охватилъ, и я умру».

Нѣмой слуга схватился за весло,
И мертвая съ нѣмымъ вверхъ по теченью

Неслась въ ладѣ, держа въ рукѣ лилею,
Письмо — въ другой...

(Стр. 33.)

Такъ говоря, онъ медленно, съ усильемъ
Приподнялся, облокотясь на руку,
И жалобно онъ синими очами
Глядѣлъ, какъ съ полотна. Сэръ Бедиверъ,
Терзаясь угрызеньями, сквозь слезы
Смотрѣлъ на короля; ему хотѣлось
Заговорить, но не нашель онъ словъ.
Тогда, склонивъ колѣно, осторожно
Себѣ на плечи руки возложилъ онъ
Безсильныя и, короля поднявъ,
Понесъ его черезъ могилы кнзю.

III.

Съ трудомъ Артуръ переводилъ дыханье,
Какъ человѣкъ, терзаемый кошмаромъ,
Когда весь домъ безмолвствуетъ. Вздыхалъ
И шепотомъ твердилъ король: — «Скорѣе!
Боюсь, что будетъ поздно. Я умру!»

И рыцарь шель съ утеса на утесъ,
И на-ходу, среди холмовъ замерзшихъ,
Казался онъ громаднѣйшій человѣкъ.
За нимъ шумѣла бездна, предъ собой
Онъ слышалъ крикъ и подгоняемъ былъ
Онъ думами своими, словно жаломъ.

Надъ безднами, средь ледяныхъ ущелий
Его броня на немъ звенѣла глухо,
И съ двухъ сторонъ чернѣвшіе утесы
Ей вторили, когда онъ ставилъ ногу
На скользкіе каменя, задѣвая
Ихъ шпорами и вызывая звонъ.
И озеро имъ, наконецъ, открылось
Въ серебряномъ сіяніи луны.

Тамъ на волнахъ ладья предстала взорамъ,
Вся черная — отъ носа до кормы,
И статныя на ней виднѣлись тѣни,
Всѣ въ траурныхъ плащахъ и капюшонахъ,
А возлѣ нихъ — въ вѣнцахъ три королевы.

Изъ усть ихъ вопль къ дрожащимъ звѣздамъ
несся,
Онъ жалобой звучалъ, предсмертнымъ крикомъ,
И походилъ на завыванье вѣтра
Полночнаго въ странѣ, куда никто
Не приходилъ отъ сотворенья міра.

Артуръ сказалъ: — «Снеси меня туда!»

Приблизились они. Три королевы
Къ нему въ слезахъ тогда простерли руки
И приняли на палубу его.
Одна изъ нихъ — всѣхъ выше и прекраснѣй —
Тутъ голову Артура на колѣна
Къ себѣ рыдая положивъ, звала
По имени его и грѣла руки,
И съ головы разбитый шлемъ сняла,
И капли слезъ роняла на чело,
Запятнанное кровью. Блѣденъ былъ
Весь ликъ его, какъ мѣсяцъ на ущербѣ,
Котораго коснулся лучъ зари.
Набедренникъ его, ножныя латы —
Зардѣлись крови каплями, а кудри
Блестящія и свѣтлыя, что сходство
Его челу невольно придавали
Съ свѣтиломъ дня, когда оно восходитъ
Отъ трона своего, покрылись пылью
И заеклись, смѣшавшись съ бородой,
Уста его красиво окаймлявшей.

Съ поверженной колонною похожій,
Лежалъ король. Онъ не былъ тѣмъ Артуромъ
Съ копьемъ въ рукѣ, который — отъ пера
До шпоръ своихъ — блисталъ звѣздой турнира,
И въ Камелотѣ бился на аренѣ
Передъ очами дамъ и королей.

И громко тутъ воскликнулъ Бедиверъ:
— «Артуръ, мой государь, куда пойду я?
Гдѣ мнѣ укрыть чело мое и очи?
Окончились былыя времена,
Когда съ собой день каждый приносилъ
Возможность дѣлъ великихъ, а съ дѣлами —
И рыцари великіе являлись.
Такихъ временъ міръ не знавалъ съ тѣхъ поръ,
Какъ за звѣздой шли съ мироу волхвы.
Отнынѣ-же распался Круглый Столъ,
Который былъ эмблемою вселенной.
Изъ рыцарей послѣднимъ я остался
И тьмою мнѣ грозятъ и дни, и годы
Среди чужихъ людей и чуждыхъ лицъ».

И медленно съ ладьи Артуръ отвѣтилъ:
— «Смѣняется порядокъ старый новымъ.
Во всемъ — Господь, такъ безъ Его участия
И доброе ввело-бы міръ въ соблазнъ,
Утѣшься самъ, во мнѣ — не утѣшенъе.
Жизнь прожита и сдѣланное мной
Пускай Господь очиститъ. Если видѣть
Тебѣ меня не суждено, молись
Ты о душѣ моей. Сильнѣй молитва,
Чѣмъ думаютъ, и потому немолчно,
Какъ ключъ журчитъ, молись и день, и ночь.
Животнаго, безсмысленною жизнью
Живущаго, чѣмъ лучше были-бъ люди,
Когда-бы, зная Господа, къ Нему
За тѣхъ, кого зовутъ они друзьями,
И за себя не воздѣвали-бъ рукъ?
Теперь земля цѣплями золотыми
Прикована вездѣ къ стопамъ Творца.
Итакъ, прости! Иду я въ дальній путь
Со всѣми, кто здѣсь предстоитъ (иду-ли?
Не знаю самъ: сомнѣнемъ духъ томится),
И къ острову — долину Авильона
Мой путь лежитъ, гдѣ дождь и снѣгъ, и градъ
Не падаютъ, не дуетъ рѣзкій вѣтеръ;
Цвѣтушій и счастливый, онъ покрытъ
Роскошными лугами и садами
И теплыми морями омываемъ.
Тамъ я отъ раны тяжкой исцѣлюсь».

Такъ молвилъ онъ...

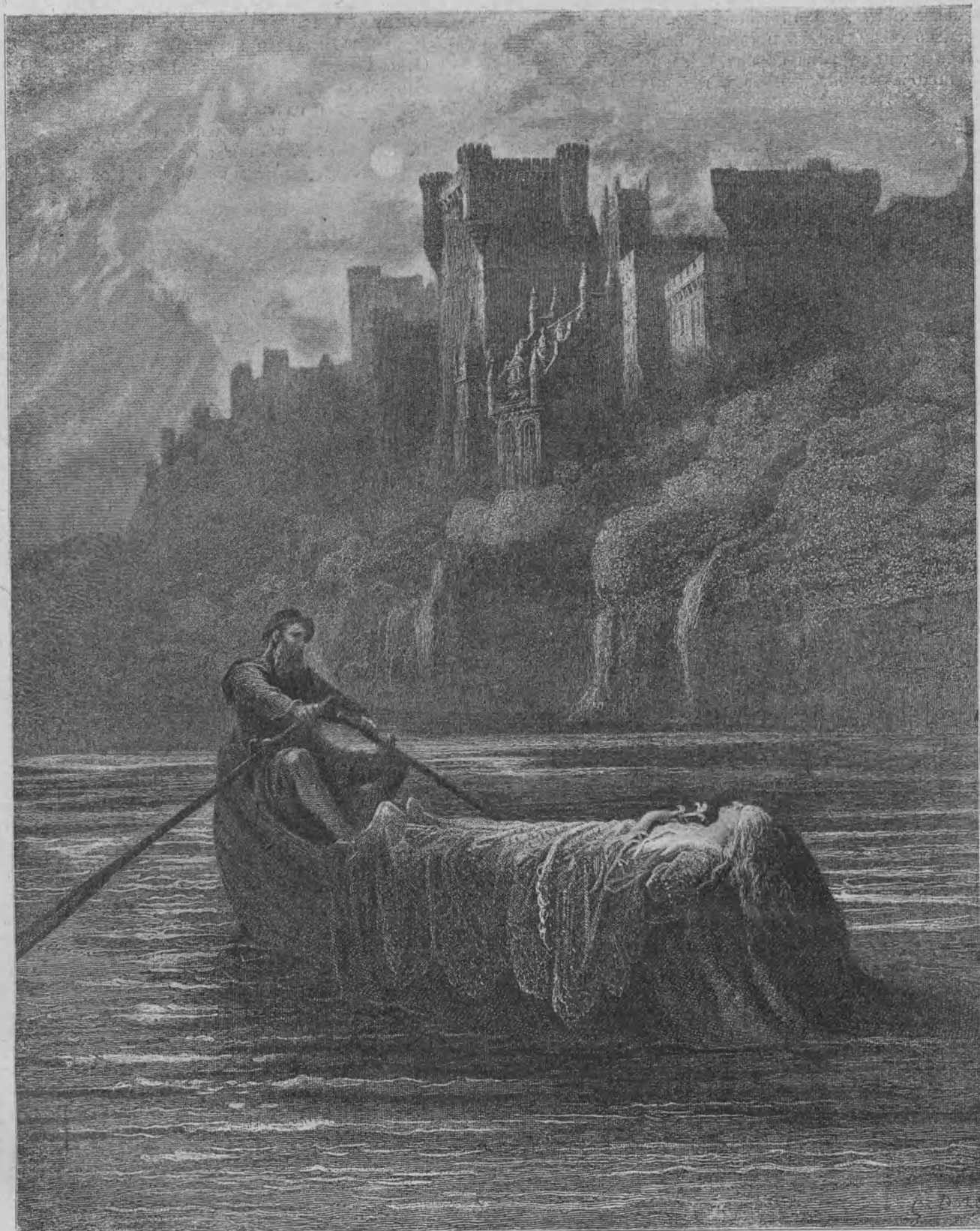
И весла зашумѣли,
Ладья подъ парусами отплыла
Отъ берега, какъ лебедь пышнокрылый,
Который, пѣснь предсмертную запѣвъ,
Сверкающія крылья расправляетъ.

IV.

И долго тамъ, воспоминаній полный,
Сэръ Бедиверъ стоялъ, пока ладья
Не сдѣлалась на небѣ предразсвѣтномъ
Лишь точкою и крикъ вдали не замеръ.

Онъ застоналъ и медленно на кручу
Послѣдняго утеса поднялся.

Ладья еще виднѣлась, и вскричалъ онъ:
— «Надъ мертвыми онъ будетъ королемъ.
Когда-же онъ отъ раны исцѣлится,

И медленно плыла вперед ладья,
А въ ней съ улыбкой дѣва Астолата
Покоилась, какъ звездочка въ ночи.

(Стр. 34.)

Вернется къ намъ... А если не вернется?
Ужели-же три темныхъ королевы
На траурной ладѣ, надъ нимъ въ тоскѣ
Рыдавшя, тѣ самыя, которыхъ
Мы видѣли въ великій день вѣнчанья,
Сіянемъ облеченныхъ и стоявшихъ
Въ безмолвіи у трона короля,
Ему помочь въ опасной часъ готовыхъ?»

Тутъ издали — такъ тихо, словно онъ
Изъ-за предѣловъ міра доносился —
Послышался послѣдній откликъ крика;

Казалось, единогласно городъ
Привѣтствуетъ монарха возвращенье.

Тутъ поднялся на высшую онъ точку,
Которой могъ достигнуть, и увидѣлъ,
Прикрывъ глаза и напрягая взоръ,
(Иль думалъ, что увидѣлъ) онъ ладью,
Артура уносившую. Она
Все далѣ неслась по безконечной
Пучинѣ водъ, все меньше становилась
И, наконецъ, въ сіяніи исчезла,
А съ новымъ днемъ настала и Новый Годъ.

Дозволено ценз. Спб., 20-го сентября 1903 г.

Ред. А. А. Каспари.